Сибирская летопись.

1916 г. №11-12.

ИРКУТСКАЯ ГОРОДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ В.Г. КОРОЛЕНКО

199605

05(57)
С.34

Сибирская Лѣтопись.

Журналъ исторіи, археологіи, географіи, этнографіи, культуры и общественности Сибири, Средней Азіи и Дальняго Востока.

199605

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 5.

№ 11—12.

Ноябрь—Декабрь 1916 г.

ИРКУТСКЪ.
ТИПОГРАФІЯ Т-ВА «М. П. ОКУНЕВЪ И К-О».
1916.

А. В. Адріановъ.

Ермаковская реликвія.

Точной даты основанія нынѣшняго села Ермаковскаго мнѣ не удалось выяснить. Ермаковская волость образована съ небольшимъ 30 лѣтъ тому назадъ, въ маѣ 1884 г., и потому въ архивѣ ея нечего искать свѣдѣній о времени возникновенія Ермаковска, входившаго раньше въ составъ Шушенской волости. Сельскій же архивъ начинается только съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія; куда онъ дѣвался за болѣе ранній періодъ времени, мнѣ не удалось разузнать. Что касается Шушенскаго архива, то мнѣ не пришлось съ нимъ познакомиться, да, сколько помнится, онъ за старые годы подвергся истребленью. Само Шушенское одно изъ старинныхъ селеній Минусинскаго уѣзда, насчитывающее не менѣе 170 лѣтъ своему существованію.

Въ районѣ нынѣшняго села Ермаковскаго въ старое время были расположены заимки Шушенскихъ крестьянъ, находившіяся на лѣвомъ берегу р. Ои, пониже села, гдѣ теперь проходитъ старица.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго XIX столѣтія правительство задумало образовать нѣсколько поселковъ для штрафного населенія, отбывшаго то или иное наказаніе за совершенныя преступленія.

Такъ возникли нынѣшнія села Сагайское, Тигрицкое, Дубенское, Восточное, Сабинское и въ числѣ ихъ Ермаковское. Возникло оно въ 1828 г., или около этого времени, по словамъ нѣкоторыхъ старожиловъ и потомковъ штрафныхъ колонистовъ, которые даютъ такое объясненіе названію села. Повыше села въ р. Ою впадаетъ слѣва р. Мигна. На правой сторонѣ послѣдней, противъ мельницы Барсукова, есть гора Быкъ-Бурунъ, на которой находится курганъ, извѣстный подъ названіемъ «Ермакъ». Отсюда, будто бы, и усвоено поселку названіе Ермаковскаго. Гдѣ то неподалеку отъ указаннаго мѣста казной была устроена водяная мельница для поселенцевъ.

По разсказу одного изъ потомковъ ссыльно-поселенцевъ, Тимофея Степановича Кудина (онъ же Петровъ), теперь ужъ глубокаго старика, поселеніе устраивалъ князь Кутузовъ, родной братъ фельдмаршала, жившій въ с. Шушенскомъ, какъ волостномъ. Онъ первый и началъ постройку поселка.

Дома начали строить съ Верхней Елани вдоль нынѣшней главной улицы, упирающейся въ р. Ою и понастроили ихъ

до послѣдняго переулка, Мотовскаго (гдѣ стоитъ угловой домъ Мотова, онъ же, по уличному, Ермолаевъ). Послѣдніе же два квартала—съ одной и другой стороны улицы—вплоть до берега р. Оп, построились, по выраженію Кудина, «натурой», «сибиряки» поселились. Себя Кудинъ отнюдь не считаетъ «сибирякомъ», къ которымъ относится довольно-таки пренебрежительно.

Князь Кутузовъ былъ крутого нрава человѣкъ.

А ѣздилъ и ходилъ въ сопровожденіи двухъ казаковъ и урядника...

Подъ кварталъ отмѣривалось по 100 саженъ въ одну сторону и въ другую. Въ кварталѣ по одной линіи строилось по 4 дома, а всего 10 домовъ. Дома рубили сами поселенцы. Бывало окоротятъ бревно на постройку и увидитъ это князь, сейчасъ требуетъ палокъ и давай пороть. Вообще же постройку возводили какъ попало—«кулакъ пехай—пролѣзетъ,—такъ рубили», характеризовалъ работу поселенцевъ Кудинъ.

Пашню почти что и не пахали, а, бывало, на новыхъ земляхъ забросаютъ съ осени зерно да прикроютъ соломой, и ладно—подъ соломой да подъ снѣгомъ зерно прѣетъ и весной хорошій уродится хлѣбъ.

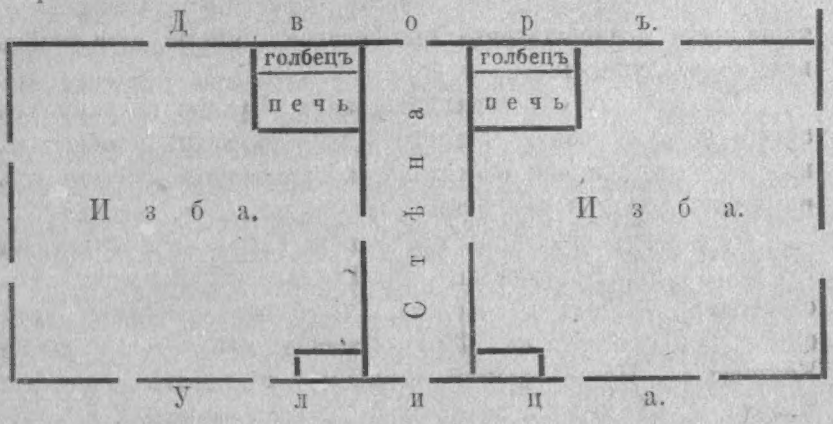
А и то сказать, дешево все было въ ту пору—пудъ ржи 8 коп. на ассигнаціи, пудъ рыбы 15 коп. и т. д.

Постройки казеннаго типа имѣли такой видъ: рубились рядомъ двѣ избы, каждая шириной по 7 аршинъ и длиной въ $6^1/_2$ арш., а высотой въ $3^1/_2$ арш.

Избы раздѣлялись сквозными крытыми сѣнями въ сажень шириной. Въ сѣни вела прямо съ улицы дверь, запиравшаяся деревянной задержкой черезъ пропущенный сквозь косякъ деревянный стержень, а на ночь извнутри затыкалась деревяннымъ штыремъ, всаживавшимся въ просверленное наискось въ косякъ отверстіе. На противоположномъ концѣ сѣней также находилась дверь съ такими же запорами, выходившая во дворъ. Каждая изба предназначалась для двухъ «семейниковъ», женатыхъ или холостыхъ, у которыхъ общими были сѣни и дворъ. Направо и налѣво изъ сѣней вели двери въ ту и другую избы. Внутреннее устройство избы, изображенной на планѣ, отличалось неприхотливостью; полъ и потолокъ дѣлались изъ колотаго нестроганнаго лѣса. Но избы были свѣтлыя, такъ какъ въ нихъ устраивалось по 4 довольно большихъ окна, выходившихъ по два на улицу и во дворъ и въ третьей стѣнѣ, у которой стояла печь, продѣлывалось небольшое пятое оконце, обращенное въ другую часть двора. Оконныя рамы, дѣлались съ простымъ переплетомъ, какъ въ

этапныхъ или казарменныхъ помѣщеніяхъ, и были застеклены десятью маленькими, одинаковой величины, стеклами.

У стѣны, прилегавшей къ сѣнямъ, по одну сторону входной двери стояла русская печь, а по другую—кровать или нары.



Вдоль улицы между жилыми постройками стояли амбары, также раздѣленные на двѣ половины и дверями обращенныя къ своимъ хозяевамъ, причемъ каждый амбаръ служилъ помѣщеніемъ для разныхъ домовъ и разныхъ усадебъ. Нѣкоторые крестьяне сообщали при этомъ характерную подробность, будто угловыя мѣста въ кварталѣ были заняты не жилыми домами, а амбарами.

Лѣтъ 30 тому назадъ въ Ермаковскѣ было еще нѣсколько такихъ избъ и амбаровъ; теперь же отъ всѣхъ этихъ построекъ уцѣлѣла одна половина жилого дома съ сѣнями, принадлежащая крестьянину Василію Зайцеву. Первымъ владѣльцемъ этой избы былъ поселенецъ Кичигинъ, а затѣмъ ее унаслѣдовалъ сынъ его Яковъ, умершій въ декабрѣ 1913 года 104—лѣтнимъ старикомъ. Сапожникъ Зайцевъ, женившійся на дочери Якова Кичигина, и явился потомъ наслѣдникомъ этой избы съ сѣнями.—Другая изба принадлежала родственнику Кичигина и въ 1913 году была продана на сломъ; новый владѣлецъ поставилъ на этомъ мѣстѣ небольшую избу такъ, что отгородился отъ сѣней глухой стѣной. На прилагаемой фотографіи слѣва воспроизведена старая изба съ сѣнями и деревяннымъ запоромъ, виднымъ на правомъ косякѣ, а справа, на мѣстѣ старой поселенческой избы воспроизведена позднѣйшая постройка.

Водворенные въ каждой избѣ по два «семейшника» распредѣляли между собою занятія такъ, что одинъ изъ нихъ уходилъ на заработки на сторонѣ—на пріиски или въ работ-

ники къ кому нибудь, а другой оставался дома вести свое немудреное хозяйство. Женъ себѣ «семейшики» брали у сибиряковъ, чаще всего тамъ, гдѣ жили въ работникахъ—въ Шунерахъ, Шушѣ и проч. За вѣнчаніе священнику платили по 25 коп. ассигнаціями.

Вообще же къ домохозяйству и семейной жизни тяготѣніе среди «семейшиковъ» было слабое,—многіе, едва успѣвъ водвориться, убѣгали.

Разсказывая объ этихъ бѣглецахъ, Кудинъ не скрывалъ своего недружелюбнаго отношенія къ сибирякамъ и обвинялъ ихъ въ томъ, что они охотились за поселенцами, убивая ихъ по дорогѣ «за три копѣйки».

«Котлянку (рѣчка въ крутомъ логу и глухомъ лѣсу на 9-й верстѣ отъ Ермаковскаго къ Жеблахтамъ) запрудили поселенцами»,—говорилъ Кудинъ. Особенно занимались этой охотой на поселенцевъ Жеблахтинскіе крестьяне, а также Козловскіе. Но съ другой стороны, по словамъ того же Кудина, и Шушенскіе заимочники съ водвореніемъ здѣсь поселенцевъ, скоро разъѣхались по домамъ,—тутъ имъ житья не стало.

Преобладающая часть современнаго населенія с. Ермаковскаго состоитъ изъ потомковъ этихъ поселенцевъ, уже весьма зажиточныхъ крестьянъ, каковы Чернобровкины, Семенниковы, Курганскіе, Морозовы, Афанасьевы, Аверьяновы, Кудины и т. д. Происхожденіе ихъ богатствъ окружено темной славой; по достовѣрнымъ разсказамъ сторожиловъ, въ основѣ этого богатства нерѣдко лежалъ грабежъ, сопровождавшійся иногда и убійствомъ, такъ что легенда о сибирякахъ, убивавшихъ поселенца «за три копѣйки», можетъ быть принята съ большой оговоркой.

По словамъ Кудина, среди Ермаковскихъ поселенцевъ много было людей воинскаго званія, ссылавшихся за проступки или за бѣгство отъ военной службы; такіе бѣглецы, называвшіе себя непомнящими родства и пускавшіеся въ бродяжество, обычно водворялись сюда на поселеніе. Кудинъ разсказываетъ, что его отецъ былъ солдатъ; повздоривъ со своей любовницей, еврейкой, онъ отсѣкъ ея ухо и за это преступленіе былъ сосланъ въ Ермаковское.

А. А. Савельевъ.

Засѣдатель М. А. Морошкинъ.

Если бы написать подробную и вѣрную исторію царствованія въ Сибири «засѣдателей», то получилась бы такая яркая картина лихоимства, грабежей, насилія, горя и страданій мѣстнаго населенія, что передъ этой картиной поблѣднѣли бы всѣ ужасы татарскаго ига.... Вся идеологія этихъ правителей по справедливости можетъ быть охарактеризована самодурствомъ и взяточничествомъ. Н. И. Витковскій въ своемъ дневникѣ *) отмѣчаетъ, какъ Братскій засѣдатель Гостиловскій «сильно тоскуетъ, что въ настоящее время перестали пороть мужика». Какъ видно, для проведенія своей идеологіи въ жизнь засѣдатели ничего другого не могли придумать, какъ розгу, этотъ символъ стараго крѣпостничества.

Помѣщаемый ниже документъ **)—мірской приговоръ сельскихъ обществъ Пинчугской волости, Енисейской губерніи, о дѣятельности Богучанскаго отдѣльнаго засѣдателя М. А. Морошкина. Этотъ правитель вступилъ въ исполненіе обязанностей засѣдателя въ 1847 году, отъ должности устраненъ въ срединѣ 1852 года.

Четыре года жители Пинчугской волости терпѣли безобразія своего начальства; наконецъ, рѣшили жаловаться. Въ обширномъ своемъ постановленіи они подробно перечисляютъ «притязательныя и буйственныя» дѣйствія Морошкина. Нужно было много смѣлости, чтобы въ тѣ времена рѣшиться на подобную жалобу. Вѣдь кругомъ были беззаконія.... а по пословицѣ—«воронъ ворону глаза не выклюетъ».

«1851 года, декабря 8 дня, мы нижеподписавшіеся Енисейской губерніи и округности, Пинчугской волости, разныхъ селъ и деревень, уполномоченные отъ всѣхъ обществъ сельскіе старшины, бывъ на мірской сходкѣ въ Пинчугскомъ волостномъ правленіи, имѣли разсужденіе о томъ, что г. исправляющій должность Богучанскаго отдѣльнаго засѣдателя, титулярный совѣтникъ Матвѣй Алексѣевъ Морошкинъ, дѣлаетъ какъ намъ, такъ равно и жителямъ разныя притязательныя, противузаконныя стѣсненія. А именно:

Въ бытность его въ деревнѣ *Иркинеевой* и весьма въ пьяномъ видѣ, служащему по выбору общества сельскому

*) «Сибир. Архивъ», 1912, стр. 837.

**) Находится въ «Книгѣ на записку мірскихъ приговоровъ, кромѣ денежныхъ сборовъ, постановляемыхъ Пинчугскимъ волостнымъ правленіемъ на 1851 годъ»; хранится въ правленіи подъ № 102.

старшинѣ Григорью Логинову, безъ всякой причины, нанесъ чубукомъ трубки и огороднымъ валявшимся на улицѣ деревяннымъ коломъ безчеловѣчные жестокіе побои. У крестьянина Семена Ульянова Логинова, изъ за выпаденія его (Морошкина) изъ лодки весьма въ пьяномъ видѣ въ воду, коему едва спасена жизнь, разрубилъ сказанную лодку, стоющую 10 рублей серебромъ, на мелкія части. И приказывалъ сельскому старшинѣ Логинову вымогательно взять въ подарокъ съ крестьянъ той деревни Ильи Хрисанфова, Петра Ульянова и Ефима Иванова Логиновыхъ по 100 рублей съ каждаго и съ общества крестьянъ деревни Иркинеевой—200 рубл. сер. и передать лично ему, которымъ (т. е. сельскимъ старшиной), по несогласію крестьянъ и по неимѣнію на себѣ винности, приказаніе его исполнено не было, за что и нанесъ жестокіе ему побои поврежденіемъ навѣчно здоровья.

При производствѣ имъ слѣдствія о бѣжавшихъ арестантахъ, слѣдующихъ въ 1850 году изъ Кежемскаго волостного правленія, безвинно сорвалъ въ подарокъ себѣ денегъ серебромъ съ крестьянъ: села *Чадобскаго*—3 рубли. деревни *Климиной*—5 рубл., дер. *Гольтявиной*—5 рубл.

Въ деревнѣ *Мотыгиной* съ крестьянъ Хрисанфа Аверьянова и Василья Федорова Пономаревыхъ безвинно получилъ себѣ въ подарокъ по 30 рубл. серебромъ съ каждаго.

Въ деревнѣ *Каменской* крестьянина Сергѣя Савина Безрукихъ на пути слѣдованія изъ деревни Потоскуйской наказалъ безъ вины казачьими нагайками, безчеловѣчно, съ нанесеніемъ поврежденія здоровья.

Въ дер. *Нинчугской*, при производствѣ слѣдствія о найденномъ на берегу рѣки Тунгуски (Ангары) принесенномъ водою неизвѣстно отколь младенцѣ, насильно и весьма въ пяномъ видѣ, валяясь на улицѣ, требовалъ съ общества крестьянъ той деревни въ подарокъ себѣ 200 рубл. серебромъ; получить таковыхъ по невинности не могъ, за что, во время слѣдованія до Ярковой деревни, на пути ямщикамъ дѣлалъ разныя притѣсненія съ нанесеніемъ жестокихъ побоевъ.

Въ селѣ Богучанскомъ сельскимъ старшинамъ крестьянамъ Семену Маркову Каверзину и Петру Николаеву Бѣлянову нанесъ, неизвѣстно за что, жестокіе своеручные побои съ поврежденіемъ то же здоровья; изъ коихъ послѣдній, Бѣляновъ, находился въ весьма отчаянной жизни, былъ по просьбѣ его, Морошкина, по хлѣбосольству и дружелюбной связи, священникомъ Богучанской Петропавловской церкви Андреемъ Андреевымъ напутствованъ; изъ коихъ же первый, Каверзинъ, и по настоящее время находится въ болѣзни, у

коего все имѣніе и домообзаводство пришло въ крайнее разореніе съ ожиданіемъ упаденія платежей казенной подати на все общество; и послѣдній, Буяновъ, впослѣдствіи времени необминуемо долженъ достигнуть той же самой степени.

При слѣдованіи его изъ села *Петропавловскаго* лодкою по рѣкѣ Чунѣ весьма въ пьяномъ видѣ, выпалъ изъ оной, коему едва могли ямщики спасти жизнь.

Въ дер. *Выдринской*, при производствѣ слѣдствія объ убійствѣ крестьянскою женою Зиновіей Бурмакиной мужа своего Алексѣя Бурмакина, съ крестьянъ той деревни требовалъ насильно въ подарокъ 200 рубл. серебромъ, но получить, по невинности ихъ, только могъ до 6 рубл. серебромъ.

Въ дер. *Березовой*, при производствѣ того же дѣла, сорвалъ съ крестьянъ въ подарокъ себѣ 5 рубл. сер.

Въ дер. *Фединой*, при производствѣ слѣдствія о скоропостижно умершемъ крестьянинѣ Мануилѣ Рукосуевѣ, сорвалъ въ подарокъ себѣ до 30 рубл. серебромъ;

Въ селѣ *Петропавловскомъ*, при производствѣ слѣдствія о умершей престарѣлыхъ лѣтъ крестьянской вдовѣ Улитѣ, съ сыновей ея Ивана, Александра и Льва сорвалъ 10 рубл. золотомъ.

При производствѣ слѣдствія о скоропостижно умершемъ бѣгломъ дезертирѣ Тарасовѣ въ дер. *Шиктаканской*, съ бывшаго сельскаго старшины Семена Каверзина требовалъ въ подарокъ себѣ насильно 300 рубл., но вмѣсто оныхъ то же по невинности получить только могъ до 30 рубл. сер.

При раздачѣ имъ, г. Морошкинымъ, каждогодно присылаемыхъ, по распоряженію высшаго правительства, изъ Енисейскаго окружнаго казначейства въ пособіе крестьянамъ на 13 станковъ, лежащихъ по тракту рѣки Тунгуски, за отправленіе почтовой и обывательской гоньбы на каждую станцію по 57 рубл. 14¼ коп. серебромъ,—насильно вынуждаетъ жертвовать въ подарокъ себѣ на каждой станціи отъ 5 до 10, до 15 и болѣе рубл. серебромъ, которые имъ уже получены лично отъ крестьянъ каждаго селенія.

Проживаетъ онъ, г. засѣдатель Морошкинъ, каждогодно въ *селѣ Рыбинскомъ* въ домѣ золотопромышленника Николая Мясникова, отапливаемомъ натурою крестьянами во все годичное время, на что употребляется дровъ 188 саженъ на 188 рубл. сер.; сверхъ того, собралъ онъ съ каждой рабочей души, всего съ 173 душъ, 519 пудъ сѣна, въ число коего уже отдано ему 111 пудъ; на продовольствіе его со всѣми его прислугами употреблено суммы 80 руб. Какъ намъ довольно и навсегда извѣстно, что онъ про-

живаетъ въ селѣ Рыбинскомъ наиболѣе за единственнымъ пьянствомъ и картежною игрою съ находящимися золотопромышленниками; нынѣ же онъ, г. Морошкинъ, сорвалъ съ крестьянъ села Рыбинскаго, неизвѣстно за что, въ подарокъ 21 рубл. сер. Проживая въ томъ селѣ, въ просимыхъ крестьянами разныхъ просьбахъ не дѣлалъ онъ просителямъ никакихъ въ оправданіи защиты, обращая таковыя въ пользу виновниковъ, отъ коихъ и получаетъ себѣ денежное благодареніе.

Въ дер. *Бузыкановой*, при производствѣ слѣдствія о утонувшемъ въ рѣкѣ Мурѣ крестьянинѣ Григоріи Ермаковѣ, съ крестьянъ сорвалъ въ подарокъ себѣ 7 рублей, а поваръ его, подсудимый поселенецъ Назаръ Ивановъ, изъ подъ нагайки, съ нанесеніемъ сельскому старшинѣ побоевъ, сорвалъ 1 руб. сер.

Въ деревнѣ *Бидейской*, при производствѣ слѣдствія о скоропостижно умершемъ крестьянинѣ Акимѣ Ермаковѣ, безвинно сорвалъ въ подарокъ 10 рубл. сер.

Въ дер. *Червянской*, при производствѣ слѣдствія о скоропостижно умершемъ крестьянинѣ Саввѣ Рукосуевѣ, въ подарокъ сорвалъ до 30 рубл. сер.

Въ дер. *Пашенной* съ крестьянина Мануила Мутовина сорвалъ въ подарокъ 30 рубл. сер., съ таковаго же Федора Павлова 20 руб. сер.

Въ бытность его, г. Морошкина, въ селѣ Богучанскомъ, насильно вынуждалъ, изъ подъ палокъ, крестьянъ того села, по дружелюбной связи и хлѣбосольству со священникомъ Андреемъ Андреевымъ, на покупку стараго поповскаго дома дать подписку на платежъ денегъ 1200 руб. ассигн. и въ тоже время насильно заставлялъ изъ любострастія показывать на волостныхъ начальниковъ, якобы въ казенные соль и порохъ подмѣшивается песокъ и сажа, дабы можно было ему учинить къ нимъ какую нибудь привязку и за что, въ случаѣ несогласія къ исполненію его, г. Морошкина, желанія, сдѣлать со стороны своей по начальству ложный доносъ.

Научалъ онъ, г. Морошкинъ, арестанта Астафьева, чтобы показать на писаря Кулакова о причиненіи якобы имъ Астафьеву побоевъ, каковыхъ нанесено никогда не было. Дѣлалъ Кулакову большое стѣсненіе, а писецъ г. Морошкина, Бакулинъ, вынуждалъ сельскаго старшину Буйнова показать на того писаря Кулакова, будто бы изъ волости арестантъ Астафьевъ отправленъ вмѣсто разсыльщика, почему не было къ нему сдѣлано, въ предохраненіе отъ побѣга, караула; вымогательно требуетъ г. Морошкинъ отъ писаря

Кулакова жертвовать, неизвѣстно за что, 600 руб. сер. и, по желанію Кулакова, можетъ удалить несправедливыхъ доносомъ отъ занимаемой должности; и насильно же вынуждаетъ волостныхъ начальниковъ и писаря приписанному фальшиво по ревизскимъ сказкамъ, на мѣсто бѣжавшаго въ 1845 году поселенца Егора Телякова, Логину Андрееву выдать на прежительство у кулака Манзырова узаконеннаго билета, за что дѣлаетъ то же ложные и несправедливые доносы.

При проѣздѣ своемъ, онъ, г. Мороникинъ, въ отправленіи натуральной повинности навсегда производитъ намъ большія затрудненія: возитъ съ собою 3 человѣка писцовъ, 1 повара изъ подозримыхъ поселенцевъ, 1 горничную дѣвку и жену свою; и навсегда проѣзжаетъ тремя повозками, на что употребляетъ излишнихъ на каждой лежащей по тракту рѣки Тунгуски станціи въ одинъ путь болѣе 10 подводъ, безъ всякаго платежа прогоновъ, чрезъ что самое причисленіе насъ въ крайнее разореніе.

При намѣреніи своемъ чинить по гвѣренному отдѣленію Богучанскому выѣзды, всегда засылаетъ впередъ до проѣзда своего по селеніямъ нѣсколько разсыльщика съ тѣмъ, чтобы къ пріѣзду его на каждой станціи были въ готовности лошади: и крестьяне, которые, ожидая его прибытія на станціяхъ и на большихъ станкахъ болѣе $^1/_2$ мѣсяца, линаются въ лѣтнее время полевыхъ, а въ зимнее домашнихъ работъ, причемъ черезъ то въ большое упаденіе, не доставляя каждогодно для продовольствія скота сѣна; и одинокіе изъ насъ лишаются снятія родившагося на поляхъ хлѣба, который западаетъ снѣгомъ.

При проѣздѣ своемъ изъ Иркинеевой деревни до таковой же Манзырской, по нахожденіи его навсегда въ пьяномъ положеніи, приказывалъ ямщикамъ жену свою привязать къ отводинамъ повозки, дабы таковая жена волочилась подлѣ дороги и за то (очевидно, за неисполненіе приказанія) намѣренъ былъ дѣлать ямщикамъ привязку.

Нынѣ же онъ, г. засѣдатель Мороникинъ, даннымъ приказомъ Пинчугскому волостному правленію, отъ 6 августа настоящаго года за № 1101, приказывалъ собрать на мірскую сходку гласныхъ къ 8 числу сентября въ деревню Пинчугскую, гдѣ расположено волостное правленіе, куда намѣренъ прибыть и самъ лично — для насильнаго опредѣленія въ должность писаря вовсе намъ непужнаго, неизвѣстно какого то писца, изъ поселенцевъ крестьянина Андрея Бакулина, что со стороны волостныхъ начальниковъ и насъ было исполнено: но прибытія его, вмѣсто назначеннаго имъ срока,

до 16 числа того же мѣсяца сождать не могли, почему и были мѣстнымъ волостнымъ начальствомъ, въ сожалѣніе для окончанія горячайшихъ полевыхъ работъ, не терпящихъ времени сождать прибытія г. Морошкина, уволены. Чрезъ это же по долговременному сожиданію его при обширномъ разстояніи волости нашей—довольно уже о мѣстности пространства извѣстно высшему начальству—большая часть изъ насъ лишили себя отъ снятія посѣяннаго на сей 1851 годъ родившагося большой части хлѣба, который запалъ выпадающимъ снѣгомъ; многіе же изъ насъ лишились отъ уборки травъ тоже завалившимъ снѣгомъ. Онъ же, г. отдѣльный засѣдатель Морошкинъ, неизвѣстно намъ—по чьему распоряженію—насильно желаетъ опредѣлить въ должность писаря по волостямъ нашей Ницчугской волости и таковой же Кежемской слѣдующаго съ нимъ при первомъ пріѣздѣ такого то числа изъ поселенцевъ крестьянина Андрея Бакулина, то, по несогласію общества обѣихъ волостей, осталось желаніе его, г. Морошкина, безъ исполненія. А писецъ этотъ, Бакулинъ, при троекратномъ его проѣздѣ чрезъ 13 станковъ нашей волости Ницчугской, а такъ равно и по Кежемской, употребляхъ на каждой станціи до 8 подводъ, безъ всякаго платежа установленныхъ прогоновъ, наущая его, г. Морошкина, за непринятіе его въ должность писаря сдѣлать какъ обществамъ, такъ равно и служащимъ лицамъ разныя притязанія, несмотря на то, что чрезъ незаконные его разъѣзды по прописаннымъ станціямъ отъ неплатежа имъ установленныхъ прогоновъ понесено убытковъ всего до 10 руб. серебромъ.

По обстоятельствамъ чего онъ, г. Морошкинъ отдѣльный засѣдатель, по частовременному его нахожденію въ пьянствѣ, буйственныхъ и притязательныхъ поступкахъ, какъ выше сего нами объяснено, къ управленію ввѣренной и занимаемой имъ должности весьма намъ не полезенъ, и дабы впослѣдствіи времени не лишиться послѣдняго своего домообзаводства и чрезъ его притязательные и буйственные поступки не потерять кому либо изъ насъ отвѣтственности, не привести свои хозяйства въ большое оскудѣніе и не подвергнуться предъ высшимъ правительствомъ несостоятельными плательщиками слѣдующихъ въ казну денежныхъ суммъ, а такъ равно и не привести намъ хлѣбопашество въ большое упаденіе,—то заблаговременно обнаруживая этимъ приговоромъ всѣ законопротивные его поступки, всепокорнѣйше просимъ высшее правительство учинить намъ законную защиту и въ управленіе Богучанскаго отдѣленія опредѣлить

другого благонадежнаго чиновника, коимъ избавить насъ сего послѣдняго г. Моропкина и о поступкахъ его учинить должное распоряженіе, а потому сей нашъ мірской приговоръ, по подписаніи нами, поручаемъ для засвидѣтельствованія Нинчугскому волостному правленію, коему и предлагаемъ, по засвидѣтельствованіи, представить на разсмотрѣніе къ г. Енисейскому окружному начальнику, и просить его высокоблагородіе отъ приступаемаго имъ имъ г. Моропкинымъ къ производству слѣдствія устранить и для учиненія такового командировать особаго чиновника, коего мы ожидать будемъ.

У подлиннаго приговора уполномоченные отъ всего общества сельскіе старшины по безграмотству приложили печати.—

Далѣе слѣдуютъ имена и фамиліи сельскихъ старшинъ всѣхъ 18 сельскихъ обществъ, принадлежащихъ къ составу Нинчугской волости.

А. Линьковъ.

Къ исторіи брака въ Сибири.

(*По архивнымъ даннымъ*).

Въ старой Сибири очень часто заключались незаконные браки: то въ близкомъ родствѣ, то мужъ двоеженецъ, то жена двумужница; особенно такія явленія наблюдались среди бѣглыхъ, которыхъ здѣсь всегда было вдоволь. Свѣтская власть мало вязалась въ эти дѣла, а духовная — сама принимала участіе въ преступленіяхъ. Поэтому незаконные браки получали какъ бы *негласное право* на свое существованіе. Къ тому же, тяжесть полагавшихся наказаній за неправильные браки отбивала у всякаго охоту поднимать по этому поводу духовно судебные процессы. Обычно только оскорбленная сторона возбуждала соотвѣтствующую жалобу; напр. покинутая жена, или брошенный мужъ, или родственники обиженной стороны. Другія же лица, непричастныя къ „дѣлу", по большей части молчали и всячески уклонялись даже отъ свидѣтельскихъ показаній, которыя, какъ извѣстно, также не обходились безъ хлопотъ.

Тѣмъ не менѣе, все же въ административныхъ духовныхъ учрежденіяхъ отъ поры до времени возникали дѣла о незаконныхъ бракахъ.

Духовная власть, съ своей стороны, принимала нѣкоторыя предупредительныя мѣры. Такъ, начиная со второй половины XVIII вѣка, св. синодомъ былъ изданъ цѣлый рядъ указовъ, въ которыхъ давались наставленія, какъ поступать въ сомнительныхъ случаяхъ; напр., указы 1750, 1763, 1765 и 1777 годовъ. Впрочемъ, обиліе указовъ ясно говоритъ о томъ, что они своей цѣли не достигали.

Интересно отмѣтить, что по синодскимъ указамъ вся тяжесть наказаній ложилась только на брачущихся, а священники, совершавшіе незаконные бракосочетанія, оставались какъ бы не тѣни; наказанія для нихъ были сравнительно легкими, напр. выговоръ, или много — штрафъ. Такъ, за повѣнчаніе бѣглыхъ при живомъ мужѣ полагался только штрафъ въ 10 рублей. Само собой понятно, что, при такихъ условіяхъ, священники не особенно то усердно стремились устранять брачную правоспособность желающихъ повѣнчаться. И дѣйствительно, во всѣхъ брачныхъ процессахъ ясно бросается въ глаза двусмысленная роль духовенства. Чувствуется, что священники въ каждомъ сомнительномъ случаѣ старались создать только формальную законность, а не по существу. Неудивительно поэтому, если священники даже сами лично указывали способы обхода закона въ подозрительныхъ бракахъ.

Штрафъ за неправильныя бракосочетанія повелъ за собой другое зло. Именно, чтобы избавиться возможнаго убытка, въ видѣ штрафа, духовенство повысило гонораръ за совершеніе таинства брака, особенно если у брачущихся были документальныя неисправности. Иначе и быть не могло. Нельзя же было требовать отъ старшинаго духовенства самопожертвованій хотя бы только въ матеріальномъ отношеніи. Къ тому же, нельзя забывать, что духовенство сплошь и рядомъ представляло изъ себя малограмотную массу, которая сама плохо разбиралась въ законахъ и на этомъ основаніи могла надѣлать не мало ошибокъ по невѣдѣнію, особенно въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ бракъ, гдѣ нерѣдко требуется умѣнье разбираться въ запутанныхъ случаяхъ родства. Эти малограмотные священники, просто изъ чувства самосохраненія, повышали плату за повѣнчаніе, справедливо разсуждая, что, на случай штрафа, она пригодится.

Повышенный гонораръ за совершеніе брака, помимо матеріальной гарантіи духовенства, часто служилъ довольно серьезной причиной къ увеличенію незаконныхъ браковъ. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, брачущіеся предлагаютъ причту за повѣнчаніе рублей 25, 50 и болѣе; на лицо сомнительный бракъ, есть возможность даже оправдываться какими нибудь «смотрительными» случаями, которые, хотя «въ общежитіе не пріемлются», но практикой оправдываются; въ случаѣ неправильности бракосочетанія—штрафъ 5—10 рублей. Развѣ въ данномъ случаѣ—не сильное искушеніе для причта воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, который, даже при неудачѣ, сулитъ матеріальную выгоду.

Распоряженія высшей духовной власти, имѣвшія въ виду предупредить совершеніе незаконныхъ браковъ, по необходимости являлись въ рядъ мѣропріятій, нерѣдко мелочного характера, но достаточно стѣснительныхъ даже при законныхъ бракахъ. Это, въ свою очередь, повлекло за собой также увеличеніе платы за бракосочетаніе. «Затяжка дѣлъ» въ нѣкоторыхъ случаяхъ была крайне тяжела для брачущихся: въ такомъ случаѣ они могли охотно увеличить плату за повѣнчаніе.

Подобныя обстоятельства создали въ Сибири очень высокую плату за совершеніе таинства брака. Изъ-за того, при незначительныхъ колебаніяхъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, существуетъ и понынѣ.

Ненормальность подобнаго уклада церковной жизни, конечно, сказывалась всѣми, но что нибудь сдѣлать въ смыслѣ устраненія непорядковъ было крайне затруднительно. Отки-

нувши всѣ ходячіе разсказы о «поповской жадности», необходимо согласиться, что бракъ для духовенства являлся одной изъ наиболѣе выгодныхъ статей денежнаго дохода, при чемъ высокая плата за повѣнчаніе тонула въ крупныхъ свадебныхъ расходахъ. Бракъ—явленіе праздничное, торжественное, сопровождающееся пьянымъ широкимъ разгуломъ. Отъ такого торжества не грѣхъ и лишнее заполучить... Нельзя же сравнивать бракъ съ такими требоисправленіями, какъ исповѣдь, напутствіе умирающаго, погребеніе и т. д. Въ этихъ случаяхъ денежные разсчеты кажутся оскорбительными и, во всякомъ случаѣ, здѣсь не мѣсто «накинуть лишнюю копѣйку».

Высшая епархіальная власть—епископы и консисторіи,—повидимому, допускали возможность нѣкоторыхъ погрѣшностей, необходимо сопровождавшихъ бракосочетаніе; сюда можно отнести вообще снисходительное отношеніе къ жалобамъ на церковные причты за неуступчивость въ высокой платѣ за повѣнчаніе, а также мягкость и незначительность наказаній причта за совершеніе незаконныхъ браковъ. Въ частности, духовныя консисторіи и правленія на брачные безпорядки смотрѣли то же, какъ на болѣе или менѣе выгодную статью дохода. Провинившіеся батюшки въ видахъ благополучнаго окончанія сдѣланнаго проступка «благодарили» чиновъ консисторіи «соотвѣтствующими приношеніями». Недаромъ въ средѣ стараго духовенства была въ ходу поговорка, писавшаяся на латинскомъ языкѣ, но понятная даже необразованному дьячку: consistorium protopoporum, poporum, diaconorum djatschconorumque obduvatio et oblupatio est. Естественно, что консисторіи вовсе не стремились къ тому, чтобы выработать дѣйствительныя мѣры къ недопущенію незаконныхъ браковъ. Въ брачныхъ преступленіяхъ консисторіи обычно такъ направляли дѣла, чтобы волки были сыты и овцы цѣлы. Дѣла эти тянулись подолгу, оканчивались эпитиміями и наказаніемъ со стороны свѣтской власти для неправобрачныхъ супруговъ и штрафомъ для причта, а то и безъ всякаго штрафа.

Въ брачныхъ процессахъ рѣдко фигурируетъ точное указаніе полученнаго причтомъ гонорара за совершеніе сомнительнаго или незаконнаго брака. Въ интересахъ взаимности всѣ стороны молчали.

Въ указѣ Тобольской духовной консисторіи отъ 1788 года разсказывается объ одномъ обычномъ въ то время брачномъ дѣлѣ.

Въ Езагажскомъ заводѣ, находившемся въ вѣдѣніи Ирбинскаго (Минусинскаго округа) священника, работали крестьяне: женатый Иванъ Калачиновъ и холостой Аверкій Чер-

каменинъ. Жена Калачинова сошлась съ квартирантомъ, съ которымъ потомъ бѣжала въ с. Баранкое, въ 130 верстахъ отъ Езагажскаго завода.

26 января 1786 года бѣглецы попросили мѣстнаго священника Ивана Коновалова обвѣнчать ихъ. Батюшка зналъ, что Черкашенинъ не женатъ, но относительно невѣсты у него не было никакихъ свѣдѣній. Въ виду этого, онъ отказался совершить таинство брака, тѣмъ болѣе, что у бракующихся не было никакихъ документовъ. Но въ то же время о. Коновалову указали бракующіеся довольно простой выходъ изъ создавшагося затрудненія. Именно, староста и «новѣнчанецъ» Иванъ Игнатьевъ, Тимофей Онашенинъ и Михайло Арянинихъ удостовѣрили, что невѣста вдова, - удостовѣрили, конечно, безъ всякихъ данныхъ, только со словъ самой невѣсты, которую раннее и въ глаза не видали. Такого импровизованнаго удостовѣренія было достаточно, чтобы о. Коноваловъ повѣнчалъ Черкашенина и Калачинову.

Какъ видно, совершитель таинства брака ничуть не безпокоился вопросомъ объ его законности.

Черезъ недѣлю послѣ вѣнчанія пріѣхалъ въ с. Баранцкое Калачиновъ за своей женой... Тотъ самый староста, который недавно удостовѣрялъ вдовство Калачиновой, теперь оказалъ всякое законное содѣйствіе заполучить обманутому мужу свою жену и увезти ее въ Езагажскій заводъ.

Возникло дѣло, въ результатѣ котораго Черкашенинъ приговоренъ былъ къ 7-лѣтней эпитиміи и, кромѣ того, преданъ въ распоряженіе свѣтской власти для соотвѣтствующаго наказанія; жена Калачинова —къ 15-лѣтней эпитиміи, которая могла быть уменьшена до 10 лѣтъ, если свѣтская власть накажетъ ее тѣлесно.

О. Коновалова наказали 10 рублевымъ штрафомъ, который однако не былъ взысканъ за силой Высочайшаго манифеста отъ 1787 года іюня 28 дня.

Гораздо строже относилась епархіальная власть къ церковнымъ причтамъ, когда тѣ не исполняли приказовъ, продиктованныхъ свѣтской властью.

Въ XVIII вѣкѣ, и ранѣе, былъ въ значительномъ распространеніи обычай «свѣнчанія» малолѣтнихъ. Въ поискахъ за даровымъ работникомъ въ семьѣ женили дѣтей на взрослыхъ, или же по другимъ разсчетамъ —матеріальнымъ, родственнымъ— женили дѣтей, которыя за свадебнымъ столомъ нерѣдко играли въ куклы.

Свѣтская власть нашла такой порядокъ не отвѣчающимъ

государственнымъ интересамъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, св. синодомъ были сдѣланы по епархіямъ строгія распоряженія о «невѣнчаніи малолѣтнихъ съ возрастными дѣвками» (въ 1775 г.). Какъ и многія распоряженія свыша, такъ и этотъ указъ въ глухихъ уголкахъ Россіи, особенно же въ Сибири, не исполнялся. Случаи нарушенія указа 1775 года во множествѣ происходили даже въ первой половинѣ XIX вѣка. Нѣкоторыя изъ этихъ брачныхъ правонарушеній доходили до суда, но большинство сходило безнаказанно.

Въ 1780 году Новоселовскій (Минусинскаго округа) священникъ Захаръ Сергѣевъ повѣнчалъ 10 лѣтняго Михаила Офонасьева съ 15-лѣтней «дѣвкой Домной Филатовой».

Бракъ этотъ былъ расторгнутъ, а о. Сергѣевъ лишенъ былъ священства.

Въ этомъ случаѣ Тобольская духовная консисторія дѣйствовала энергично—быстро провела слѣдствіе, раскрыла преступленіе и положила суровое наказаніе. Мало того. Она сочинила особый указъ, отъ 6 января 1782 года, „чтобы малолѣтнихъ съ возрастными дѣвками впредь нигдѣ не вѣнчать подъ опасеніемъ лишенія священства". Указъ разсылался съ особымъ, довольно страннымъ, церемоніаломъ: „сей указъ везти отъ церкви до церкви причетникамъ и отдавать священникамъ съ расписками, а священникамъ на семъ указѣ подписываться, что по оному указу исполненіе чинить будутъ".

Разбираясь по существу дѣла, нельзя не признать, что въ дѣлѣ Черкашенина и Калиниковой съ церковной точки зрѣнія совершено большее преступленіе, чѣмъ въ повѣнчаніи Офонасьева съ Филатовой. Въ первомъ случаѣ было поруганіе таинства брака супруговъ Калиниковыхъ, во второмъ случаѣ—лишь несовершеннолѣтіе брачущихся, упущеніе которому въ подобныхъ случаяхъ часто сама церковная власть склонялась безусловно виновать, такъ какъ не приняла даже элементарныхъ мѣръ предосторожности; но потерпѣть болѣе, чѣмъ легко. Съ Сергѣевымъ же произведена крутая расправа.

Бывали случаи, что «сильные колодники» желали вступить въ бракъ съ «таковыми же пересылающимися женами» другихъ губерній. Подобные браки разрѣшались, но сопровождались страшной волокитой

Для совершенія такого брака, прежде всего, требовалось разрѣшеніе духовныхъ правленій, которыя доносили объ этомъ епархіальному начальству; далѣе увѣдомлялся св. синодъ, съ разрѣшенія котораго начиналась переписка съ приходскими священниками брачущихся для опредѣленія, нѣтъ ли какихъ

препятствій къ совершенію брака. Нечего и говорить о томъ, что переписка тянулась годами.

Съ 1809 года къ существующимъ затрудненіямъ для заключенія браковъ между «ссыльными колодниками и женками» прибавилось новое. Именно.

Иногда случалось, что женихъ ссылался на поселеніе въ Тобольскую губернію, а невѣста въ каторгу или въ Иркутскъ въ работу. Въ случаѣ вѣнчанія, невѣста должна была оставаться при мужѣ, чѣмъ значительно облегчалось положеніе ей по суду наказаніе; вѣрнѣе—самое наказаніе не приводилось въ исполненіе. Могло быть, конечно, и наоборотъ. Для устраненія возможныхъ на этой почвѣ злоупотребленій и было издано въ 1809 году распоряженіе, чтобы священники не прежде приступали къ «вѣнчанію» ссыльныхъ, какъ предварительно получивъ отъ полиціи удостовѣреніе, «заключающее въ себѣ неподверженную никакому сомнѣнію свободу на совершеніе желающихъ брачиться». Вслѣдствіе этого распоряженія, полиція, въ свою очередь, поднимала переписку по соотвѣтствующимъ инстанціямъ для того, чтобы получить «неподверженныя никакимъ сомнѣніямъ» свѣдѣнія.

Такимъ образомъ, брачная волокита ссыльныхъ еще болѣе увеличилась.

Въ половинѣ прошлаго вѣка Томская епархіальная власть обратила вниманіе на то, что многіе изъ причетниковъ ведутъ холостой образъ жизни и при томъ не всегда соотвѣтствующій духовному чину.

По этому случаю Томская духовная консисторія, по предложенію своего епископа, издала особый указъ (отъ 31 марта 1855 года за № 1125), въ которомъ буквально говорится слѣдующее:

«Въ 20 правилѣ св. помѣстнаго собора Карѳагенскаго постановлено: чтецовъ, приходящихъ въ совершенный возрастъ, побуждать или къ вступленію въ супружество или обѣту монашеской жизни. Изъ клировыхъ же вѣдомостей его преосвященствомъ усмотрѣно, что многіе изъ причетниковъ давно уже достигли совершенныхъ лѣтъ и живутъ холостыми и иногда къ соблазну и поношенію священнаго сана. А потому учинить слѣдующее: 1) чтобы объ исполненіи прописаннаго 20 правиломъ св. Карѳагенскаго собора было объявлено всѣмъ причетникамъ съ подписками и подписки были присланы къ его преосвященству; 2) чтобы имѣющіе настоятельныя нужды не вступать въ бракъ объявили о томъ въ подпискахъ для личнаго его преосвященства усмотрѣнія и распоряженія; 3)

чтобы никто изъ духовнаго званія не вступалъ въ бракъ безъ разрѣшенія его преосвященства, потому что изъ опытовъ видно, что нѣкоторые избираютъ себѣ невѣсть не въ честь духовному сану; 4) чтобы благочинные, а въ особенности мѣстные священнослужители отнюдь не дозволяли холостымъ причетникамъ, въ противность 3 прав. св. 1 Никейскаго вселен. собора, имѣть сожительствующую въ домѣ жену, развѣ матерь, или сестру, или тетку, или тѣ токмо лица, которыя чужды всякаго подозрѣнія, т. е. женщинъ престарѣлыхъ, подъ опасеніемъ законнаго взысканія по 5 прав. 6 вселен. собора, которое гласитъ: «аще кто опредѣленное преступитъ, да будетъ изверженъ». О всѣхъ невнимающихъ сему постановленію доносить его преосвященству».

Документъ этотъ характеренъ.

Не понравилось владыкѣ обиліе въ епархіи холостыхъ причетниковъ и — приказъ: женить всѣхъ! Существующіе законы не давали права дѣлать подобныя распоряженія; тогда извлечены были устарѣлыя и необязательныя правила помѣстнаго Карѳагенскаго собора и, на основаніи ихъ, Томская епархіальная власть превратила свободный бракъ въ принудительную повинность.

Въ послѣднія десятилѣтія среди, главнымъ образомъ, поселенцевъ замѣчается большое число внѣбрачныхъ сожительствъ. Несомнѣнно, это явленіе находится въ зависимости отъ плохихъ экономическихъ условій жизни поселенцевъ. Это пришлый элементъ Сибири, заброшенный сюда не по своей волѣ, оторванный отъ насиженныхъ родныхъ мѣстъ, нерѣдко и отъ семьи, которая, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, не всегда соглашается ѣхать въ Сибирь, съ именемъ которой за Ураломъ соединяются всевозможные ужасы. Нѣтъ ничего удивительнаго, что такой «крестьянинъ изъ поселенцевъ», случайно приписанный къ какому нибудь обществу, не обзаводится домашностью, да ее и не на что завести, живетъ — гдѣ попало, существуетъ на заработокъ и вступаетъ въ сожительство съ такой же бездомной женщиной, или вдовой, или брошенной мужемъ и т. д.

Для упорядоченія брачнаго дѣла среди поселенцевъ необходимо: 1) оказывать имъ широкую матеріальную помощь при водвореніи на мѣсто приписки съ тою цѣлью, чтобы дать имъ возможность завести сносное хозяйство, такъ сказать, прикрѣпить ихъ къ землѣ; 2) женатымъ поселенцамъ давать разводъ, безъ обычныхъ проволочекъ, съ ихъ женами, если тѣ не пожелаютъ переселиться въ Сибирь. Безъ этихъ

мѣръ невозможно сколько нибудь серьезнее упорядоченіе брачнаго вопроса въ поселенческихъ массахъ.

Тѣ поселенцы, которые не имѣютъ склонности и способности вести крестьянское хозяйство, должны получить, по крайней мѣрѣ, такія права, чтобы имѣть возможность работать по своей спеціальности въ соотвѣтствующихъ учрежденіяхъ. И здѣсь матеріальная обезпеченность—залогъ прочной семейной жизни, законнаго брака.

Какъ видно, внѣбрачныя сожительства поселенцевъ вызываются довольно серьезными причинами, и недаромъ коренное населеніе къ нимъ относится болѣе или менѣе снисходительно. На ряду съ этимъ, въ Сибири, вообще, внѣбрачныя связи не клеймятся такъ, какъ среди русскаго населенія въ Европейской Россіи; даже сибирская администрація и та, подъ вліяніемъ общественныхъ взглядовъ, проявляетъ болѣе или менѣе гуманное отношеніе къ «падшимъ». Вотъ одинъ изъ такихъ документовъ.

30 мая 1894 года въ одной изъ деревень Казачинской волости (Енисейскаго округа) крестьянская дочь Оекла Пѣтухова разрѣшилась отъ бремени мертвымъ младенцемъ женскаго пола. По этому поводу Мокрушинскій сельскій староста явился съ понятыми въ домъ, гдѣ Оекла Пѣтухова нашла временный пріютъ, съ цѣлью произвести дознаніе. Въ домѣ засталъ деревенскую повитуху и множество бабъ, при чемъ обнаружилъ, что младенецъ родился мертвымъ не «отъ признаковъ насильственной смерти», а на «законномъ основаніи».

Староста составилъ объ этомъ актъ и препроводилъ его Казачинскому волостному старшинѣ Черныхъ, который 3 іюня за № 4240 донесъ о происшествіи земскому заѣдателю 1 участка Енисейскаго округа.

Свое донесеніе старшина Черныхъ закончилъ слѣдующими словами:

«При семъ имѣю честь представить (актъ и рапортъ старосты) вашему высокоблагородію на благоусмотрѣніе и зависящее распоряженіе и при семъ доложить, что никакихъ насилій и подозрѣнія къ сокрытію преждевременныхъ родовъ не оказалось, и что крестьянская дочь Пѣтухова беременность свою ни отъ кого не скрывала, которая произошла отъ неосторожности ея во время домашнихъ работъ, управляясь со скотомъ».

Такимъ образомъ, старшина не только не обвиняетъ Пѣтухову, но по своему, довольно безтолково, выгораживаетъ ее «неосторожностью».

М. П. Овчинниковъ.

Изъ моихъ народовольческихъ воспоминаній.

V.

Минскіе семинаристы.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1882 года П. П. Даманскій, бывшій студентъ Петровско-Разумовской академіи, и я жили въ Минскѣ, въ уединенномъ домикѣ, особнякѣ, противъ еврейскаго кладбища.

Мы занимались пропагандой среди учениковъ старшихъ классовъ Минской духовной семинаріи. Работа наша шла очень и очень успѣшно, чему, надо полагать, способствовалъ тяжелый семинарскій режимъ.

Рядомъ съ нашей квартирой жили чернопередѣльцы, также въ особнякѣ, гдѣ у нихъ помѣщалась нелегальная типографія, въ которой печатались двѣ газеты: одна для рабочихъ—«Зерно», другая для интеллигенціи—«Черный переѣлъ».

Революціонный Минскъ тогда дѣлился на двѣ части: на народовольцевъ и чернопередѣльцевъ, непримиримыхъ антагонистовъ, готовыхъ другъ друга въ ложкѣ воды утопить. Чернопередѣльцы стремились проникнуть въ неокрѣпшіе кружки народовольцевъ и перетянуть ихъ на свою сторону; однако народовольцы съ честью выдержали этотъ натискъ и, въ свою очередь, пропагандировали среди чернопередѣльцевъ. Въ сущности, обѣ партіи боролись за улучшеніе демократическихъ слоевъ населенія, цѣли были во многомъ общія, пути достиженія, правда, разнились; но все же странной теперь мнѣ кажется эта борьба, которая, несомнѣнно, отчасти распыляла наши и безъ того незначительныя боевыя силы. Во взаимныхъ спорахъ мы отлично сознавали весь вредъ этой борьбы, и тѣмъ не менѣе жили недружно. Только *крупная опасность* заставляла обѣ стороны забыть свои домашніе дрязги и сплотиться во имя общаго дѣла.

Разъ мы съ Даманскимъ сидѣли въ комнатѣ и преспокойно пили чай. Вдругъ слышимъ стукъ въ калитку. Стукъ былъ тревожный. Мы переглянулись съ Даманскимъ.

Что бы это значило?

Наконецъ, я вышелъ, отворилъ калитку и вижу предъ собой встревоженное лицо чернопередѣльца—гимназиста 8-го класса Кон-вича.

—Николай Ивановичъ, *) помогите! У насъ провалъ. Сегодня вечеромъ будетъ обыскъ въ домѣ, гдѣ находится наша типографія. Вы понимаете, какая намъ угрожаетъ бѣда. «Зеленый» уже скрылся,*) квартира стоитъ пустая. До прихода жандармовъ необходимо, во что бы то ни стало, ее очистить. У васъ, народовольцевъ, въ городѣ много своихъ членовъ, пригласите ихъ побольше—и можно мигомъ все убрать. Спасите—погибаемъ!

—Что у васъ тамъ есть?—спрашиваю я.

—Есть шрифтъ, станокъ типографскій и наши чернопередѣльческія изданія.

—Хорошо. Мы поможемъ. Идите и наблюдайте за движеніемъ полиціи, а мы черезъ часъ явимся и все очистимъ.

Все, что я говорилъ съ Кон-чемъ, слышалъ Даманскій, который сейчасъ же поѣхалъ на вокзалъ Московско-Брестской желѣзной дороги, гдѣ у насъ былъ небольшой распропагандированный кружокъ рабочихъ, для того, чтобы немедленно пріѣхать и взять типографскій станокъ; а я бросился на квартиру семинаристовъ, которымъ объяснилъ въ короткихъ словахъ, въ чемъ дѣло. Семинаристы забѣжали въ общежитіе и пригласили еще нѣсколько товарищей изъ старшихъ классовъ, самыхъ расторопныхъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже былъ на мѣстѣ, противъ еврейскаго кладбища, и ждалъ семинаристовъ. Ихъ явилось около 20 человѣкъ.

—Ну, что теперь намъ дѣлать, Николай Ивановичъ,—обратились они ко мнѣ.

—Три человѣка должны стоять на углахъ улицъ и слѣдить за дѣйствіями полиціи: если она появится, сейчасъ же давать сигналы объ опасности; а остальные должны по одиночкѣ заходить въ квартиру, чрезъ парадный ходъ, забирать все, что окажется, и нести на семинарскую площадь, гдѣ, во избѣжаніе подозрѣній, размѣститься—разсѣянно, не въ кучѣ, и ждать моего прихода.

Семинаристы входили въ квартиру, забрали типографскій шрифтъ, разложили его по своимъ карманамъ плащей, а часть завязали въ носовые платки: 4 чемодана съ нелегальными изданіями вынесли на улицу, сходили за извозчиками и повезли на семинарскую площадь.

Послѣ насъ Даманскій съ рабочими вывезъ и тяжелый типографскій станокъ. Такимъ образомъ, типографія была

*) Я жилъ съ фальшивымъ паспортомъ Н. И. Витковскаго, дворянина Витебской губерніи.

*) Завѣдующій типографіей Гринфестъ, подъ кличкой «Зеленый» тогда же скрылся въ Германію.

очищена. Все это произошло, могу сказать, съ головокружительной быстротой.

На площадь я явился послѣднимъ.

Семинаристы бродили въ одиночку и скучали.

—Что теперь намъ дѣлать?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

—Чердакъ въ корпусѣ у васъ на замкѣ?

—Нѣтъ.

—Начальство заглядываетъ туда?

—Никогда.

—Идите, по одиночкѣ, по черному ходу и валите все на чердакъ, въ какой нибудь уголъ, подальше отъ входа, чтобы никто изъ случайныхъ посѣтителей не наткнулся на этотъ грузъ.

Такъ все и было сдѣлано, при томъ аккуратно, незамѣтно. Всѣ были довольны. Я лично радовался тому, что мои «питомцы» на дѣлѣ доказали свои убѣжденія, о которыхъ заявляли мнѣ.

Въ тотъ же вечеръ, часовъ около 10—11, былъ произведенъ жандармами обыскъ въ типографіи чернопередѣльцевъ: понятно, кромѣ пустыхъ комнатъ, въ домикѣ ничего не было найдено.

Но на другой день въ семинаріи случился курьезъ большой важности, который, навѣрно, въ памяти у многихъ іереевъ Минской епархіи до сихъ поръ.

Одинъ изъ самыхъ лучшихъ учениковъ 6-го класса Николай Ивановичъ Мос-вичъ, благополучно священствующій досель, во время первой перемѣны забрался на чердакъ, откупорилъ чемоданъ, въ которомъ находилась газета «Зерно», взялъ половину чемодана газеты, внесъ ее незамѣтно въ свой классъ и спряталъ за печку.

Затѣмъ, въ большую перемѣну Мос-вичъ взялъ эту литературу подъ мышку и направился къ мальчуганамъ 1-го класса. Шелъ онъ важно, чинно, такъ что на коррридорѣ вызывалъ невольное вниманіе къ своей особѣ. Особенно заинтересовалась меньшая братія.

—Николай Ивановичъ, куда вы съ четь-минеями то?—раздавалось со всѣхъ сторонъ.

—Молчите, ребята: развѣ не видите, Николай Ивановичъ съ 70-ю толковниками идетъ просвѣщать первоклассниковъ, стенающихъ подъ игомъ о. ректора.

Наконецъ, Николай Ивановичъ остановился въ концѣ корридора, противъ 1-го класса, у окна. Его тотчасъ окружили толпой подростки. Окинулъ онъ своими голубыми гла-

зали кругомъ и увидѣлъ, что никого изъ соглядатаевъ нѣтъ.

—Вотъ что, ребята,—заговорилъ онъ,—хотите быть соціалистами?

—Хотимъ, хотимъ.—раздалось нѣсколько тоненькихъ ребячьихъ голосовъ.

—Да, вы тише, черти! Не кричите, а то кто нибудь услышитъ.

Ученики замолчали.

—Вотъ тебѣ, Ваня, газета, читай, но только никому изъ начальства не показывай. Слышишь?

—Слышу, слышу, Николай Ивановичъ.

Такимъ образомъ Мос-вичъ роздалъ ребятамъ всю принесенную съ чердака газету.

На слѣдующій день, во время большой перемѣны, въ младшихъ классахъ было довольное замѣтное оживленіе. Это «по секрету» обсуждали «Зерно». Нѣкоторые изъ первоклассниковъ подбѣгали къ ученикамъ старшихъ классовъ, отзывали ихъ въ сторону и потихоньку сообщали, что они теперь «соціалисты».

—Ой ли?—возражали недовѣрчиво старшіе.

—Ей Богу!—увѣряли вновь испеченные соціалисты.

—Перекрестись!

Соціалисты серьезно крестились.

—Ну, а чѣмъ вы докажете свою принадлежность къ соціализму?

—А вотъ видишь,—показывали соціалисты «Зерно», вытаскивая его изъ кармановъ брюкъ.

—Кто же вамъ далъ это?

—А Николай Ивановичъ.

—Идите сейчасъ же въ классъ,—сказали старшіе,—нужно съ вами поговорить.

Оказалось, что весь классъ, въ числѣ 65 человѣкъ, заявилъ себя сочувствующимъ соціализму. Были даже такіе, которые говорили, что соціализмъ настоящее евангельское ученіе.

—Вотъ что, ребята,—сказалъ одинъ изъ старшихъ учениковъ,—вы давайте намъ всѣ газеты, какія получили отъ Мос-вича, а мы вамъ завтра новыхъ принесемъ. Теперь вы еще не настоящіе соціалисты, а когда нашихъ газетъ побольше начитаетесь, тогда будетъ видно, куда слѣдуетъ идти. Пока, смотрите, не болтайте о томъ, что вы соціалисты.

—А вы не обманете насъ, принесете новыхъ газетъ?

—Нѣтъ.

Газеты были возвращены всѣ.

Тоже самое произошло и во 2-мъ классѣ.

Дальше, старшіе напустились на Мос-вича за его нетактичный способъ пропаганды.

—Что ты сдѣлалъ, Николай Ивановичъ! Развѣ не понимаешь, что шутишь съ огнемъ, долго ли до бѣды...

—А что? Развѣ я плохо сдѣлалъ?

—Умный ты человѣкъ, а связываешся съ мальчишками. Пойми ты, они могли всѣхъ насъ подвести и, конечно, не по злой волѣ, а просто по неразумію. И въ результатѣ могла быть темница.

Мос-вичъ не понялъ тревоги своихъ товарищей и довольно шутливо отвѣчалъ:

—Ну, и пусть ввергаютъ въ темницу имене моего ради. Тогда я возведу очи мои горѣ и возопію гласомъ велiимъ: Господи, изведи изъ темницы души ихъ исповѣдатися имени Твоему. Полноте, господа, отроки мои не такъ ужъ не разумны, какъ вы предполагаете. Не безпокойтесь—не проболтаютъ, тѣмъ болѣе не продадутъ. Да и что вы гнѣвастесь на меня, братія моя? Развѣ не знаете, что всякій гнѣвающійся на брата своего напрасно подлежитъ суду.

—Колька, не глупи! Мы не хуже твоего знаемъ разныя «словеса лукавствія», а только на будущее время отроковъ оставь въ покоѣ, да и вообще поменьше благовѣствуй соціализмъ.

Послѣ этого чернопередѣльческую литературу перенесли въ другое, болѣе надежное мѣсто, котораго не зналъ Мос-вичъ.

Н. И. Мос-вичъ представлялъ изъ себя довольно незаурядную личность на горизонтѣ семинарской жизни.

Учился онъ *первымъ* ученикомъ; начальство предполагало справить его на казенный счетъ въ духовную академію. Но ученическаго прилежанія у него и въ поминѣ не было; никто не видалъ, чтобы онъ зубрилъ уроки, или вообще сидѣлъ за учебникомъ. Зато онъ любилъ читать книги; читалъ все, что попадетъ подъ руку, безъ всякаго разбора. Читалъ, какъ говорится, запоемъ. При этомъ Мос-вичъ обладалъ удивительной памятью; почти все прочитанное онъ могъ воспроизвести въ любую минуту. Понятное дѣло, въ головѣ его образовался громадный запасъ знаній по всевозможнымъ наукамъ; Мос-вичъ сдѣлался какъ бы живой энциклопедіей, къ которой вся семинарія обращалась за разными справками. На этомъ основаніи семинаристы даже изобрѣли особую кличку для Николая Ивановича—«ученый мѣшокъ».

Но при всѣхъ этихъ достоинствахъ, у Мос-вича былъ одинъ крупный недостатокъ. Именно, при огромной, можно сказать, подавляющей памяти у него не хватало творческаго воображенія, не было спайки между накопленными знаніями. Это былъ гигантъ памяти, вѣчно страдавшій отъ того, что не умѣлъ ориентироваться и въ своихъ знаніяхъ и въ окружающей обстановкѣ. Вслѣдствіе этого, дѣйствія его нерѣдко казались какими то наивными, непродуманными и даже безтолковыми. Кто то сравнивалъ Мос-вича съ Гартмановскимъ «Безсознательнымъ», конечно, въ миніатюрѣ.

На почвѣ хорошей памяти съ Мос-вичемъ иногда происходили характерные курьезы.

Инспекторъ семинаріи какъ то разъ предложилъ семинаристамъ VI класса написать проповѣдь на тему: «блаженни плачущіи, яко тіи утѣшатся». При этомъ о. инспекторъ, въ качествѣ образца, прочиталъ свою проповѣдь на ту же тему; затѣмъ, эту проповѣдь онъ заперъ въ ящикѣ классной каѳедры.

Николай Ивановичъ въ тотъ же день по памяти возстановилъ проповѣдь о. инспектора, а черезъ два дня (срокъ былъ до 10 дней) подалъ ее по назначенію. О. инспекторъ сличилъ проповѣдь Мос-вича со своей и нашелъ почти полное сходство. Возникло подозрѣніе: дескать, Мос-вичъ подложнымъ ключемъ проникъ въ ящикъ каѳедры, взялъ оттуда инспекторскую проповѣдь и списалъ съ нея. О. инспекторъ былъ вполнѣ увѣренъ, что дѣло именно такъ и происходило. Въ виду этого, онъ поставилъ Мос-вичу за проповѣдь единицу и настоялъ на тройкѣ по поведенію за мѣсяцъ.

—Надо самому трудиться надъ составленіемъ проповѣдей, а не списывать,—замѣтилъ строго о. инспекторъ.

Всѣ оправданія Мос-вича не достигли цѣли.

Ошибка выяснилась только черезъ мѣсяцъ, когда о. инспекторъ далъ шестиклассникамъ новую тему для проповѣди: «блаженни алчущіи и жаждущіи правды, яко тіи насытятся». На этотъ разъ о. инспекторъ также прочиталъ для образца свою проповѣдь, но только не оставилъ ее въ ящикѣ классной каѳедры, а унесъ съ собой.

Мос-вичъ, какъ и въ первый разъ, также черезъ два дня представилъ копію инспекторской проповѣди.

Теперь, конечно, нельзя было сомнѣваться въ авторской подлинности проповѣди, и о. инспекторъ открыто призналъ свою вину.

Въ 1882 году партія народной воли рѣшила развить забастовочное движеніе въ духовныхъ семинаріяхъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, всегда тлѣютъ искры недовольства на почвѣ тяжелаго режима. Съ другой стороны, семинаристы—народъ развитой, серьезный и близокъ къ деревнѣ. Эту массу легче было привести въ движеніе, чѣмъ, напримѣръ, гимназистовъ; точно также не трудно было придать семинарскимъ безпорядкамъ политическую окраску. Одно было плохо: послѣ первомартовскаго событія чувствовался въ партіи недостатокъ работниковъ; во всякомъ случаѣ, нечего было и думать о командировкѣ отдѣльныхъ пропагандистовъ въ каждую семинарію. Такимъ образомъ, подготовка семинарскихъ забастовокъ была слабой, и неудивительно, если намѣчавшееся общее движеніе вылилось въ отдѣльныя выступленія съ слабой политической окраской. Зато народовольцы забросили въ нѣсколько семинарій искру революціонныхъ настроеній, которыя отъ поры до времени вспыхивали въ яркое пламя, напримѣръ, въ Вологодскую, Тульскую, Минскую, Ярославскую и др.

Вскорѣ пріѣхалъ въ Минскъ М. Грачевскій.

—Ну, какъ у васъ идутъ дѣла въ семинаріи?—первый вопросъ, съ которымъ ко мнѣ обратился Грачевскій.

—Ладно,—говорю,—идутъ, особенно въ четвертомъ классѣ.

—Хорошо. А есть среди нихъ нейтральные?

—Конечно, какъ и вездѣ.

—Кто же именно?—допытывался Грачевскій.

Я назвалъ фамилію Новицкаго, дядя котораго отбывалъ каторгу на Карѣ.

—Знаете ли,—снова заговорилъ Грачевскій,—пропаганда во многихъ семинаріяхъ ведется вполнѣ успѣшно, но, конечно, этого мало для того, чтобы вызвать всеобщую семинарскую забастовку. Необходимо вездѣ подготовить почву, иначе неминуемы разрозненныя выступленія, а это повлечетъ за собой не то впечатлѣніе, на которое разсчитываемъ мы. Жаль, приходится торопиться съ забастовкой, а дѣло ведется насильственными, случайными мѣрами. Взять хотя бы манеру разсылки воззваній неизвѣстнымъ семинаристамъ: мы посылаемъ ихъ часто наугадъ, на имя какихъ нибудь Поповыхъ, Рождественскихъ, Преображенскихъ, предполагая, что безъ этихъ фамилій не обходится ни одна семинарія. Конечно, по теоріи процентной вѣроятности, наши воззванія попадаютъ иногда на благодарную почву, но по той же теоріи необходимо предполагать и обратныя явленія. Правда, въ послѣднее время мы дѣлаемъ громадныя усилія, чтобы наладить забастовочное движеніе въ

ближайшемъ будущемъ. Но вы, Михаилъ Павловичъ, знаете, что нашего полку стало мало.

Я спросилъ Грачевскаго, какая изъ семинарій станетъ во главѣ движенія, вѣдь нельзя же думать, чтобы исполнительный комитетъ взялъ непосредственное руководство, такъ сказать, черновую работу. И къ удивленію своему, получилъ въ отвѣтъ, что такой семинаріей будетъ Минская и что всѣ нити движенія будутъ сосредоточены въ рукахъ ученика Новицкаго, котораго я считалъ нейтральнымъ. Какую силу воли имѣлъ этотъ юнопа, который отлично видѣлъ работу мою и Даманскаго, и ни разу не подалъ повода подозрѣвать, что онъ не только въ курсѣ дѣла, но и во главѣ стоитъ!

Послѣ совѣщаній рѣшено было разослать по всѣмъ семинаріямъ отъ имени Минской забастовочный циркуляръ съ подробнымъ наставленіемъ организаціи выступленій. Одинъ изъ такихъ циркуляровъ былъ отправленъ въ Калужскую семинарію на имя Преображенскаго.

Такой въ Калугѣ оказался, но онъ воззваніе немедленно доставилъ ректору семинаріи.

Возникло дѣло на политической почвѣ.

Въ Минскѣ, на квартирѣ Новицкаго, жандармами, въ присутствіи ректора и инспектора семинаріи, произведенъ былъ обыскъ. На этой квартирѣ жило 5 учениковъ и, между прочимъ, здѣсь же числился проживающимъ и Н. И. Мос-вичъ. Но фактически жилъ онъ на другой квартирѣ, гдѣ помѣщалась нелегальная библіотека, т. е. такая, въ которой были Писаревъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Дѣло, Отечественныя Записки, Русская Мысль и другой подобный запрещенный хламъ. Обыскъ начался съ сундука Новицкаго, его кровати и кармановъ сюртука; обыскали и другихъ; наконецъ, дошла очередь до Мос-вича.

—Гдѣ вашъ сундукъ?—обращается къ нему жандармъ.

—У меня сундука нѣтъ,—отвѣчаетъ Мос-вичъ.

—А куда вы складываете свое бѣлье?

—Въ сундукъ Новицкаго и Б-ча.

—Гдѣ ваша кровать?—допытывается власть.

—Здѣсь.—показалъ Мос-вичъ, указывая на случайно поставленную дѣтскую кровать.

—Какъ же вы спите на такой кровати?—съ ядовитой усмѣшкой спросилъ жандармскій полковникъ Миллеръ.

—Вотъ такъ.—отвѣчалъ М-чъ, и, ничтоже сумняся, 2½ аршинный дѣтина легъ на кроватку, которая, понятно, не выдержала тяжести и разсыпалась по частямъ.

Поднялся смѣхъ.

—Г. полковникъ,—сказалъ одинъ изъ бойкихъ семинаристовъ,—Мос-вичъ смутился вашимъ вопросомъ; онъ кровати не имѣетъ и спитъ на полу, подстилая свое пальто вмѣсто тюфяка, а одѣяло его вотъ виситъ на веревочкѣ.

Полковникъ такимъ объясненіемъ удовлетворился, былъ составленъ протоколъ, въ которомъ говорилось, что при обыскѣ ничего предосудительнаго не было найдено. Тѣмъ, казалось бы, дѣло и должно было закончиться. Но вышло иначе. Новицкій немедленно послѣ обыска былъ уволенъ изъ семинаріи вмѣстѣ съ четырмя товарищами, сокварпрантами, бывшими на плохомъ счету у семинарскаго начальства. Н. И. Мос-вичъ избавился опасности, тѣмъ болѣе, что начальство прочило его въ духовную академію.

Въ маѣ мѣсяцѣ, во время экзаменовъ, я встрѣтилъ на окраинѣ города Н. И. Мос-вича, который, по обыкновенію, ничуть не безпокоился объ экзаменахъ и беззаботно проживалъ на лонѣ природы. На этотъ разъ онъ почему то очень важно и вполголоса тянулъ «понтомъ покры фараона съ колесницами».

—Не надоѣло вамъ, Николай Ивановичъ, пѣть это въ архіерейскомъ хорѣ; лучше бы спѣли какую нибудь бѣлорусскую пѣсню, а я бы послушалъ,—сказалъ я ему.

—Знаете ли, въ духовныхъ пѣснопѣніяхъ много серьезной, захватывающей музыки. Возьмемъ, напримѣръ, «милость мира жертву хваленія» Бортнянскаго. Да вѣдь эта музыка прямо за душу хватаетъ...

Мы шли вверхъ по рѣкѣ Свислочи и незамѣтно удалились отъ города.

Какъ сейчасъ помню, день былъ ясный, теплый; зеленѣла трава на луговой сторонѣ рѣки и распускались цвѣты, а на противоположной, нагорной сторонѣ, въ кустахъ заливались хоры птичекъ... Мы присѣли на берегу; я невольно погрузился въ созерцаніе природы, забылъ житейскую суету, жизнь—полную тревогъ и огромныхъ лишеній, какія мнѣ приходилось переносить и испытывать ежедневно, въ качествѣ нелегальнаго. Николай Ивановичъ забылъ семинарію съ ея тюремными порядками и формально-безцушнымъ благочестіемъ... Вдругъ въ глазахъ его что то засвѣтилось, заиграло; онъ вопросительно взглянулъ на меня и взялся за скрипку, съ которой никогда не разставался...

«Волга, волга, весной многоводной ты не такъ заливаешь поля, какъ великою скорбью народной переполнилась наша земля»,—торжественно-красиво, съ чувствомъ, запѣлъ

Николай Ивановичъ подъ рыданія скрипки. Я любовался имъ, этимъ вдохновеннымъ и чистымъ юношей!

Вскорѣ на игру и пѣніе явилось еще нѣсколько семинаристовъ и у насъ составился маленькій хоръ, въ которомъ однако не доставало басовъ. Мы пѣли про тяжелую нужду мужика, про безправье народное, про чиновныя взятки, про счастливыхъ дворянъ и о братской свободѣ и равенствѣ людей. Пѣніе настолько захватило насъ, что мы и не замѣтили, какъ вечеръ повисъ надъ нашими головами. А кругомъ, въ кустахъ, къ нашему пѣнію прислушивались дѣти и взрослые изъ мѣщанъ... По опыту своему могу сказать, что хоровое пѣніе—лучшій другъ пропагандиста и, понятное дѣло, я вездѣ пускалъ его въ оборотъ.

Дня черезъ два послѣ этой прогулки съ семинаристами я принужденъ былъ поспѣшно покинуть Минскъ, такъ какъ полиція пронюхала о моемъ мѣстонахожденіи. Долженъ сказать, что съ 1882 года департаментъ полиціи очень занялся моей персоной; повсюду были разосланы мои приметы; указывалось даже, что я любитель и мастеръ прибѣгать къ гримировкѣ. По этой причинѣ я держался правила—нигдѣ не проживать подолгу; бывали случаи, что приходилось бѣжать черезъ мѣсяцъ и даже черезъ недѣлю по прибытіи на мѣсто пропаганды.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ я вернулся въ Минскъ. Разъ иду на Златогурку, гдѣ была моя квартира, по Захарьевской улицѣ: вдругъ вижу молодого священника, франтовато одѣтаго, въ шляпѣ, съ тростью изъ краснаго дерева. Подходитъ ко мнѣ:

—А вѣдь я васъ давно ищу и никакъ не могу встрѣтить.

Это былъ Н. И. Мос-вичъ.

Спрашиваю его, какими судьбами попалъ онъ въ «жеребятую породу», которую еще такъ недавно искренно ругалъ.

—Зайдите ко мнѣ пошить кофе, и я разскажу вамъ, какъ дошелъ я до жизни такой.

Я согласился.

Потомъ Николай Ивановичъ объяснилъ мнѣ, что теперь онъ нашелъ дорогу въ жизни, по которой и пойдетъ неуклонно. Дорога эта указана ученіемъ Христа, въ немъ все есть, все сказано, объяснено. Вы знаете, что царствіе Божіе внутри насъ, мы получаемъ его посредствомъ любви къ ближнему. Христосъ велѣлъ даже любить своихъ враговъ, а мы слѣдуемъ во всемъ по ветхозавѣтному, «око за око». Семинар-

скіе учителя мнѣ не умѣли привить этихъ великихъ принциповъ, я дошелъ до этого самъ, отчасти и вы толкнули меня на это, вашей революціонной пропагандой. Теперь я пойду къ забитымъ бѣлоруссамъ и буду имъ проповѣдывать братскую любовь къ ближнему. Вотъ почему я надѣлъ рясу.

Я понялъ, что въ душѣ Николая Ивановича въ теченіи лѣта произошелъ переломъ въ убѣжденіяхъ, что онъ только минутно увлекся революціонными идеями. Подобный переломъ впослѣдствіи произошелъ и съ другими семинаристами.

На квартирѣ у Мос-вича я получилъ 18 рублей денегъ на дѣло партіи народной воли. Деньги эти были собраны имъ по подписному листу среди приходскихъ батюшекъ.

—Какъ же это могло случиться?—спрашиваю я.

—Да очень просто,—говоритъ Николай Ивановичъ.—Былъ храмовой праздникъ у насъ, понаѣхало много сосѣднихъ іереевъ, я и подсунулъ имъ этотъ подписной листъ; всѣ 18 человѣкъ подписали по одному рублю. Вотъ смотрите.

Я взялъ листъ, на которомъ отчетливо красуется знакъ, какого онъ происхожденія; глажу и глазамъ не вѣрю: всѣ жертвователи подписали не только свое имя и фамилію, а даже и церковь, при которой они іерействовали.

—Николай Ивановичъ, что вы натворили!—упрекнулъ я своего собесѣдника.—Развѣ не понимаете, что вы подвергали огромному риску этихъ простодушныхъ отцовъ?

—Какому?—удивился Мос-вичъ.

—Ну, и святая простота! Представьте себѣ, васъ заарестовали бы, нашли этотъ листикъ; и что вы думаете—чѣмъ здѣсь пахнетъ.

—Посадили бы меня въ темницу, потомъ повѣсили бы на судилище.

—Въ томъ то и дѣло, что не одного васъ, а и тѣхъ 18 батюшекъ, которые собственноручно расписались въ своихъ симпатіяхъ къ народовольчеству. Теперь понимаете, какую кашу вы заварили.

—Да, не сообразилъ. Виноватъ...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я случайно встрѣтилъ въ Иркутскѣ брата Мос-вича, отъ котораго узналъ, что Николай Ивановичъ до сихъ поръ сохранилъ свою «неосмотрительную простоту».

P. S. Въ III очеркѣ мной допущена досадная ошибка: я назвалъ Старостина авторомъ «Хроника села Смура», тогда какъ это произведеніе принадлежитъ Засодимскому.

В. А. Ватинъ.

Восточная Сибирь въ началѣ XIX-го вѣка.

(На основаніи неизданнаго отчета Иркутскаго губернатора Трескина).

Мы дали поистинѣ великій образецъ тѣрпѣнія, и если старый возрастъ видѣлъ крайній предѣлъ свободы, то мы видѣли крайній предѣлъ рабства, шпіонство отняло способность и говорить, и слушать. Мы, кажется, потеряли бы самую память вмѣстѣ съ голосомъ, если бы въ нашей власти было столь же легко забыть, какъ молчать.

Тацитъ, Julii Agricolae vita, II.

Отчетъ о управленіи Иркутскою губерніею съ 1806 по 1812 годъ.

Видъ прежняго состоянія Иркутской губерніи, въ какомъ засталъ я при самомъ вступленіи моемъ въ управленіе оною, и первоначальныя дѣйствія къ отвращенію крайнихъ нуждъ по разнымъ частямъ устройства оныхъ.

«Казалось, какъ будто всѣ непріятнѣйшія обстоятельства нарочно соединились вмѣстѣ встрѣтить меня и, при первомъ вступленіи, показать всю тягость управленія столь необыкновенной, по необъятной обширности и ненаселенности своей губерніи.

Тотчасъ по пріѣздѣ моемъ сюда, 11 октября 1806 года, я долженъ былъ или вдругъ преодолѣть всѣ трудности, или, по истощеніи всѣхъ способовъ и силъ, предоставить на произволъ судьбы располагать мною обстоятельствамъ, кои были таковы:

1) повсемѣстный худой урожай въ хлѣбѣ и отъ того

2) затрудненіе и предстоявшій недостатокъ въ продовольствіи войскъ, на столь необъемлемомъ пространствѣ расположенныхъ — ибо во всѣхъ провіантскихъ магазейнахъ къ пріѣзду моему было наличнаго хлѣба всякаго рода, то есть: муки, крупъ, ржи, ячменю только до 98.000 пудъ, а потребно было 267.342 пуда;

3) пресѣченіе винокуренія на всѣхъ казенныхъ заводахъ, для дѣйствованія коихъ потребно было хлѣба 410.146 пудъ: за наличнаго въ магазейнахъ заводскихъ было токмо 20 303, да закупленнаго, но не выставленнаго 37.274, всего 57 .57 пудъ;

4) совершенное бездѣйствіе и остановка въ водвореніи поселенцевъ во всѣхъ назначенныхъ мѣстахъ, для коихъ нужно было заготовить хлѣба болѣе 80.000 пудъ;

5) опустѣніе большею частью сельскихъ магазейновъ;

6) весьма худое и безнадежное состояніе казенныхъ запасныхъ магазейновъ, изъ коихъ въ Иркутскомъ найдено только 374 пуда муки; а во всѣхъ вообще 22,502 пуда, при совершенномъ, впрочемъ, по части сей неустройствѣ, которое было токмо въ предположеніи;

7) совершенно ненадежные, а болѣе вредные для казны и для земледѣльцевъ прежніе способы заготовленія хлѣба для всѣхъ вообще казенныхъ потребностей, по коимъ изъ закупленнаго въ прежнія времена считалось на крестьянахъ недоимокъ токмо по вѣдомству провіантскихъ коммиссіонеровъ Нерчинской горной экспедиціи и казенной экспедиціи около 150.000 пудъ;

8) недостатокъ въ людяхъ и самыхъ средствахъ, коими бы дѣйствовать можно и должно было;

9) совмѣстничество въ закупкѣ хлѣба между коммиссіонерами отъ различныхъ казенныхъ мѣстъ; а наиболѣе вѣдомства Нерчинской горной экспедиціи и провіантскихъ коммиссіонеровъ, отъ ненасытнаго корыстолюбія коихъ казна теряла большія суммы; земледѣльцы, обольщаемые и обманываемые ими, терпѣли различныя обиды и всѣ вообще чувствовали нужду отъ чрезвычайнаго возвышенія ими цѣнъ на хлѣбъ;

10) издавна вкоренившіеся перекупы въ городѣ со стороны купечества и въ уѣздахъ вмѣстѣ отъ купечества и крестьянъ;

11) неимѣніе никакого распорядка по сей части со стороны здѣшняго общества или думы, такъ что нѣтъ даже у онаго и въ заведеніи торговыхъ хлѣбныхъ лавокъ;

12) скопище въ Иркутскѣ и уѣздѣ онаго по самымъ хлѣбороднѣйшимъ мѣстамъ тунеядцевъ, и негодяевъ, и каторжныхъ, коихъ число обоего пола было слишкомъ 8000 человѣкъ и въ томъ числѣ въ одномъ городѣ 566 человѣкъ;

13) совершенное неустройство градской и земской полиціи, которыя болѣе дѣлали порчи и вреда, нежели въ состояніи были исполнять распоряженія начальства;

14) ко всему тому: несвоевременный пріѣздъ новыхъ начальниковъ — новость для нихъ во всемъ и совершенная неизвѣстность мѣстныхъ обстоятельствъ столь обширной и необыкновенной губерніи;

15) а въ заключеніе всего: необъемлемая обширность,

отдаленность и невозможность помочь нуждамъ изъ другихъ губерній, и

16) вообще, разстройство и совершенный хаосъ во всѣхъ частяхъ губернскаго управленія, несогласіе и устарѣлая вражда между чиновниками и гражданами, раздѣлившимися на партіи—утонченнѣйшее въ многоразличныхъ видахъ зло, неизъяснимое распутство—и вообще растлѣніе въ нравахъ.

При всѣхъ сихъ критическихъ обстоятельствахъ время никакъ не терпѣло»...

«Въ одно и тоже время должно было обезпечить совершенно продовольствіе войскъ, которое сперва, по непріѣзду сюда повѣренныхъ отъ провіантскихъ поставщиковъ, а потомъ по совершенной неисправности ихъ, угрожало опасностью—возстановить пресѣкшееся винокуреніе, какъ одинъ изъ главныхъ источниковъ доходовъ здѣшней губерніи—обезпечить въ продовольствіи жителей Иркутска съ различными въ немъ командами и казенными вѣдомствами, какъ то: морской команды, губернской роты, пріумноженной напослѣдокъ вдвое наборомъ отставныхъ, городовой больницы, воспитательнаго дома, тюремнаго замка, рабочаго дома и семинаріи, которые всѣ не имѣли никакого заготовленія въ хлѣбѣ, обезпечить продовольствіе жителей Якутскаго и Охотскаго края и Камчатки, приготовить весьма знатное количество для водворяемыхъ въ тѣхъ мѣстахъ поселенцевъ, также для саловаренныхъ заводовъ и ссыльныхъ, въ разныхъ казенныхъ работахъ находящихся, для суконной фабрики, доставить способъ запастись весьма знатною пропорціею хлѣба Нерчинской горной экспедиціи, которая имѣла прежде своихъ комиссіонеровъ по всѣмъ хлѣбороднѣйшимъ мѣстамъ губерніи; а нынѣ цѣлый Нерчинскій край предоставленъ ей былъ для заготовленія хлѣба исключительно».

Хлѣба для удовлетворенія всѣхъ этихъ потребностей нужно было 1.023.507 пудовъ, урожай же 1806 г. опредѣлялся земскими судами въ 4.909.170 пудовъ озимого и яроваго, «за отдѣленіемъ изъ коихъ на посѣвъ и продовольствіе земледѣльцевъ до 3.955.375 пудовъ оставалось по тремъ единственно хлѣбороднымъ уѣздамъ, Иркутскому, Верхнеудинскому и Нижнеудинскому, для удовлетворенія всѣхъ общественныхъ, или городскихъ и вышеизъясненныхъ казенныхъ потребностей, только до 958.795 пудовъ всякаго рода хлѣба».

Организовавъ продовольствіе войскъ и Нерчинскихъ заводовъ, для удовлетворенія прочихъ потребностей Трескинъ

принялъ цѣлый рядъ мѣръ:

1) онъ избралъ нѣсколько чиновниковъ «надежнѣйшихъ», назначилъ каждому изъ нихъ мѣста покупки, далъ деньги съ наставленіемъ держаться справочныхъ цѣнъ, «и притомъ даны были имъ открытые виды, коими поселяне убѣждаемы были къ запродажѣ чиновникамъ симъ хлѣба такой пропорціи, сколько по возможности и по общему согласію удѣлить будетъ можно отъ избытковъ ихъ; но сей способъ покупки былъ весьма безуспѣшенъ—чиновники сіи по неусердію ли своему къ пользамъ службы, или по неспособности къ такому дѣлу, купили ничего не значущее количество хлѣба, и именно: 91.000 пудъ, между тѣмъ, нужды умножались и усиливались, и ничего болѣе не оставалось, какъ всю сію операцію принять на себя лично».

2) Въ Иркутскъ были приглашены волостныя головы и братскіе тайши Иркутскаго уѣзда, они назначали цѣну на хлѣбъ, ниже которой имъ нельзя было уступить, и возвратившись въ волости, заключали съ жителями сдѣлки по покупкѣ хлѣба.

3) Въ остальныхъ мѣстностяхъ покупка хлѣба была возложена на частныхъ комиссаровъ, но такъ какъ все таки хлѣба было недостаточно, то

4) «для покупки хлѣба особливо на водвореніе поселенцевъ въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ, съ дозволенія Сибирскаго г. генералъ-губернатора, послано было нѣсколько чиновниковъ и партикулярныхъ коммиссіонеровъ въ сосѣдственные къ оному Красноярской и Енисейской уѣзды Томской губерніи».

Такимъ образомъ, «предотвращены были три главнѣйшія нужды: остановка въ винокуреніи, въ водвореніи поселенцевъ и затрудненіе въ наполненіи запасныхъ магазейновъ изъ коихъ для первой куплено было до 164.275 пудовъ, для другой до 100.000 и третьей до 173.777, а всего до 438.052 п».

Вслѣдствіе недостатка въ хлѣбѣ «цѣна ржаной муки въ Иркутскѣ день отъ дня подымалась и съ октября 1806, до декабря 1807 доходила отъ 70 до 100 коп.»

Изъ Иркутскаго магазейна въ октябрѣ и ноябрѣ 1806 г. шла безпрерывная продажа хлѣба по цѣнѣ ниже рыночной, отъ 5 до 10 копеекъ, «напримѣръ въ 65, 80, 85 и 90 коп. пудъ; но въ декабрѣ 1806 года недостатокъ привознаго на рынокъ хлѣба сдѣлался ощутительнымъ, цѣна на оный доходила до 1 р. 10 коп.»

Поэтому продажа хлѣба съ 18 декабря стала производиться съ нѣкимъ рядомъ ограниченій: такъ какъ хлѣбъ

изъ запасныхъ магазиновъ требовался на продовольствіе войскъ и другія нужды, въ томъ числѣ «для жителей Макаровскаго комиссарства въ Киренскомъ уѣздѣ, гдѣ совершенный открылся недостатокъ въ хлѣбѣ и гдѣ не учреждено запасныхъ магазейновъ на продовольствіе и посѣвъ», и «для жителей Баргузинскаго комиссарства по той же причинѣ и гдѣ также не было магазейновъ на продовольствіе и посѣвъ», и за вычетомъ требовавшагося на эти нужды хлѣба во всѣхъ магазинахъ оставалось всего 32,438 п. на продовольствіе жителей.

Поэтому пришлось установить. «чтобы 1) въ каждый день съ 9 ч. утра до 1 ч. полудня выпускаемо было изъ магазейна до 200 пуд.»

2 и 3) Отпускъ хлѣба долженъ былъ производиться однимъ недостаточнымъ жителямъ, чиновники же, извѣстные по состоянію купцы и граждане не должны были получать хлѣба безъ особаго приказанія губернатора, «дабы предупредить всякія, свойственныя въ такихъ случаяхъ крайности достаточнымъ купцамъ на щетъ своихъ же бѣдныхъ согражданъ, злоупотребленія, то есть закупку изъ магазейна большихъ пропорцій хлѣба и перепродажи онаго дорогими цѣнами». Главный смотритель магазейновъ, нынѣшній губернскій прокуроръ, могъ разрѣшать пріобрѣтеніе хлѣба и этимъ категоріямъ лицъ по особымъ билетамъ.

4) Цѣна на хлѣбъ была назначена по 1 рублю пудъ, Трескинъ находилъ, что «цѣна сія была весьма умѣренная и даже низкая», такъ какъ хлѣбъ закупался по цѣнѣ отъ 65 коп. до 1 руб., прибыль магазиновъ Трескинъ опредѣляетъ въ $12^{1}/_{2}$ %. «Во всѣхъ мѣстахъ къ Якутску на цѣну сію полагаемъ былъ одинъ провозный расходъ, какъ напримѣръ, въ самомъ Якутскѣ, отстоящемъ отсюда въ 2599 верстахъ, продавался хлѣбъ изъ магазейновъ по 1 р. 29 коп. Слѣдственно, прибыль магазейновъ отъ жителей собственно была самая ограниченная; но если бы жители городскіе такимъ образомъ не были обезпечены въ продовольствіи, то должны-бъ были покупать хлѣбъ вдвое дороже противъ оной цѣны, судя по тому, что провіантскіе поставщики для продовольствія войскъ покупали ржаную муку у здѣшнихъ купцовъ».

Подвозъ хлѣба на рынкѣ уменьшался, и цѣны на него возвышались: съ конца 1806 г. по іюнь 1807 г.—съ 1 р. 20 к. до 1 р. 60 к., «а въ послѣднихъ сихъ мѣсяцахъ ежедневный привозъ хлѣба на рынокъ былъ не болѣе, какъ отъ одного до трехъ возовъ, а по большей части и вовсе не было въ привозѣ.

По пропорціи, какъ уменьшалась продажа на рынкѣ, умножаема оная была изъ магазейна; напримѣръ: въ апрѣлѣ, маѣ, іюнѣ и іюлѣ—отъ 230 до 540 пудъ въ день, по той же цѣнѣ, т. е. по 1 рублю пудъ».

«Чрезвычайныя общественныя и казенныя надобности въ хлѣбѣ и, напротивъ того, весьма слабое состояніе земледѣлія, нѣсколько лѣтъ продолжавшійся сряду неурожай, по непостоянности и суровости климата, необъемлемая обширность, крайнія неудобства во внутренней коммуникаціи и въ сообщеніи съ другими губерніями и множество подобныхъ естественныхъ причинъ, затрудняющихъ особенно продовольствіе жителей, сдѣлали здѣсь торговлю хлѣбомъ самою выгоднѣйшею и почти первымъ промысломъ. Большая часть достаточнѣйшихъ купцовъ сдѣлались перекупщиками и первый изъ нихъ—Сибиряковъ.—Они имѣютъ по всѣмъ хлѣбороднымъ мѣстамъ губерніи своихъ прикащиковъ, которые, одолжая безпрестанно крестьянъ разными мелочными товарами и всѣмъ, чѣмъ только можно и обзадачивая за годъ предъ урожаемъ нѣкоторымъ числомъ денегъ, скупаютъ такимъ образомъ хлѣбъ въ свои руки весьма дешевыми цѣнами; само по себѣ разумѣется, что крестьяне состоящіе въ вѣчномъ, такъ сказать, долгу, или кабалѣ у перекупщиковъ сихъ не только не могутъ, но не смѣютъ уже продать хлѣба кому либо другому и работаютъ по большей части для нихъ; само собою разумѣется, что, при таковомъ постоянномъ злоупотребленіи, на сторонѣ перекупщика земская полиція и сельскіе старшины, маленькій интересъ коихъ заставляетъ ихъ содѣйствовать всѣми средствами и усиліемъ».

Трескинъ призналъ первый опытъ покупки хлѣба при посредствѣ особыхъ коммиссіонеровъ неудачнымъ, вслѣдствіе захвата хлѣбнаго рынка скупщиками, и это его «заставило изобрѣсти другой способъ покупки, который бы, съ одной стороны, былъ облегчительнѣе для начальства, а съ другой—выгоднѣе для поселянъ и освободилъ бы ихъ отъ господства алчныхъ перекупщиковъ... Въ маѣ мѣсяцѣ 1807 года, когда всходы хлѣбовъ обѣщали обильную жатву, съ утвержденія г. генералъ-губернатора, разосланы были во всѣ волостныя правленія приглашенія такого содержанія, чтобы въ каждой волости объявлено было всѣмъ: не пожелаетъ ли кто по предложеннымъ цѣнамъ запродать для казны какого либо хлѣба мукою и зерномъ и, сдѣлавъ таковымъ общій реестръ, присылали съ онымъ и съ общественною мірскою довѣренностью повѣренныхъ, или къ комиссару или прямо

ко мнѣ для заключенія договоровъ на законномъ основаніи», эта довѣренность во избѣженіе «злоупотребленій со стороны частныхъ комиссаровъ, волостныхъ головъ и сельскихъ старшинъ, готовыхъ иногда рѣшиться на оныя»—должна быть засвидѣтельствована въ волостномъ правленіи. «Нѣкоторые изъ частныхъ комиссаровъ по неразумію ли права, или свободы земледѣльца въ распоряженіи плодами трудовъ его, или изъ неблагонамѣренныхъ видовъ входили ко мнѣ съ представленіемъ, что по множеству частныхъ перекупщиковъ крестьяне не продаютъ въ казну хлѣба по объявленнымъ цѣнамъ, и чтобы ихъ къ уступкѣ выгоднѣйшими цѣнами принудить, но на сіе сдѣланы имъ должныя истолкованія и подъ строжайшею отвѣтственностью воспрещено было дѣлать не только принужденія, но даже малѣйшія настоянія или убѣжденія; но чтобъ комиссарамъ предписано было, какъ доносители писали, принуждая крестьянъ и пивоварцевъ къ продажѣ хлѣба, сего никогда не было; во первыхъ потому, что беззаконная мѣра таковая противна правиламъ нынѣшняго начальства, а во вторыхъ, что она по вышеизъясненнымъ обстоятельствамъ была бы крайне неосторожна и, кромѣ всеобщаго расхода, не принесла бъ начальству никакого успѣха».

«Описанный способъ покупки представлялъ ту пользу для крестьянъ и казны, что первые, нуждаясь въ деньгахъ для домашнихъ надобностей и на платежъ податей, а особливо послѣ скудныхъ урожаевъ, имѣли выгодный случай запродать хлѣбъ и, получивъ отъ казны половину или полное количество денегъ впередъ, по такой уже цѣнѣ, дороже которой не надѣялись они получить и за наличный хлѣбъ—и не имѣли бъ уже надобности задалживаться у перекупщиковъ, которые въ такихъ случаяхъ умѣютъ находить свои выгоды; а послѣдняя, то есть казна, не имѣла бы надобности въ особыхъ коммиссіонерахъ для разсылки ихъ по селеніямъ, отъ которыхъ мало можно ожидать успѣха и кои часто подаютъ токмо причину къ непріятнымъ на щетъ начальства толкамъ; но при всѣхъ сихъ выгодахъ для поселянъ весьма немногіе изъ нихъ рѣшились къ запродажѣ впередъ хлѣба, по новости ли и необыкновенію сего способа имѣть дѣло съ казною, или по неувѣренности на урожай—такъ что все количество онаго простиралось не болѣе 4000 пуд.»

Новый порядокъ закупки хлѣба непосредственно отъ крестьянъ, по мнѣнію Трескина, избавлялъ ихъ отъ перекупщиковъ.

«По сей причинѣ и крестьяне и братскіе, когда жатва столь изобильная окончена уже была и всякій зналъ свои

избытки—сами являлись ко мнѣ, объявляли, сколько они желаютъ продать въ казну хлѣба, торговались со мною лично и заключали контракты».—Такимъ образомъ для запасныхъ магазиновъ было куплено 73.433 пуда по цѣнѣ отъ 45 до 55 коп.

Какъ видимъ, Трескинъ начинаетъ свой отчетъ съ изложенія своихъ мѣропріятій для обезпеченія народнаго продовольствія. Этотъ отдѣлъ для насъ тѣмъ интереснѣе, что какъ разъ въ этихъ дѣйствіяхъ Трескина были найдены «неправильности и злоупотребленія» комитетомъ графа Кочубея, разсматривавшимъ отчетъ Сперанскаго о его ревизіи.

Какъ говорится въ именномъ Высочайшемъ указѣ правительствующему сенату, отъ 26 января 1822 г., «въ управленіи бывшаго Иркутскаго гражданскаго губернатора Трескина комитетъ нашелъ слѣдующія главныя неправильности и злоупотребленія: 1) введеніе монополіи въ закупкѣ хлѣба; 2) произвольное установленіе продажныхъ цѣнъ при хлѣбныхъ заготовленіяхъ; 3) неправильные расчеты казенныхъ прибылей и неправильныя начисленія донесенія; 4) заготовленіе хлѣба на казенныя потребности не покупкою по цѣнамъ вольнымъ, но самовластною раскладкою на обывателей по цѣнамъ принужденнымъ.» [1])

Нужно отмѣтить, что обезпеченіе народнаго продовольствія всегда являлось однимъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ въ сѣверныхъ и восточныхъ областяхъ Сибири, входившихъ тогда въ Иркутскую губернію. Суровый климатъ мѣшалъ развитію въ ея предѣлахъ хлѣбопашества; далекія разстоянія и плохія пути сообщенія затрудняли снабженіе края съѣстными припасами изъ хлѣбородныхъ мѣстностей. Поэтому администрація волей неволей должна была заботиться о продовольствіи жителей.

Съ дѣлами народнаго продовольствія были тѣсно связаны казенныя заготовленія хлѣба: заготовленія эти производились для провіантскаго вѣдомства, казенныхъ запасныхъ магазиновъ и винокуренныхъ заводовъ. Но провіантскимъ заготовленіямъ прибѣгали къ подрядамъ, но безъ успѣха; были испытаны коммиссіи, изъ которыхъ вышло не болѣе толку; поэтому Пестель возложилъ это дѣло всецѣло на попеченіе губернаторовъ, предоставивъ имъ свою власть по ут-

[1]) Вагинъ. op. c., I, 127.—Вагинъ несомнѣнно правъ, указывая, что мѣропріятія Трескина «въ письменныхъ распоряженіяхъ и донесеніяхъ его изображались совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ были въ дѣйствительности», Iв., 334. Это, однако, не лишаетъ для насъ интереса отчетовъ Трескина.

вержденію цѣнъ и производство покупокъ хозяйственнымъ образомъ. [2])

Хлѣбная торговля всегда была слабой стороной мѣстнаго Сибирскаго управленія. Еще въ инструкціи Селифонтову говорится, что несмотря на необыкновенный урожай, «рѣдкость хлѣба ощутительна и цѣны все еще возвышаются». Обыкновенно такія послѣдствія имѣютъ свое начало въ стѣснительныхъ мѣрахъ, отнимающихъ у земледѣльца довѣріе и угрожающихъ его спокойствію. «Вы, конечно, не допустите—писано было Селифонтову—чтобы мѣры таковыя гдѣ либо подъ начальствомъ вашимъ были дозволяемы; напротивъ, вы потщитесь доставить земледѣльцамъ всю увѣренность, что плоды трудовъ его ни подъ какимъ видомъ отторгнуты или вынуждены у него быть не могутъ».

Но при Пестелѣ эти слова инструкціи оставались мертвою буквой, между тѣмъ какъ съ особеннымъ усердіемъ приводились въ исполненіе тѣ статьи ея, которыя могли стѣснить и поработить населеніе Сибири. Дѣятельность Трескина въ этомъ отношеніи совершенно парализовала хлѣбную торговлю. Хлѣбная торговля сдѣлалась монополіей казенныхъ запасныхъ магазиновъ. Дѣйствуя черезъ своихъ агентовъ на мѣстахъ, Трескинъ стѣснялъ закупки хлѣба для другихъ казенныхъ вѣдомствъ и заставлялъ ихъ обращаться за покупкой его въ магазины, а самъ покупалъ его у крестьянъ по произвольнымъ цѣнамъ. Движеніе хлѣба было стѣснено до крайности. Вывозить хлѣбъ изъ одного уѣзда въ другой позволялось только въ крайнихъ случаяхъ, въ видѣ особенной милости.

Характерно, что во время тринадцатилѣтняго управленія Трескина Иркутскою губерніей онъ ни разу не доносилъ, что урожай въ ней хорошъ. Поэтому онъ могъ, такимъ образомъ, при покупкѣ хлѣба показывать въ уплату за него высокія цѣны, приводить небывалыя затрудненія и выставлять, такимъ образомъ, на показъ свои заслуги. «Произвольныя дѣйствія, нарушеніе законовъ и систематическій обманъ правительства нигдѣ не были доведены при Трескинѣ до такого развитія, какъ именно въ дѣлахъ народнаго продовольствія»,—пишетъ Вагинъ. [1])

Административные навыки, упрочившіеся за время управленія Трескина, съ трудомъ искоренялись и послѣ его удаленія. Такъ, въ мартѣ 1820 г. Иркутскій исправникъ жалуется на «упорство крестьянъ, которые выдерживали

[2]) Op. c., I, 334.

[1]) Op. c., I, 330.

цѣны». «Я вижу,— отвѣчалъ ему Сперанскій,—что вы еще не совсѣмъ вошли въ истинный смыслъ свободнаго хлѣбнаго торга. Винить крестьянъ, что они, имѣя хлѣбъ, не хотятъ его продавать несходными для нихъ цѣнами, есть то же, что винить купца, что онъ желаетъ сколь можно дороже продать свои товары. Тутъ нѣтъ упорства, а просто разсчетъ, въ коемъ каждый свободенъ. Вы посланы покупать хлѣбъ, а не собирать его нарядомъ». [1])

Тутъ нужно указать, что въ 1805 г. было разрѣшено отпустить 200.000 рублей на устройство хлѣбныхъ магазиновъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Иркутской губерніи, именно тѣхъ, въ которыхъ хлѣбъ не родится.

Министръ внутреннихъ дѣлъ въ своемъ докладѣ, основанномъ на донесеніи генералъ-губернатора Селифонтова, указалъ, что 1) еще въ 1768 г. для заведенія хлѣбныхъ магазиновъ въ Тобольской губерніи было отпущено 100.000 рублей,—часть изъ нихъ была выдѣлена еще на Пермскую губернію, а часть пошла на Томскую. На Иркутскую же губернію соотвѣтствующей суммы не было назначено вовсе, «не взирая на то, что въ оной только 4 хлѣбородныхъ уѣзда», которые за удовлетвореніемъ мѣстной потребности производили хлѣбъ для довольствія войскъ, для доставки на винокуренные заводы, на суконную фабрику, на всѣ сѣверные уѣзды, а также для Охотска и Камчатскаго края.

2) Иркутская губернія по своей отдаленности въ случаѣ неурожаевъ лишена возможности получать пособіе отъ смежныхъ губерній.

3) Губернія часто терпѣла отъ недостатка хлѣба: въ 1803 и 1804 годахъ населеніе Якутскаго тракта было совершенно лишено возможности купить хлѣбъ, поднявшійся до 2 руб. пудъ, такъ что генералъ-губернаторъ долженъ былъ направить туда до 3000 пудовъ, закупленныхъ на суммы приказа общественнаго призрѣнія.

Кромѣ того, для пониженія стоимости хлѣба въ Якутскѣ въ 1804 г. пришлось выдать въ распоряженіе городской думы деньги изъ приказа обществ. призрѣнія; на эти деньги, вмѣстѣ съ суммами, поступившими отъ частныхъ лицъ, и былъ купленъ думою хлѣбъ, для продажи его горожанамъ по цѣнѣ низшей по сравненію съ установленной скупщиками.

Для устраненія подобныхъ бѣдствій въ будущемъ генералъ-губернаторъ признавалъ нужнымъ устроить хлѣбные магазины въ такихъ мѣстахъ Иркутской губерніи, гдѣ хлѣбъ не родится, съ тѣмъ чтобы наполнить ихъ въ урожайные

[1]) То же, I, 331.

годы и расходовать только при неурожаѣ. Заготовка хлѣба и его расходованіе должны быть возложены на Иркутскаго губернатора.

Докладъ министра внутреннихъ дѣлъ былъ утвержденъ Государемъ, и было разрѣшено отпустить 200.000 рублей въ теченіи 5 лѣтъ. [1])

Въ дѣйствіяхъ администраціи по закупкѣ хлѣба царилъ полнѣйшій хаосъ, одно вѣдомство сталкивалось на рынкѣ съ другимъ. Въ 1804 г. въ Нерчинскомъ округѣ былъ сильный неурожай, и горное вѣдомство не могло пополнить запасные хлѣбные магазины. Но администрація не озаботилась указать мѣста, гдѣ должны покупать хлѣбъ комиссіонеры различныхъ учрежденій, поэтому комиссіонеры горные и воинскіе, «встрѣчаясь въ разныхъ мѣстахъ въ дѣйствіи своемъ, возвышали цѣны на хлѣбъ и другъ друга затрудняли». Цѣны на хлѣбъ возросли ужасно. За такое отношеніе къ своимъ обязанностямъ генералъ-губернаторъ получилъ выговоръ, а для пополненія заводскихъ магазиновъ пришлось опростать ближайшіе сельскіе запасные магазины. [2])

До 1801 года, пока населеніе Сибири возрастало медленно, ржаная мука въ Иркутскѣ продавалась обыкновенно по 2 коп. серебромъ пудъ, весною же когда вслѣдствіе порчи дорогъ останавливался подвозъ—по 3 коп. Съ 1801 въ Иркутскъ стали прибывать назначенные въ Забайкальскій край поселенцы, и въ окрестностяхъ города ихъ скопилось одно время до 10.000. Увеличеніе спроса со стороны новыхъ потребителей сильно подняло цѣну на хлѣбъ, такъ что въ 1801—1805 годахъ онъ продавался въ городѣ отъ 40 до 60 коп. серебромъ. Въ 1808 г. былъ урожай и большая часть поселенцевъ была уже отправлена за Байкалъ,—цѣна хлѣба упала тогда до 10 коп.; съ 1809 по 1819 она колебалась между 40 и 60 коп., въ 1821 г. поднялась до рубля серебромъ [3]).

Въ январѣ 1802 г. были закрыты винокуренные заводы: Александровскій, Николаевскій и Илгинскій, потому что цѣны на ржаной хлѣбъ поднялись до 1 р. 30 к пуд. и даже до 2 р. 30 к. [4]).

«Городъ найденъ былъ гнѣздилищемъ ссыльныхъ и каторжныхъ—сія сволочь производила не только по ночамъ, но даже среди дня воровства, грабежи и всякія злодѣйства и

[1]) Андріевичъ, ор. с., I, 39—40.
[2]) Андріевичъ, ор. с., I, 228.
[3]) Гагемейстеръ. Статистическое обозрѣніе Сибири, Ч. II, СПБ, 1854, 354—5.
[4]) Андріевичъ. Сибирь въ XIX столѣтіи. Ч. I, СПБ, 1889, 220.

никто, ниже самая полиція не знала ни имянъ, ни числа ихъ, но въ самое короткое время губернскій городъ былъ совершенно очищенъ отъ сихъ бродягъ. Полиціи, при всей слабости и необразованности ея, данъ новый духъ возможной дѣятельности; ни одна самомалѣйшая кража, ни одно злодѣйство не остается въ тоже время не преслѣдованнымъ и не открытымъ: однимъ словомъ, вмѣстѣ со вступленіемъ новаго начальства возстановлены въ городѣ совершенное спокойствіе, безопасность и порядокъ внѣшняго полицейскаго устройства. Сія-жъ самая сволочь разсѣяна была по всѣмъ мѣстамъ губерніи и жила съ необузданною буйственностью; но въ нѣсколько мѣсяцевъ они приведены были въ извѣстность, собраны и размѣщены по принадлежности.

Вмѣстѣ съ симъ данъ также новый духъ дѣятельности и земской полиціи—множество разбойническихъ партій по главнымъ дорогамъ или истреблены или разсѣяны: ихъ пристанища открыты и уничтожены и въ губерніи возстановлена повсемѣстная безопасность.

Вообще же, всѣ части губернскаго управленія приведены были въ лучшее и скорое движеніе, по всѣмъ судебнымъ мѣстамъ внутренніе безпорядки, какъ то: перѣшеніе множества дѣлъ и подобныя тому затрудненія приведены были въ возможную исправность: обузданы корыстолюбіе, своевольство и распутство чиновниковъ и приказныхъ служителей и тѣмъ уменьшены жалобы на проволочки и другія обиды имѣющимъ дѣла съ присутственными мѣстами.

Первое возмездіе за всѣ сіи труды и пользы начальнаго управленія того состояло въ доносѣ на меня высшему правительству отъ первѣйшихъ здѣшнихъ гражданъ.

Духъ ябеды и безначалія жителей Сибири, особливо же Иркутскихъ, давно уже извѣстенъ и правительству и цѣлой даже Россіи.—Стоитъ только бросить взглядъ на прошедшія времена, чтобы имѣть о томъ настоящее понятіе. Высшему правительству извѣстно, съ котораго времени обезпокоивается оно непрестанными доносами и ябедами, отнюдь и столько въ продолженіи весьма короткаго времени сдѣлало оно перемѣнъ въ начальствѣ здѣшнемъ, по однимъ только ябедамъ симъ; а съ тѣмъ вмѣстѣ сколько распространило и усилило вреда въ управленіи здѣшней губерніи и вообще Сибири.—Поощренные ненаказанностію, безпокойные здѣшніе граждане, простирая закоренѣлую дерзость и своевольство свое далѣе и далѣе и успѣвая, къ сожалѣнію, одерживать всегда верхъ надъ начальствомъ, перемѣнять и свергать оное,—основали было, къ несчастію, такое общество, которое, употребляя

всѣ усилія, чтобы располагать начальствомъ и имѣть уже оное въ зависимости своей, противятся дерзновенно всякому ограниченію вредныхъ общему благу предпріятій его и дѣйствуетъ доселѣ съ наглымъ своевольствомъ во всемъ, что составляетъ токмо личные интересы его, или лучше сказать главныхъ предводителей онаго.

Справедливость, безкорыстіе, неутомимая дѣятельность, предусмотрительность, строжайшее соблюденіе интересовъ казны, или лучше сказать, возможное пресѣченіе способовъ къ расхищенію оной показались противными главнымъ предводителямъ здѣшняго общества, воспитаннымъ и устарѣвшимъ въ необузданности, своеволіи и своекорыстіи гражданъ здѣшнихъ, также и мѣстныхъ чиновниковъ, кои по тѣмъ же видахъ и опасенію не менѣе недовольны нынѣшнимъ начальствомъ.

И такъ доносчики, избравъ въ повѣренные свои бывшаго предсѣдателя здѣшней гражданской палаты статскаго совѣтника Шишера, уволеннаго тогда въ С.—Петербургъ, послали извѣтъ на меня въ разныхъ якобы злоупотребленіяхъ моихъ и притѣсненіяхъ городу. Хотя самое содержаніе и стиль сего извѣта доказывалъ уже всю нелѣпость онаго, но какъ высшее правительство требовало отъ меня отвѣта; а при томъ и собственная честь моя заставляла меня просить удовлетворенія: то я принужденъ былъ, оставя важнѣйшія дѣла, заняться сочиненіемъ отвѣта, который представленъ былъ отъ меня къ г. Сибирскому генералъ-губернатору со всѣми принадлежащими къ оному приложеніями на 58 листахъ. Вельдствіе сего, по Высочайшему повелѣнію, главные предводители ябеднической партіи сосланы въ отдаленныя мѣста и тѣмъ укрощенъ общій духъ ябеды и безначалія.

По поселенію.

Разстроеннѣйшее состояніе и совершенный хаосъ, въ какомъ найдена сія часть— начальныя распоряженія къ водворенію и преодолѣніе всѣхъ затрудненій въ томъ —водвореніе въ теченіе 5 лѣтъ 9716 душъ въ Нерчинскомъ краѣ, по дорогѣ вокругъ Байкала и по Московской дорогѣ отъ границы Томской губерніи—введеніе полицейскаго и хозяйственнаго порядка въ новыхъ поселеніяхъ—прекращеніе побѣговъ—сбереженіе расходовъ казны не токмо противъ смѣтныхъ исчисленій на сіи поселенія, но противъ расходовъ прежнихъ лѣтъ, когда все несравненно было дешевле.

Часть сія по огромности здѣсь не помѣщена—она имѣется въ дѣлахъ и также представлена генералъ-губернатору отъ 10 и 24 августа 1812 г.

О внутреннемъ устройствѣ. Приведеніе присутственныхъ мѣстъ въ возможный порядокъ.

Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ дѣла шли очень медленно; «довольно сказать, что въ самомъ губернскомъ правительствѣ найдено бумагъ нерѣшеныхъ и даже разбросанныхъ около 1500, оставшихся не рѣшеными въ продолженіи 5,7 и даже 10 лѣтъ. Сіи дѣла нерѣшеныя, по упущенію бывшихъ до вступленія моего въ управленіе членовъ губернскаго правительства, приведены тотчасъ въ извѣстность, и несмотря на многочисленныя и важнѣйшія по разнымъ частямъ занятія губернскаго правительства, рѣшены въ теченіи одного 1807 года, такъ что ни изъ нихъ, ни изъ вновь вступившихъ въ томъ году бумагъ къ 1808 году не оставалось неразрѣшеныхъ, ни неисполненыхъ, кромѣ нѣкотораго числа неконченныхъ дѣлъ, коихъ рѣшеніе зависѣло отъ полученія требуемыхъ отъ подчиненныхъ мѣстъ и изъ другихъ губерній свѣдѣній. При таковомъ успѣшномъ теченіи дѣлъ по губернскому правительству, особенное обращено вниманіе на скорѣйшее производство оныхъ и по прочимъ присутственнымъ мѣстамъ — и принятыми строгими мѣрами по всѣмъ вообще мѣстамъ дѣла приведены въ такое движеніе и порядокъ, какого только желать должно».

Для наблюденія за скоростью въ производствѣ дѣлъ ежегодно дѣлаются внезапныя ревизіи. «Ревизію сію по губернскому правительству и прочимъ высшимъ присутственнымъ мѣстамъ предоставляю я собственно себѣ при совѣтникахъ губернскаго правительства, по прочимъ же здѣшнимъ и уѣзднымъ присутственнымъ мѣстамъ производится оная довѣренными отъ меня чиновниками, при каждомъ случаѣ командированія ихъ въ уѣздъ по разнымъ надобностямъ».

При множествѣ запущенныхъ и разбросанныхъ старыхъ дѣлъ по губернскому правительству, затрудняло оно особенно и себя и другія мѣста пустою перепискою. «Такъ, въ губерн. правленіе входили прошенія по тяжебнымъ и исковымъ дѣламъ, которыя должны были еще быть разсмотрѣны въ судебныхъ мѣстахъ, ихъ приходилось туда и отсылать съ потерей времени».

Донесенія полиціи о поимкѣ бѣглыхъ, сыскѣ награбленнаго и т. д. поступали въ губерн. правленіе ранѣе, чѣмъ въ мѣстныя начальства, правленію уже отъ себя приходилось дѣлать распоряженія о поимкѣ, «и весьма рѣдко съ успѣхомъ, каковой при самомъ побѣгѣ черезъ переписку съ мѣстными сосѣдними начальствами было бы можно ожидать».

Магистраты и ратуши представляли требованія о высылкѣ купцовъ или мѣщанъ, проживавшихъ безъ паспортовъ, въ губерн. правленіе, а не въ тѣ мѣста, гдѣ они жили. Магистратамъ было сдѣлано предписаніе обращаться въ правленіе только въ томъ случаѣ, если низшія мѣста «по троекратнымъ сношеніямъ не выполнятъ ихъ требованій».

«Подчиненныя мѣста, не получая отъ равныхъ имъ каковыхъ либо по дѣламъ свѣдѣній, нерѣдко жаловались правительству на неисполненіе ихъ требованій, не повторяя оныхъ и не разсчитывая времени для исполненія нужнаго».

Между тѣмъ, въ подобныхъ случаяхъ нужно повторять свои сообщенія до трехъ разъ, соблюдая узаконенные сроки, а потомъ уже жаловаться по начальству.

Конкурсы по дѣламъ о несостоятельныхъ должникахъ обращаются съ своими требованіями въ губерн. правленіе, а не въ тѣ мѣста, гдѣ должники находятся, съ прочими требованіями обращаются также не къ магистратамъ, а въ губерн. правленіе.

Въ губерн. правленіе поступали прошенія о сыскѣ потерянныхъ векселей.

«Частные комиссары, найдя нужнымъ сдѣлать какое либо новое распоряженіе по комиссарствамъ, весьма нерѣдко представляютъ оныя на разсмотрѣніе правительства, не входя предварительно съ оными въ земскій судъ». Комиссарамъ подтверждено, чтобы всякія свои распоряженія съ объясненіемъ причинъ они представляли въ земскіе суды, которые уже докладываютъ о нихъ правительству.

Палаты гражданская и уголовная и казенная экспедиція вмѣсто того, чтобы сообщать подчиненнымъ мѣстамъ о замѣченныхъ по дѣламъ недостаткахъ, пишутъ объ этомъ въ губериское правленіе.

«Хотя въ Иркутской губерніи совсѣмъ нѣтъ должныхъ имѣній и чиновниковъ высшихъ классовъ, за всѣмъ тѣмъ безпрестанно встрѣчаешь отъ гражданскихъ палатъ прочихъ губерній о учиненіи запрещенія или разрѣшенія на чье либо имѣніе и чиновниковъ, нерѣдко первыхъ трехъ классовъ».

«Сверхъ сего отмѣнено чрезвычайное множество вѣдомостей, которыя по заведенному прежде порядку доставляемы были въ губерское правительство и прочія присутственныя мѣста, также къ начальнику губерніи, и которыя, не служа ни къ какому соображенію, пріобщались только къ дѣламъ, умножали много оныхъ и затрудняли какъ тѣхъ, отъ коихъ составлялись, такъ и тѣхъ, къмъ они получались: имѣютъ въ виду отмѣнно присылать рапорти о всѣхъ

тельствѣ находится ихъ въ половину противъ того числа какое было при вступленіи моемъ въ управленіе губерніи»..

Данныя отчета о казенной типографіи въ Иркутскѣ крайне интересны потому, что ими устанавливается фактъ существованія въ Иркутскѣ типографіи въ 1785 году. До сихъ поръ считали, что первымъ печатнымъ станкомъ въ Сибири была типографія, открытая въ 1789 г. въ Тобольскѣ Тобольскимъ 1-й гильдіи купцомъ Васильемъ Корнилеевымъ. [1] Какъ теперь выясняется, это не такъ. Первой типографіей въ Сибири была казенная типографія въ Иркутскѣ. Есть на это указаніе и въ Иркутской лѣтописи Неженскаго подъ 1785 годомъ: «сего года привезены въ Иркутскъ типографскіе приборы со всѣми принадлежностями, на два станка: одинъ изъ нихъ стоилъ казнѣ 678 руб., второй 1005 р. 15 к., а оба 1683 р. 15 к. ассигн. Станки эти послужили основаніемъ типографіи, принадлежащей нынѣ Иркутскому губернскому правленію». [2]).

Устроеніе губернскихъ и уѣздныхъ архивовъ.

Состояніе сибирскихъ архивовъ представляется крайне жалкимъ даже въ настоящее время. поэтому легко себѣ представить, каково должно было быть положеніе архивнаго дѣла въ прежніе вѣка.

Правда. еще въ 18 вѣкѣ дѣлались попытки упорядочить архивное дѣло въ Сибири. Такъ, въ царской грамотѣ на имя Красноярскаго воеводы Осипа Тухачевскаго, отъ 20 апрѣля 1700 г., говорится: «вѣдомо намъ учинилось, что во многихъ сибирскихъ городахъ наши великаго государя грамоты и дѣла и столпы и книги прошлыхъ лѣтъ валяются подъ приказными избами и въ амбарахъ, и небреженіемъ отъ многихъ лѣтъ лежа, погнили, и мыши переѣли, и подраны». Воевода долженъ озаботиться, чтобы дѣла были приведены въ порядокъ. были составлены имъ описи и дѣла хранились бы въ сундукахъ. [2])

---

1) См. Печать въ Тобольскомъ намѣстничествѣ въ концѣ XVIII столѣтія. Историческія и библіографическія разысканія А. И. Дмитріева—Мамонова. Памятная книжка Тобольской губерніи на 1881 годъ. Тобольскъ, 1881, 258 сл. Отсюда это утвержденіе перешло въ статью «Начало печати въ Сибири» (Литературный Сборникъ, изданіе редакціи «Восточнаго Обозрѣнія», СПБ. 1885, 354) и въ книгу Ядринцева «Сибирь, какъ колонія», изд. 2, СПБ, 1892,664.

2) Иркутская лѣтопись (П. И. Неженскаго и В. А. Кротова). Съ предисловіемъ, добавленіями и примѣчаніями И. И. Серебренникова. Иркутскъ. 1911, 115.—О первомъ печатникѣ Мих. Петр. Петровѣ см. „Сибир. Архивъ“ за 1912 г., стр. 439 сл.

Затѣмъ, въ 1736 году было повелѣно строить въ провинціяхъ каменныя зданія какъ для архивовъ, такъ и для казначействъ. [3])

Но всѣ эти мѣропріятія мало улучшали положеніе дѣлъ. Любопытныя данныя объ этомъ сообщаетъ намъ и Трескинъ.

«Губернскій здѣшній архивъ засталъ я въ безпорядочнѣйшемъ положеніи: всѣ старыя дѣла слишкомъ за 135 лѣтъ сложены были кучами въ четырехъ лавкахъ каменнаго гостинаго двора и одномъ ветхомъ и тѣсномъ деревянномъ домѣ, который, находясь между обывательскими домами, всегда былъ въ опасности при всякомъ пожарномъ случаѣ; самыя дѣла были не подобраны и такъ перемѣшаны, что невозможно было въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ сдѣлать какую либо по онымъ справку; не было ни полокъ для нихъ, ни другихъ удобныхъ помѣщеній и даже описей дѣламъ ведено не было. Для сего архива пріискалъ мною весьма удобный къ помѣщенію дѣлъ каменный домъ за умѣренную плату; въ немъ произведены необходимыя исправленія, сдѣланы полки или шкафы,—и въ первый годъ устроенія сего архива, то есть 1807 года, сдано въ оный старыхъ дѣлъ съ самаго открытія намѣстничества болѣе 78.000 въ порядкѣ подобранныхъ, въ послѣдніе же 4 года, начиная съ 1808, и всѣ прочія дѣла, бывшія въ безпорядкѣ, подобравъ и всѣхъ дѣлъ въ губернскомъ архивѣ по 1812 годъ остается 118.186, въ томъ числѣ въ теченіи тѣхъ же лѣтъ положено на опись—12.047 дѣлъ...

Вмѣстѣ съ устроеніемъ губернскаго архива приведены въ возможный порядокъ всѣ архивы по уѣзднымъ городамъ. —Въ теченіи послѣднихъ 5 лѣтъ подобрано и приведено въ порядокъ дѣлъ по всѣмъ вообще уѣзднымъ архивамъ 42529 и въ томъ числѣ положено на опись 12.572 дѣла».

---

1) См. Н. С. Романовъ. „Сибирскіе Архивы" въ Трудахъ Иркутской ученой архивной комиссіи. Иркутскъ. 1913 Также—Карлъ Риттеръ. Землевѣдѣніе Азіи, томъ II., СПБ., 1859, стр. 305.

2) Памятники Сибирской исторіи 18 вѣка книга I. 1700—1713. СПБ., 1882, 77—8, также 98—100.

3) Андріевичъ. Историческій очеркъ Сибири, II; 74.

4) Ср. статью Аѣсова. Архивный вопросъ въ Сибири въ газетѣ „Сибирь", 1876. № 2. „Долго былъ извѣстенъ за очень хорошій Кузнецкій архивъ, и извѣстный оріенталистъ Радловъ, посѣтившій Кузнецкъ въ 1860 г., надѣялся найти въ немъ много интереснаго; но онъ узналъ, что и этотъ, послѣдній архивъ Западной Сибири сгорѣлъ незадолго передъ его прибытіемъ.

Искорененіе существовавшихъ по разнымъ частямъ управленія безпорядковъ и злоупотребленій.

1. Злоупотребленія по части провіантской.

«Продовольствіе войскъ, въ Иркутской губерніи расположенныхъ, до 1806 г. лежало единственно на попеченіи казны. Заготовленіе провіанта, поставка онаго въ магазейны, случайная перевозка изъ одного мѣста въ другое и вообще вся операція сія производилась комиссіею Тобольскаго провіантскаго депо и подвѣдомственными ей провіантскими комиссіонерствами.

Издавна вкоренившіяся по провіантской части злоупотребленія превзошли здѣсь всякую мѣру; отдаленность здѣшней губерніи и прежняя независимость провіантскихъ чиновниковъ отъ губернскаго начальства способствовали имъ въ томъ и покрывали всякое злоупотребленіе по сей интересной части. Однимъ словомъ, провіантскіе чиновники дѣлали все то, что токмо хотѣли; казна была явно расхищаема, и никто на часть сію не обращалъ никакого вниманія.

Нынѣшнее начальство положило сему безмѣрному злу конецъ. Но прежде того оно принуждено было, оставляя важнѣйшія дѣла, сражаться съ провіантскими комиссіонерами около двухъ лѣтъ безпрерывною и обширнѣйшею перепискою, получая отъ нихъ оскорбительнѣйшія и дерзкія бумаги на свои требованія». Наконецъ, «удаленъ отъ должности управлявшій нѣсколько лѣтъ здѣшнимъ провіантскимъ комиссіонерствомъ комиссіонеръ 7 го класса Денисьевскій, который, бывъ подкрѣпляемъ отъ своего начальства, представлялъ здѣсь самостоятельное и ни отъ кого независимое лицо и составилъ себѣ на счетъ казны чрезвычайныя богатства. Вмѣстѣ съ симъ, по предписанію г. Сибирскаго генералъ-губернатора, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, учреждена была мною въ іюлѣ мѣсяцѣ 1808 года слѣдственная комиссія для формальнаго открытія всѣхъ злоупотребленій по провіантской части въ Иркутской губерніи и для разсчета о всѣхъ убыткахъ, нанесенныхъ казнѣ таковыми злоупотребленіями». Этой комиссіи были даны особыя инструкціи для сокращенія дѣлопроизводства, такъ какъ «разбирательство в обыкновенныхъ провіантскихъ дѣлъ само собой затруднительно потому, что они состояли изъ однихъ счетовъ, а здѣшнія дѣла съ намѣренія были запутаны для сокрытія злоупотребленій. Комиссія оная подъ личнымъ наблюденіемъ моимъ обязана была разсмотрѣть всѣ оныя дѣла, въ великомъ множествѣ большихъ безпорядочныхъ книгъ заключавшіеся. по-

вѣрить всѣ запутанные разсчеты провіантскіе, обнаружить формальнo и доказать злоупотребленія, въ нихъ крывшіяся. И однимъ словомъ, кончить все сіе дѣло въ семь мѣсяцевъ.— Убытки, нанесенные казнѣ злоупотребленіями здѣшнихъ комиссіонеровъ и доказанные слѣдствіемъ, простираются до 146.379 рублей.

Открытіе сихъ злоупотребленій послужило весьма много къ скорѣйшему обнаруженію подобныхъ дѣлъ по комиссіи Тобольскаго провіантскаго депо, гдѣ, по распоряженію г. Сибирскаго генералъ-губернатора, учреждена особая вонская комиссія, для рѣшительнаго окончанія всѣхъ дѣлъ о злоупотребленіяхъ по провіантской части въ Сибири. Почему всѣ прежнія дѣла сего рода и главный виновникъ злоупотребленій, по онымъ открытыхъ, вышеозначенный комиссіонеръ Денисьевскій отосланы въ помянутую Тобольскую комиссію: а между тѣмъ все имѣніе его описано.

Послѣ чего, хотя заготовленіе провіанта для войскъ, въ здѣшней губерніи расположенныхъ, отдано было на подрядъ, но начальство здѣшнее не токмо не облегчено симъ способомъ, а напротивъ того, неисправностію подрядниковъ и междуусобными раздорами ихъ поставлено въ большее затрудненіе по сей части.»

Съ 1807 г. поставку провіанта взялъ на свою отвѣтственность самъ Трескинъ.

Злоупотребленія по питейному откупу.

«Бывшій здѣсь чрезвычайный посолъ въ Китаѣ графъ Головкинъ вошелъ въ сіе дѣло въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1806 года, когда въ одномъ питейномъ домѣ найдено было вино съ примѣсью купороса и мыла. Рѣдкій изъ чиновниковъ по всей здѣшней губерніи остался неприкосновеннымъ къ сему дѣлу: а потому нельзя было ни на кого почти положиться въ ономъ». Управлявшій питейными сборами бывшій коммерціи совѣтникъ Передовщиковъ не только оправдался, но «объявилъ претензію свою на предшественника моего, дѣйств. статскаго совѣтника Корнилова, который обвиняемъ былъ по сему дѣлу и высшимъ правительствомъ».

Но при Трескинѣ найдены были книги повѣренныхъ Передовщикова и разныя письма и документы ихъ, дѣло получило другой ходъ: по приговору палаты уголовнаго суда, утвержденному Высоч. указомъ правит. сен. 18 октября 1816 г., взыскивается съ Передовщикова и участниковъ его въ казну беззаконно пріобрѣтенныхъ ими въ корысть себѣ, раздаченныхъ разнымъ чиновникамъ во взятки и

пр. 468 377 р. 73½ к., кромѣ считавшейся на немъ казенной экспедиціи недоимки по откупу 148.212 р. 44 коп.

Самъ же Передовщиковъ съ участниками своими получили достойное по дѣламъ своимъ наказаніе».

На дѣлѣ Передовщикова нужно остановиться, такъ какъ оно сильно прогремѣло въ свое время. По словамъ Вагина, Передовщиковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ авантюристовъ, которыми такъ богата была Сибирь въ прежнее время. Въ молодости онъ за что то былъ сосланъ въ Туруханскій край (въ 1788 г.). Бойкій и смѣтливый, онъ выписался сначала въ крестьяне, а потомъ въ купцы по Туруханску. Именнымъ указомъ 7 февраля 1798 г. онъ былъ оставленъ въ этомъ званіи. Впослѣдствіи Передовщиковъ разбогатѣлъ, вошелъ въ откупа, сдѣлался коммерціи совѣтникомъ, пріобрѣлъ огромныя связи. При торгахъ на четырехлѣтіе съ 1807 г. онъ взялъ на откупъ поль-Россіи и всю Сибирь. Оффиціальныхъ свѣдѣній о послѣдствіяхъ торговъ въ Иркутскѣ долго не было получено, хотя частнымъ образомъ и доходили свѣдѣнія, что откупъ остался за Передовщиковымъ. Трескинъ воспользовался этимъ; онъ принялъ откупъ въ казну и сдалъ его съ торговъ уѣзднымъ откупщикамъ. Когда же жена Передовщикова, пріѣхавъ въ Иркутскъ, стала формально протестовать противъ распоряженій губернатора, то Иркутскія власти рѣшили возбудить противъ неугоднаго имъ откупщика преслѣдованіе. Въ откупныхъ книгахъ открыли злоупотребленія, всегда существовавшія въ откупномъ дѣлѣ. Передовщикова вытребовали изъ Петербурга, привезли подъ строжайшимъ арестомъ сначала въ Тобольскъ, гдѣ его выдержали три мѣсяца, а потомъ въ Иркутскъ. Здѣсь его предали суду. Кромѣ того, на него были сдѣланы огромные денежные начеты. Предсѣдатель уголовной палаты Горновскій и прокуроръ Петровъ протестовали противъ неправильнаго начатія дѣла о Передовщиковѣ по неизвѣстно откуда взявшимся книгамъ. Вслѣдствіе этого, Горновскій былъ уволенъ отъ службы, а Петровъ былъ переведенъ въ Тобольскъ въ 1808 г. На мѣсто ихъ назначены двѣ ничтожныя и покорныя Трескину личности — совѣтникъ Корюховъ и губернскій стряпчій Шлаковъ. Судъ надъ Передовщиковымъ сопровождался величайшими притѣсненіями, и онъ былъ осужденъ въ каторжныя работы. [1])

3. Злоупотребленія и безпорядки по Охотскому порту.

Съ самаго поступленія начальникомъ Охотскаго порта флота капитана Бухарина начальство здѣшнее безпрестанно

[1]) Вагинъ, ор. с. I, 22.

получало отъ жителей Охотскихъ, тамошнихъ чиновниковъ и торгующихъ жалобы на сего начальника въ притѣсненіяхъ, жестокостяхъ, вымогательствахъ и насиліи его...

Всѣ сіи жалобы имѣли обыкновенный свой ходъ, т. е. отъ него же Бухарина требовались по оным объясненія, вмѣсто которыхъ онъ обращалъ болѣе злобу свою на тѣхъ, кто жаловался.

Такимъ образомъ, г. Бухаринъ, пользуясь отдаленностію Охотскаго порта и жестокостію, закрывающею отъ главнаго мѣстнаго начальства всѣ законопротивные поступки, производилъ тамъ необыкновенные безпорядки и злоупотребленія во вредъ казны, не давая, между тѣмъ, никакихъ требуемыхъ отъ него разными казенными мѣстами и предписаніями главнаго губернскаго начальства свѣдѣній о принятыхъ имъ въ вѣдѣніе свое казенныхъ деньгахъ и вещахъ на многія тысячи рублей... Я собралъ изъ разныхъ мѣстъ свѣдѣнія о всѣхъ дѣяніяхъ сего чиновника и нашелъ, что поступки его превосходятъ всякую мѣру злоупотребленій, тиранства и насилія. Онъ, приведя въ совершенное порабощеніе себѣ всѣхъ подчиненныхъ своихъ и всѣхъ жителей ввѣреннаго ему края, дѣйствовалъ безстрашно во всемъ для своей прибыли на счетъ казны и народа.

Притѣсняя разными способами торгующихъ, онъ стѣснялъ тамъ совершенно торговлю, останавливалъ для вымогательствъ продажу товаровъ и наложилъ на купцовъ, собственно для себя, подать съ отправляемыхъ отсюда въ Камчатку купеческихъ тягостей — и именно, сверхъ платимыхъ въ казну по 60 коп. съ каждаго пуда, бралъ себѣ по 5 руб. Наконецъ, для сокрытія всѣхъ своихъ неистовствъ простеръ дерзость свою до того, что не отвѣчалъ ни на какія предписанія начальства. Почту отправлялъ отъ себя не болѣе двухъ или трехъ разъ въ году, то есть, когда имѣлъ партикулярныя письма и всѣ прочія бумаги, подаваемыя на почту, которыя полагалъ онъ писанными на счетъ его, распечатывалъ и въ такомъ случаѣ употреблялъ новыя жестокости надъ тѣми, отъ кого посланы такія бумаги; проходившіе изъ Камчатки почты и эстафеты, по опасенію и оттуда жалобъ, останавливалъ и также распечатывалъ и нѣкоторыя донесенія на Высочайшее имя отбиралъ съ почты къ себѣ; вообще же весь ввѣренный ему край во все время начальствованія его находился въ полномъ его порабощеніи.

Когда всѣ таковыя свойства сего чиновника доказываемы были всѣми здѣшними дѣлами, тогда положилъ я принять надъ нимъ рѣшительныя мѣры и съ разрѣшенія высшаго на-

чальства въ маѣ мѣсяцѣ 1808 года командировалъ въ Охотскъ на смѣну г. Бухарина особеннаго флотскаго чиновника, предписавъ ему нужныя предосторожности, какія при смѣнѣ начальника онаго, готоваго пуститься на всякую дерзость, нужны были. Осторожности сіи относились болѣе къ тому, чтобы г. Бухаринъ не могъ лишить свободы посланнаго на смѣну ему чиновника и отнять у него способы къ открытію всѣхъ его безпорядковъ и злоупотребленій. Посредствомъ сихъ токмо предосторожностей смѣненъ Бухаринъ отъ должности начальника Охотскаго порта; отобраны отъ него изъ квартиры всѣ письменныя дѣла, документы, книги о казенныхъ деньгахъ, ему отпущенныхъ, и прочемъ имуществѣ—и все сіе найдено было въ совершенномъ безпорядкѣ и запутанности». Назначенная Трескинымъ въ Охотскѣ слѣдственная комиссія, «при оказываемыхъ со стороны Бухарина упорствахъ», выполнила свое порученіе. Палата уголовнаго суда, «при всѣхъ новыхъ упорствахъ и дерзостяхъ Бухарина, кончила совершенно и рѣшила дѣло его въ январѣ мѣсяцѣ сего года и положила ко взысканію съ него въ казну и въ удовлетвореніе партикулярныхъ исковъ до 142.695 рублей, въ обезпеченіе коихъ осеквестровано имѣнія его на 106.760 рублей. Самъ Бухаринъ и всѣ дѣла объ немъ препровождены въ генералъ-аудиторіатъ чрезъ Сибирскаго генералъ-губернатора. «Впрочемъ, все сіе стоило величайшихъ трудовъ и чрезвычайной переписки, которая по одной моей канцеляріи состоитъ въ нѣсколькихъ большихъ томахъ».

На мѣсто Бухарина опредѣленъ, по особому выбору высшаго начальства, флота капитанъ 2-го ранга Миницкій.

По выводѣ войскъ изъ Восточной Россіи и изъ Сибири передъ войной 1807 г., сопровожденіе арестантовъ по Казанской, Вятской и Пермской губерніямъ, а также по Сибири было возложено на башкировъ и мещеряковъ, откомандированныхъ изъ Оренбургской губерніи. Администрація края была ими очень довольна: по крайней мѣрѣ, когда въ мартѣ 1807 г. Оренбургскій военный губернаторъ потребовалъ ихъ назадъ, основываясь на Высочайшемъ повелѣніи, то Сибирскій генералъ-губернаторъ донесъ, что «отлученіемъ сихъ командъ Сибирскій край подвергается по прежнему злодѣйствамъ ссылочныхъ преступниковъ, коихъ содержать въ обузданности земское начальство никакъ не можетъ». Государь уважилъ эту просьбу и приказалъ оставить башкировъ и мещеряковъ «до того времени, пока губериское начальство не изыщетъ внутреннихъ способовъ къ охраненію тишины въ семъ обширномъ краѣ».

Андріевичъ, сообщающій намъ эти факты, дѣлаетъ отсюда выводъ, что «конвой этотъ, надо полагать, выполнялъ свою обязанность хорошо»... [1])

Послушаемъ, однако, что намъ скажетъ о башкирахъ и мещеряхъ Вагинъ. По его словамъ, отправленіе ими этой службы сопровождалось величайшими злоупотребленіями. Буйство, развратъ и безчеловѣчіе составляли отличительныя черты этой полудикой стражи; пьянство, побѣги, воровство, заразительныя болѣзни большею частью происходили отъ этого конвоя. Почти не было преступленій ссыльныхъ, въ которыхъ не участвовали бы башкиры и мещеряки. Въ способѣ отправленія ими службы было нѣчто варварское. Содержаніе же ихъ обходилось казнѣ до полумилліона рублей въ годъ. Только уставъ о ссыльныхъ 1822 г., возложивши конвоированіе арестантовъ на вновь учрежденныя этапныя команды, положилъ конецъ службѣ башкировъ и мещеряковъ. [2])

Изъ Трескинскаго отчета видно, что башкиры употреблялись не только для пересылки арестантовъ, но и для полицейской службы.

На основаніи сообщенія Вагина можно, однако, себѣ представить, какіе могли выйти изъ нихъ охранители общественнаго спокойствія. Вотъ что пишетъ о нихъ Трескинъ.

Возстановленіе и охраненіе внутренняго спокойствія и безопасности.

1. Учрежденіе пикетовъ для поимки бѣглыхъ и прекращенія грабежей.

По всѣмъ мѣстамъ и трактовымъ дорогамъ для поимки бѣглыхъ и разбойниковъ учреждены пикеты въ извѣстномъ одинъ отъ другого разстояніи и, смотря по сему разстоянію и опасности, выставлено на каждомъ изъ нихъ отъ 4 до 6 челов. башкирскихъ казаковъ. Изъ 4 или 6 человѣкъ на каждомъ пикетѣ двое вмѣстѣ должны быть въ безпрестанныхъ разъѣздахъ, а другіе двое оставаться на пикетѣ. Разъѣзды по всѣмъ пикетамъ въ обѣ стороны непрерывны, а наипаче въ ночное время.

Изъ остающихся на пикетѣ двухъ человѣкъ одинъ долженъ стоять на карауль неусыпно, дабы тотчасъ быть готову подать помогу, или по зову товарищей своихъ, въ разъѣздѣ находящихся, или по какому либо признаку грабежа, вблизи пикета производимаго.

---

[1]) Сибирь въ XIX столѣтіи, II, 44.
[2]) Вагинъ, I, 281.

Для строжайшаго наблюденія за неусыпностію пикетовъ наряжаются одинъ или нѣсколько изъ башкирскихъ нижнихъ начальниковъ. Они должны въ разныя времена нечаянно, а болѣе ночью объѣзжать всѣ пикеты и смотрѣть какъ за исправностію разъѣздовъ, такъ и карауловъ на пикетахъ, наказывая на мѣстѣ неспрашныхъ строго.

Въ случаяхъ опасныхъ, проѣзжающіе бываютъ препровождаемы отъ пикета до пикета.

Пойманныхъ грабителей или явно подозрительныхъ людей, бродящихъ по дорогѣ въ ночное время, велѣно тотчасъ препровожать отъ пикета до пикета за крѣпкимъ карауломъ къ частному комиссару, подъ опасеніемъ строгаго наказанія въ случаѣ побѣга такового пойманнаго отъ препровождающихъ.

Караульные на пикетахъ строжайше должны наблюдать за проѣзжающими: ежели ѣдущаго въ простомъ крестьянскомъ платьѣ верхомъ въ позднее время, а наипаче ночью, также ѣдущаго одного, или нѣсколько человѣкъ въ простой телѣгѣ, не похожихъ на обыкновенныхъ проѣзжающихъ дорожныхъ людей, или ямщиковъ, тотчасъ останавливать и отъ пикета до пикета препровождать за крѣпкимъ карауломъ въ ближайшее селеніе, гдѣ для узнанія объ нихъ отдавать ихъ сельскимъ старшинамъ и, въ удостовѣреніе такого представленія, препровождающіе должны брать отъ сихъ старшинъ письменное свидѣтельство, которое представляютъ они своему башкирскому начальнику.

Съ каждаго пикета башкирскій начальникъ долженъ получать вѣдѣніе, сколько, въ какое время остановлено такихъ подозрительныхъ людей и въ какое селеніе представлены они; составляя изъ сихъ частныхъ вѣдѣній вѣдомость по формѣ, онъ долженъ доставлять оную къ частному комиссару чрезъ каждыя двѣ недѣли.

Въ случаѣ надобности, для пособія въ препровожденіи за крѣпкимъ карауломъ пойманныхъ грабителей, или подозрительныхъ бродягъ, пикеты могутъ требовать людей изъ ближайшихъ селеній.

На сихъ же самыхъ правилахъ содержутся пикеты въ извѣстныхъ мѣстахъ между линовѣрскими стойбищами, особенно же у Забайкальскихъ братскихъ».

2. *Учрежденіе ночныхъ карауловъ по селеніямъ.*

Съ тою же самою цѣлію, для которой учреждены пикеты, въ самыхъ селеніяхъ въ лѣтнее время содержутся ночные караулы на слѣдующихъ правилахъ: 1) въ каждомъ селеніи составляется очередной списокъ поселянамъ для содер-

жанія въ ночи карауловъ. Списокъ сей за подписаніемъ частнаго комиссара прибить на стѣнѣ въ сборной избѣ каждаго селенія.

2) По сему списку, съ наступленіемъ весны, очередные крестьяне, собираясь ввечеру въ сборную избу, посылаются старшинами по 2 человѣка къ каждому десятку.

3) Старшина селенія, при посылкѣ въ ночные караулы людей, подтверждаетъ каждому, чтобы до самаго разсвѣта никто изъ нихъ не осмѣливался спать, но безпрестанно обходя домы десятка своего, подавали другъ другу извѣстные сигналы, т. е. перекликались бы.

4) Въ случаѣ, если кто изъ караульныхъ закричитъ караулъ: то какъ прочіе караульные, такъ и всѣ обыватели сбѣгаются къ нему на помощь, за исполненіемъ чего наблюдаютъ десятскіе и о всякой неисправности на другой день даютъ знать старшинѣ, который виновныхъ наказываетъ при собраніи всѣхъ крестьянъ.

5) Ежели въ продолженіи ночи украдено или ограблено будетъ что у кого либо изъ обывателей: то караулъ отвѣтствуетъ за сіе своею собственностью.

6) Какъ во всякомъ селеніи у каждыхъ домовъ должны быть десятскіе, то сіи въ каждое утро обходятъ свои десятки, удостовѣряясь, всѣ ли хозяева ночевали дома, не было ли у нихъ кого изъ посторонннихъ и, ежели окажется кто изъ подозрительныхъ: то десятскій объявляетъ о семъ старшинѣ, который дѣлаетъ розыскъ и, смотря по важности дѣла, доноситъ комиссару.

7) Каждый хозяинъ дома о приходѣ къ нему кого либо изъ постороннихъ для ночлега долженъ объявлять о семъ тотчасъ своему десятнику и, за неисполненіемъ сего, наказывается лозами при мірской сходкѣ.

8) Каждый обыватель обязанъ наблюдать за поступками сосѣда своего и, въ случаѣ какого либо подозрѣнія, отлучки или принятія извѣстныхъ людей, объявлять старшинѣ. Въ противномъ случаѣ, наказывается самъ, какъ соучастникъ.

9) Вообще, жители каждаго селенія поставлены въ обязанность, буде усмотрятъ гдѣ скрывающихся воровъ, или разбойниковъ, тотчасъ распоряжаться въ поимкѣ ихъ, и тогда же объявлять ближнему начальству, опасаясь, въ противномъ случаѣ, строгаго оштрафованія.

Порядокъ сей тѣмъ съ большою строгостію и точностію исполняется въ селеніяхъ поселенцевъ, водворенныхъ въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ и за Байкаломъ.»

Мы не знаемъ, удалось ли Трескину провести въ жизнь свои полицейскія фантазіи; нужно думать, что его «правила» остались лишь на бумагѣ,—раздѣливъ, такимъ образомъ, обычную участь продуктовъ бюрократическаго творчества, — слишкомъ рѣзко ужъ эти «правила» расходились съ условіями деревенской жизни. Но во всякомъ случаѣ, правила эти останутся любопытнымъ памятникомъ полетовъ административной фантазіи нашихъ помпадуровъ.

Затѣмъ, Трескинъ разсказываетъ намъ о «реформахъ», произведенныхъ имъ въ управленіи заводами. Большая часть имѣвшихся въ то время въ Сибири предпріятій принадлежала казнѣ, и управленіе заводами находилось въ рукахъ администраціи. Приведемъ поэтому нѣкоторыя данныя о дѣйствовавшихъ въ то время въ Иркутской губерніи заводахъ и фабрикахъ.

Тельминская суконная фабрика была расположена въ 67 в. отъ Иркутска, при впаденіи рч. Тельмы въ Ангару. Основанная въ 1731 купцомъ Бобровскимъ, она была продана затѣмъ купцу Серебрякову, въ 1793 г. она была куплена комиссаріатскимъ вѣдомствомъ. И была передана въ управленіе комиссіонеру Новицкому. При ней уже состояло тогда 87 д. приписныхъ крестьянъ, въ 1797 г. фабрика поступила въ вѣдѣніе государственной мануфактуръ-коллегіи; для работъ на ней велѣно было выбрать способныхъ людей изъ ссыльныхъ обоего пола; и ссыльныхъ на этомъ основаніи поступило на фабрику 1182 мужчинъ и 493 женщинъ. Кромѣ того, къ ней была приписана Биликтуйская слобода (375 д. м. и 338 ж.). На основаніи указа 26 сентября 1800 г., на фабрику вновь поступило до 900 чел. ссыльныхъ. 21 декабря 1804 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ обращеніи фабрики снова въ комиссаріатское вѣдомство. По Высочайше утвержденному 8 декабря 1810 г. мнѣнію государственнаго совѣта, она опять поступила въ гражданское вѣдомство и подчинена главному начальству Сибирскаго генералъ-губернатора; къ ней прибавлено еще 444 рабочихъ.

Фабрика существовала собственно для снабженія сукнами войскъ Сибирскаго корпуса. Впрочемъ, на ней, кромѣ суконнаго, дѣлались опыты и другихъ производствъ, напр. стекляннаго.[1])

---

1) Вагинъ, op. c., 1, 459-460.

На Иркутскую суконную фабрику ссылались въ наказаніе рабочіе, которыхъ администрація считала возмутителями во время столь частыхъ въ то время волненій на посессіонныхъ фабрикахъ. Такъ, на посессіонной фабрикѣ Осокина въ Казани столкновенія рабочихъ съ хозяевами были хроническимъ явленіемъ еще въ XVIII вѣкѣ, особенное же

По словамъ Максимова, на Тельминской фабрикѣ «присмотръ за рабочими, раздача жалованья, домашній бытъ мастеровъ находились въ ужасномъ безпорядкѣ до ревизіи фабрики сенаторомъ Сенфонтовымъ». [1])

Кромѣ того, въ Иркутской губерніи былъ еще цѣлый рядъ винокуренныхъ заводовъ: Михайловскій за Байкаломъ, Николаевскій, Ильинскій и Александровскій. Производство и на нихъ велось при помощи труда ссыльныхъ и каторжныхъ. О положеніи рабочихъ на этихъ заводахъ даетъ нашъ кой-какое понятіе Максимовъ: по его словамъ, «ссыльные отъ контрагентовъ нанчаще пускались въ бѣга: довѣрители не давали имъ порядочной одежды, въ самые сильные морозы водили почти босыми. Получая по 6 руб. асс. въ мѣсяцъ, ссыльные платили по 4 руб. за харчи и за квартиру, одежда выдавалась изъ конторы подъ самое жалованье... Заводское начальство лучшею мѣрою къ прекращенію побѣговъ полагало улучшеніе пищи и одежды». [2])

Съ давнихъ поръ открыли свое дѣйствіе въ Иркутской губерніи и соледаренные заводы: Селенгинскій, перешедшій въ казну вновь съ 1803 г., Усть-Кутскій и Усольскій, поступившій въ казенныя руки въ 1765 г. Объ условіяхъ труда на этихъ заводахъ можно судить по словамъ Максимова: «соледаренные заводы можно полагать каторгою первой степени». [3])

Всѣ эти заводы, какъ видимъ, обслуживались принудительнымъ трудомъ ссыльно-каторжныхъ. Въ литературѣ до нихъ поръ не было данныхъ, характеризующихъ положеніе рабочихъ на этихъ предпріятіяхъ, и поэтому крайне цѣнными являются для насъ соотвѣтствующія мѣста изъ отчета Трескина. Недовольный «совершенно недостаточнымъ и слабымъ», по его мнѣнію, надзоромъ за рабочими, Трескинъ, переводитъ рабочихъ на военное положеніе, такъ сказать, милитаризуетъ ихъ; по заводамъ расквартировываются военныя команды, устанавливается сложная іерархія надзирателей, проводится

развитіе безпорядки получили въ началѣ XIX вѣка. 4 октября 1850 г. сенатъ предписалъ Казанскому губернатору немедленно обнаружить возмутителей рабочихъ, внушающихъ имъ «ложныя мечтанія о свободѣ», и отправить ихъ навсегда на Иркутскую суконную фабрику. Губернаторъ немедленно отправилъ туда 8 человѣкъ. М. Туганъ Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ, т. I. С.П.Б., 1907, 150-151.

1) Сибирь и каторга, ч. III, С.П.Б., 1871, 381.

2) Iв., III, 375.

3) Iв., III, 372.

въ жизнь цѣлая система шпіонажа и наушничества. [3]) Не предоставимъ слово самому Трескину.

Расположеніе воинскихъ командъ по казеннымъ заводамъ и учрежденіе на нихъ полицейскаго порядка.

«При вступленіи моемъ въ управленіе губерніею надзоръ за рабочими по казеннымъ заводамъ нашелъ я совершенно недостаточнымъ, слабымъ и безпорядочнымъ; да и нельзя было ожидать никакого порядка при столь недостаточныхъ способахъ въ надзорѣ за рабочими, какъ напримѣръ, въ заводахъ для надзора за рабочими положено было по 20 и не болѣе 30 казаковъ; между тѣмъ, какъ въ каждомъ заводѣ рабочихъ находится отъ 250 до 450 человѣкъ.—Сверхъ того, что казаки должны были ходить за рабочими въ дровосѣки и содержать всѣ караулы по заводамъ; на нихъ также обязанность лежитъ наблюденіе внѣшняго и внутренняго порядка въ заводахъ, содержаніе постовъ при разныхъ казенныхъ строеніяхъ, какъ то: магазейныхъ, денежныхъ и матеріальныхъ кладовыхъ и пр... Установленіе лучшаго порядка по заводамъ—съ утвержденія г. генералъ-губернатора—произведено мною расположеніемъ по казеннымъ винокуреннымъ и соляннымъ заводамъ и въ Тельминской фабрикѣ воинскихъ командъ, квартировавшихъ до того въ селеніяхъ безъ всякой пользы для службы и къ совершенному отягощенію поселянъ. Въ каждомъ заводѣ или фабрикѣ расположено отъ полуроты до полугорыхъ ротъ воинскихъ служителей здѣшняго гарнизоннаго полка, которые содержатъ всѣ караулы по заводамъ и употребляются въ ночные обходы, и въ надзорѣ за рабочими учрежденъ слѣдующій порядокъ:

1-е. Всѣ положенные по штату рабочіе раздѣлены на десятки.

2 е. Въ каждомъ десяткѣ рабочихъ долженъ быть старшина или десятскій изъ среды ихъ, по выбору правителя завода — и разумѣется, что десятскій сей долженъ быть лучшаго поведенія.

Должность десятскаго состоитъ въ слѣдующемъ:

Смотрѣть за поведеніемъ каждаго человѣка изъ десятка своего во время, когда люди свободны отъ работы; онъ долженъ знать, чѣмъ именно каждый занимается и гдѣ находится; ни одинъ изъ нихъ не смѣетъ безъ дозволенія его отлучиться

3) Драконовскій режимъ, установленный для рабочихъ Трескинымъ, не былъ въ Сибири исключеніемъ. Объ Екатерининскомъ винокуренномъ заводѣ (нынѣ Тара, Тобольской губерніи) Максимовъ пишетъ «противъ лѣнивыхъ, непослушныхъ или нагльца смотритель признавалъ солдатъ и розгами розыскивалъ и возстановлялъ правду. Однако бить по щекамъ таскать каторжнаго за волосы могъ всякій безнаказанно». Ib., III, 377.

изъ дому своего. Десятскій долженъ знать совершенно все семейство каждаго изъ нихъ, его домъ, хозяйство и имущество, какъ собственное его, такъ всѣхъ его родныхъ особенно отъ него живущихъ и всѣ знакомства или связи его; во всякое время имѣетъ право войти въ домъ его, осмотрѣть и освидѣтельствовать все; къ назначенному времени ежедневно десятскій представляетъ своихъ дѣтей на перекличку вечернюю, послѣ которой распускаетъ ихъ по домамъ; обходитъ потомъ въ свое время оные, освѣдомляется, всякъ ли находится дома и рапортуетъ о томъ надзирателю своему. Равнымъ образомъ, къ назначенному времени собираетъ онъ ихъ и представляетъ на перекличку утреннюю; во время работъ десятскій надзираетъ неотступно надъ своими людьми, лѣнивыхъ къ работѣ понуждаетъ и наказываетъ на мѣстѣ. Если же наказанія его не будутъ дѣйствительны, тогда доноситъ онъ надзирателю своему. Десятскій, имѣя такимъ образомъ въ совершенной зависимости и подчиненности ввѣренныхъ ему людей, имѣетъ полное право за лѣность, озорничество, непослушанія и тому подобные мелкіе пороки наказывать на мѣстѣ строго; о важнѣйшихъ же преступленіяхъ, какъ то: пьянствѣ, воровствѣ, намѣреніяхъ къ побѣгу и тому подобному доноситъ надзирателю своему. Десятскій совершенно отвѣтствуетъ за побѣгъ каждаго изъ людей своихъ; а наипаче въ рабочее время, когда они бываютъ въ глазахъ его, и въ каждомъ таковомъ случаѣ наказывается правителемъ—никакія оправданія не пріемлются уже отъ него; о всякомъ происшествіи десятскій доноситъ немедленно надзирателю своему, за противное же сему наказывается имъ строго.

3-е. Въ числѣ казаковъ, въ заводѣ находящихся, нѣсколько человѣкъ назначены частными надзирателями надъ оными десятскими, которые раздѣлены между ими по равному числу. Должность частнаго надзирателя состоитъ въ слѣдующемъ. Онъ долженъ знать каждаго изъ рабочихъ своихъ, точно такъ, какъ и десятскій и отвѣтствуетъ уже совершенно за поведеніе каждаго, за устройство десятковъ своихъ и за исправность десятскихъ; отвѣтствуетъ строго за всѣ безпорядки десятковъ, за побѣги, воровства и всякія шалости; а потому всѣхъ ввѣренныхъ ему рабочихъ съ своими десятками имѣетъ онъ въ полной зависимости и волѣ и долженъ непрекѣнно наказывать ихъ строжайшимъ образомъ за всѣ непорядки.

О всѣхъ же вообще происшествіяхъ по своей командѣ доноситъ немедленно пятидесятнику. Надзиратель ежедневно по утру до работъ и ввечеру по окончаніи оныхъ собираетъ свои десятки, дѣлаетъ имъ перекличку, распускаетъ ихъ по

своимъ мѣстамъ и тотчасъ рапортуетъ пятидесятнику о состояніи команды своей. Во время работъ внутри завода надзиратель почасту долженъ осматривать десятки свои и наблюдать за работами ихъ. При работахъ же, внѣ завода производимыхъ, напримѣръ: въ дровосѣкахъ и тому подобномъ, надзиратель долженъ быть съ десятками своими неотлучно и отвѣтствуетъ тѣмъ болѣе за нихъ, а паче за побѣги.

4-е. Дабы сколько можно умножить надзоръ за рабочими въ дровосѣкахъ, отнуда обыкновенно бываютъ бѣглые: то къ надзирателямъ, слѣдующимъ съ десятками своими въ дровосѣки, кои должны быть непремѣнно конные, прикомандировываются еще отъ 3 до 5 человѣкъ таковыхъ же надзирателей пѣшихъ отъ прочихъ десятковъ и десятки сіи раздѣляются уже на то время другимъ надзирателямъ, въ заводѣ остающимся. Изъ сихъ прикомандированныхъ надзирателей одинъ долженъ быть по выбору правителя старшимъ надзирателемъ въ дровосѣкѣ. Онъ распоряжается всѣми работами и ему подчинены уже какъ всѣ рабочіе съ десятскими, такъ и всѣ прочіе надзиратели; въ случаѣ побѣга изъ рабочихъ или появленія разбойниковъ около дровосѣка и о всѣхъ тому подобныхъ происшествіяхъ, старшій надзиратель принимаетъ всѣ мѣры къ отысканію; а между тѣмъ въ то же время и безъ малѣйшаго промедленія отправляетъ одного изъ десятскихъ къ правителю рапортовать о томъ. Старшій надзиратель имѣетъ право наказывать на мѣстѣ рабочихъ и ихъ десятскихъ за лѣность и другіе непорядки.—Старшій надзиратель наказываетъ частныхъ надзирателей; но о всѣхъ непорядкахъ ихъ доноситъ немедленно чрезъ нарочнаго десятника пятидесятнику.

5-е. Поелику безпорядокъ при производствѣ работъ въ дровосѣкахъ былъ первою причиною, или удобностью дѣлать оттуда побѣги, то рубка дровъ производится не иначе, какъ правильными лѣсосѣками, которыя назначаются самимъ правителемъ и наблюдаются старшимъ надзирателемъ.—Главное правило наблюденія въ лѣсосѣкахъ состоитъ въ томъ, чтобъ рабочіе во время работъ находились всегда въ линіяхъ или рядахъ и отнюдь не разсѣивались въ лѣсу по разнымъ мѣстамъ—назначаетъ надзирателямъ частныя мѣста для работъ и учреждаетъ станъ, куда всѣ рабочіе сходятся на ночь и отдыхать. Ежедневно по утру до работы и вечеру по окончаніи оной наблюдается перекличка по десяткамъ и каждый надзиратель доноситъ о состояніи своихъ десятковъ старшему надзирателю.

Сверхъ сихъ главныхъ перекличекъ, бываютъ частныя, какъ то: въ полдень, когда рабочіе обѣдаютъ и вообще, когда

они сходятся на отдыхъ. Десятскіе собираютъ свои десятки и по перекличкѣ рапортуютъ надзирателямъ своимъ. По перекличкѣ вечерней всѣ рабочіе должны находиться въ станѣ и никто не смѣетъ уже выйти за черту, которая бываетъ положена около сего стана. На чертѣ сей ставится нѣсколько караульныхъ, по назначенію старшиною; караульные стоятъ поочередно изъ десятскихъ. За неусыпность ихъ отвѣтствуютъ надзиратели каждый по своимъ десяткамъ—которые почасту объѣзжаютъ станъ. Старшій надзиратель, имѣя такимъ образомъ въ подчиненности у себя всѣхъ находящихся въ дровосѣкѣ, обязывается строжайшею отвѣтственностью за всѣ непорядки въ ономъ, а паче за побѣги рабочихъ.

6-е. За означеннымъ распредѣленіемъ казаковъ, остальные конные находятся въ заводѣ для объѣздовъ въ каждую ночь внутри завода, около онаго и въ дровосѣкѣ; они же наряжаются для поимки бѣглыхъ и разбойниковъ.

7. Одинъ казацкій пятидесятникъ наблюдаетъ полицейскій порядокъ въ заводѣ. Онъ долженъ знать все, что только происходитъ по заводу и о всѣхъ происшествіяхъ доносить правителю. Онъ есть старшій начальникъ надъ всѣми рабочими и казаками въ заводѣ, и потому обязывается строжайшею отвѣтственностью за совершенную исправность всѣхъ казаковъ; ежедневно по утру и ввечеру рапортуетъ правителю о благосостояніи въ заводѣ. Онъ долженъ непремѣнно быть почасту въ объѣздахъ съ казаками, а наипаче въ провосѣкѣ дабы видѣть, наблюдается ли и тамъ установленный порядокъ. —Пятидесятникъ имѣетъ право наказывать на мѣстѣ рабочихъ. Распредѣливъ такимъ образомъ всѣхъ рабочихъ и назначивъ каждому изъ казацкой команды въ заводѣ должность, непремѣнное и точное исполненіе сего порядка предоставляется правителямъ винокуренныхъ заводовъ. Они, имѣя способы знать все, что только происходитъ въ заводѣ, должны непремѣнно быть почасту вездѣ, гдѣ присутствіе ихъ нужно и всѣ непорядки исправлять на мѣстѣ безотлагательно. Расторопность, неусыпность и строгость должны быть первыми качествами и правилами правителей: особенно наблюдаютъ они за исправностью карауловъ въ заводѣ и о всѣхъ непорядкахъ воинской команды немедленно доносятъ губернатору. Правители должны навѣдываться почасту въ дровосѣки, чтобы видѣть, исполняется ли установленный порядокъ; имъ, какъ главнымъ начальникамъ въ заводахъ, совершенно подчинено все. Имѣя полное начальство надъ казацкою командою, они должны содержать во всей воинской строгости и неупустительно наказывать каждаго казака за непорядки. Всѣ неис-

правности по командѣ сей высматривают правителя съ пятидесятниковъ, и если усмотрятъ ихъ слабыми, нерадивыми и дурного поведенія—въ тоже самое время доносятъ губернатору.

Чтобъ сколько можно пресѣчь частые побѣги рабочихъ изъ завода, а тѣмъ болѣе не могли-бъ они укрываться свободно въ бѣгахъ, составлены статейные списки рабочимъ; въ случаѣ побѣга рабочаго, правитель, имѣя вѣрное свѣдѣніе отъ пятидесятника, въ какой именно одеждѣ бѣжалъ онъ, и съ прописаніемъ какъ сихъ, такъ и личныхъ примѣтъ сообщаетъ тотчасъ въ земскій судъ. Если же бѣглый пойманъ казаками заводскими, то чтобъ не затруднялъ напрасно земскую полицію, правителя увѣдомляютъ о томъ немедленно земскій судъ, а дабы можно было видѣть исправность и строгость правителей, они доносятъ ежемѣсячно губернатору о числѣ бѣжавшихъ съ заводовъ и пойманныхъ.

Для лучшаго обузданія рабочихъ и для прекращенія всѣхъ слѣдствій, коими обременялась доселѣ земская полиція —всякаго пойманнаго бѣглаго рабочаго, если онъ во время побѣга не сдѣлалъ какого преступленія, за которое долженъ быть преданъ суду, правители заводовъ, не отсылая въ земскій судъ, имѣютъ право наказывать сами строжайшимъ образомъ, выбривъ при томъ ему голову, и симъ прекращать все дѣло; таковая же управа предоставлена правителямъ во всѣхъ другихъ случаяхъ по заводу, не составляющихъ важное какое преступленіе, какъ то: смертоубійство, расхищеніе казны и подобное тому, но заключающихъ въ себѣ нарушеніе установленнаго полицейскаго порядка или злоупотребленія, вредныхъ послѣдствій не обѣщающія и искорененіе которыхъ зависитъ токмо отъ строгаго и безотлагательнаго наказанія».

Установленные Трескинымъ на подвѣдомственныхъ ему фабрикахъ драконовскіе порядки не являлись чѣмъ то исключительнымъ не только для Сибири, но и для Россіи того времени. Не нужно также думать, что примѣненіе въ казенныхъ предпріятіяхъ Трескинскаго каторжнаго режима обусловливалось специфическимъ характеромъ рабочаго персонала, состоявшаго изъ преступниковъ. Возьмемъ, напримѣръ, напечатанное въ журналѣ департамента мануфактуръ и торговли «донесеніе» табачнаго фабриканта Жукова. По словамъ М. Покровскаго, оно «рисуетъ намъ россійскаго пролетарія тридцатыхъ годовъ до такой степени опутаннымъ «отеческимъ попеченіемъ» владѣльца фабрики, что ничего лучшаго не могла бы дать не только самая благоустроенная крѣпостная вотчина, но даже, пожалуй, арестанскія роты. Каждый шагъ рабочаго былъ

обставленъ бдительнѣйшимъ надзоромъ со стороны какъ всевозможныхъ наблюдателей, начиная съ «украшеннаго крестами и медалями отставного Унтеръ-Офицера» (такъ, съ большой буквы, пишетъ это высокое званіе фабрикантъ Жуковъ), и кончая простыми сторожами, такъ и со стороны его товарищей; взаимное шпіонство возведено было въ систему и поощрялось всѣми способами». [1])

Чего стоятъ, напримѣръ, слѣдующіе перлы, поразительныя параллели для которыхъ мы находимъ въ Трескинскомъ отчетѣ: «означенныя мѣры надзора дополняются окончательно безусловнымъ убѣжденіемъ рабочаго: 1) что за сокрытіе въ товарищѣ своемъ буйства, непотребства и похищенія сокрыватель непремѣнно увольняется вмѣстѣ съ сокрываемымъ, и 2) что открытіе одного изъ подобныхъ проступковъ непремѣнно награждается или единовременною выдачею суммы, соразмѣрной важности открытія, или прибавкою жалованья. О сказанныхъ преступленіяхъ какъ старшій, такъ часовые и всякій рабочій имѣютъ обязанность доносить мнѣ немедленно: о прочихъ же менѣе важныхъ проступкахъ старшій и часовые представляютъ мнѣ письменныя замѣчанія свои, въ присутствіи провинившихся, ежемѣсячно при выдачѣ жалованья. При семъ нужнымъ считаю дополнить, что для поддержанія взаимнаго согласія между рабочими, доносители, кромѣ старшаго, часовыхъ и дневальныхъ, остаются неизвѣстными...

При увольненіи рабочихъ по праздникамъ съ фабрики всѣ они обязаны: 1) быть у обѣдни; 2) послѣ обѣдни, отлучаясь со двора, имъ не позволено ходить ни поодиночкѣ, ни большими толпами, для того, чтобы въ первомъ случаѣ всякій изъ нихъ имѣлъ свидѣтеля своему внѣ фабрики поведенію, а въ послѣднемъ большинство партіи не могло внушать имъ ни малѣйшей мысли о превосходствѣ передъ кѣмъ бы то ни было въ силѣ физической. Если же, по приказанію моему, и отправляютъ куда либо рабочихъ въ значительномъ числѣ, то всегда сопровождаетъ ихъ или старшій, или прикащикъ, отвѣтствующій за соблюденіе рабочими всевозможнаго благочинія».

Еще болѣе пристальнымъ былъ надзоръ во время работы на самой фабрикѣ. Во время производства работы старшій (упомянутый «Унтеръ Офицеръ»), прохаживаясь по всей фабрикѣ, находится въ ней безотлучно, наблюдая, чтобы, съ одной стороны, работы не останавливались безъ основательной причины, а съ другой, — чтобы не происходило между рабочими

[1]) Русская Исторія, т. V, изд. 2-е, Москва, 1915, 18.

никакого крику, празднословія и препирательства». [1])

Какъ видно отсюда, господствовавшіе на фабрикахъ крѣпостной Россіи порядки имѣютъ свои параллели въ отношеніяхъ, являющихся нормой для капиталистическихъ странъ. Такъ, Прудонъ писалъ о режимѣ, установленномъ въ ихъ предпріятіяхъ французскими фабрикантами во времена второй имперіи: «въ мастерскихъ полиція организована точно такъ же, какъ и въ городахъ. Всякое довѣріе и общеніе между рабочими исчезли, такъ какъ даже стѣны имѣютъ уши». [2])

Естественно, что безправное положеніе рабочихъ, лишенныхъ элементарныхъ правовыхъ гарантій, давало возможность доводить свойственныя предпринимательству тенденціи до ихъ логическаго конца, до nec plus ultra Крайне любопытнымъ примѣромъ подобныхъ отношеній и являются введенные Трескинымъ на казенныхъ предпріятіяхъ порядки.

Затѣмъ, Трескинъ выдвигаетъ на очередь задачу борьбы съ мѣстными пожарами, происходящими отъ паловъ,—этого бича сибирскихъ лѣсовъ. Громадныя лѣсныя богатства ежегодно погибали отъ неосторожности и небрежности сибирскихъ поселянъ. Объ этомъ злѣ говорятъ намъ многіе сибирскіе писатели. «Теперь лѣса Сибирскіе ростутъ и умираютъ на мѣстѣ безполезно,—пишетъ Щукинъ.—Огонь истребляетъ ихъ безпощадно каждую весну; крестьяне выполняютъ старинное обыкновеніе выжигать на пашнѣ солому и траву, съ пашни огонь переходитъ въ лѣсъ и свирѣпствуетъ безъ пощады до перваго сильнаго дождя. Никто не думаетъ о будущемъ, каждый заботится о настоящемъ». [3]) «Зажегши траву на пашнѣ или на сѣнокосѣ, сибирякъ не заботится наблюдать за дѣйствіемъ огня, и палъ тогда не рѣдко переходитъ съ пашни въ лѣсъ, гдѣ сперва загорится трава, потомъ валежникъ, а наконецъ и живой лѣсъ». [4])

---

[1]) Ор. с., 19. Ср. М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. т. I, 3-е изд., СПБ., 1907, 108—9.

[2]) Альберъ Тома. Вторая имперія. (Соціалистическая исторія, подъ общей редакціей Жана Жореса) СПБ., 1908, 168.

[3]) Минусинскій округъ. Журналъ Министерства внутреннихъ дѣлъ, 1856, май, 22.

[4]) Статистическое Обозрѣніе Сибири, II, 342—3. Ср. также А. А. Кауфманъ. Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности по Сибири, Кавказу и т. д., СПБ, 1904, 337 сл.

„О сбереженіи промышленныхъ лѣсовъ, въ которыхъ бываютъ соболиные промыслы, правительство изъявило свою волю не ранѣе 1744 года". Словцовъ, Историческое Обозрѣніе Сибири, книга II, СПБ, 1886, 290.

Ср. Гагемейстеръ. Статистическое описаніе Сибири, часть II, СПБ., 1854, 475

Также А. А. Строгій. О лѣсахъ Сибири. СПБ. 1911, 16.

Но Трескинскій регламентъ проникнутъ обычной для него вѣрой въ спасительность начальственнаго усмотрѣнія.

Мѣры къ предупрежденію и прекращенію лѣсныхъ пожаровъ.

«Хотя предупрежденіе и прекращеніе лѣсныхъ пожаровъ, на основаніи узаконенныхъ на сей предметъ правилъ, возложено было на градскія и земскія полиціи, но обязанность сія,—или по неудобности самимъ полицейскимъ чиновникамъ лично въ одно время и во многихъ разныхъ мѣстахъ пожары или палы утушать, или по невниманію и упущеніямъ ихъ,—не вездѣ исполняема была съ точностью, и палы ежегодно продолжались, истребляя множество лѣсу и причиняя опасность самимъ селеніямъ, ибо поселяне или иновѣрцы, обжигая поля свои и пуская на своемъ мѣстѣ палы, всегда уходили и ни мало не заботились о потушеніи паловъ, къ вящщему вреду до того времени, пока опасность и вредъ сдѣлаются общими.

Къ совершенному пресѣченію зла сего на основаніи помянутыхъ узаконеній и, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ, поставлены единожды навсегда въ непремѣнную обязанность сельскихъ старшинъ и иновѣрческихъ начальниковъ слѣдующія правила:

1-е. Каждый старшина долженъ собрать предъ наступленіемъ весны свѣдѣнія отъ всѣхъ поселянъ его вѣдѣнія, кто, въ какихъ именно урочищахъ и на какое пространство хочетъ пускать палы.

2-е. По полученіи сего свѣдѣнія, съ общаго всѣхъ жителей того селенія или стойбища согласія, дѣлается назначеніе или очередь, кому когда пускать палы.

3-е. По наступленіи очереди каждому или нѣсколькимъ, старшина со всѣми или извѣстною частію жителей, такъ именуемыхъ пожарныхъ людей, отправляются на мѣсто съ метлами, заступами и прочими нужными къ утушенію огня инструментами—пущаютъ палы и дожидаются совершеннаго прекращенія оныхъ, отнюдь не допуская распространяться вдаль, а тѣмъ паче приближаться къ лѣсамъ, или селеніямъ и не отходя ни подъ какимъ видомъ отъ паловъ днемъ и въ ночное время; въ случаѣ же сильнаго вѣтра, паловъ отнюдь не пущать.

4-е. До наступленія таковой очереди, безъ предваренія старшины и безъ сбора пожарныхъ людей, никто изъ поселянъ самъ собою не смѣетъ пущать паловъ.

5-е. Ежели старшина и вообще кто либо изъ жителей одного селенія, или стойбища усмотрятъ, что на чьемъ либо мѣстѣ пущены палы безъ пожарныхъ людей: то повѣщать тотчасъ все селеніе, или стойбище, и стараться утушать общими силами; а хозяина того мѣста, гдѣ пущенъ палъ, ежели отъ того не послѣдовало никакого вреда, въ тоже время наказать лозами при сходкѣ цѣлаго селенія; а если послѣдовалъ какой либо значительный отъ пущенныхъ имъ паловъ вредъ, то отсылать немедленно за карауломъ къ частному комиссару, гдѣ же онаго нѣтъ, то прямо въ земскій судъ для поступленія съ нимъ по законамъ.

6-е. Вообще со всѣми тѣми, на мѣстахъ коихъ откроются палы безъ предписываемыхъ предосторожностей, самими ли ими пущенные, или другимъ кѣмъ, поступать безъ всякаго различія.

Какъ въ предыдущей статьѣ сказано, дабы симъ заставить каждаго имѣть строгое наблюденіе за своимъ участкомъ и за тѣми, кто пущаетъ палы.

7-е. Надъ проѣзжающими дорожными людьми, также надъ дровосѣками въ лѣсахъ, пастухами и прочими, которые разводя для надобностей своихъ огни, и оставляя ихъ, бываютъ причиною всѣхъ вышеизъясненныхъ послѣдствій; сельскіе старшины, и начальники стойбищъ обязаны имѣть особенное наблюденіе и признанныхъ въ оставленіи на мѣстѣ разведеннаго огня отсылать за карауломъ или къ комиссару, либо въ земскій судъ для законнаго взысканія.

Устройство градской и земской полиціи.

(*По Иркутской градской полиціи.*)

Начальство нынѣшнее застало здѣшнюю полицію въ разстроеннѣйшемъ положеніи. Не было въ оной ни одного чиновника, который наружно бы представлялъ полицейскаго офицера. Домъ полиціи своею нечистотою и безобразіемъ обнаруживалъ внутреннее ея состояніе. Въ городѣ не было ни малѣйшей безопасности; ссыльные и поселенцы, пользуясь слабостью полиціи, имѣли въ городѣ первое и надежнѣйшее гнѣздилище.

Шатаясь свободно безъ всякихъ видовъ, они производили днемъ и ночью грабительства и мошенничества и не только никогда не были отыскиваемы, но скрывались у самихъ полицейскихъ служителей, съ которыми раздѣляли все добытое. Такимъ образомъ, первымъ дѣломъ начальства было очистить, такъ сказать, полицію отъ сволочи и снабдить надежными офицерами, съ опредѣленіемъ коихъ приняло все дру-

гой видъ. Въ короткое время городъ очищенъ отъ семейныхъ и поселенцевъ, коихъ въ одномъ только 1807 году найдено здѣсь и выслано отсюда по мѣстамъ до 500 человѣкъ — ни одно воровство, или злодѣйство по сіе время не могло еще быть не открыто и спокойствіе жителей обезпечено совершенно; въ городѣ наблюдается чистота и порядокъ наружный; часть пожарная приведена въ возможно лучшій порядокъ и по сіе время отъ случившихся пожаровъ не только не было никакого вреда, но многіе изъ сихъ несчастныхъ случаевъ бдительнымъ наблюденіемъ и осторожностями полиціи были предупреждены.

Теченію письменныхъ и судныхъ дѣлъ по полиціи и частнымъ судамъ данъ лучшій ходъ, и вообще, полиція какъ въ наружномъ, такъ и во внутреннемъ состояніи своемъ получила такое преобразованіе, какое токмо по времени и способамъ дать ей можно было.

Весьма рѣдкимъ доказательствомъ устройства, до коего доведена здѣшняя полиція, служить можетъ одно изъ дѣйствій ея слѣдующее: въ 1806 г. похищено было въ здѣшнемъ комиссаріатскомъ комиссіонерствѣ казенныхъ денегъ 13. 975 рублей. Слѣды похищенія столь скрытны были, что въ продолженіи двухъ лѣтъ ничего не могло быть открыто при всемъ стараніи и не было даже надежды къ открытію похитителей и похищенныхъ денегъ; между тѣмъ, около двухъ лѣтъ безвинно содержались подъ стражею комиссаріатскій казначей Шастинъ и двое вахтеровъ, кои подозрѣвались въ похищеніи денегъ. — Въ августѣ мѣсяцѣ 1808 года возобновлено было здѣсь слѣдствіе о похищеніи сихъ денегъ и для произведенія онаго составлена была особая комиссія.

Въ короткое время открытъ былъ похититель комиссаріатскій вахтеръ Мурашевъ, который, хотя и прежде подозрѣваемъ былъ въ похищеніи, но по произведенному прежде слѣдствію успѣлъ отклонить всякое на себя подозрѣніе; а находясь подъ воинскимъ карауломъ и пользуясь слабостію онаго, имѣлъ случай проматывать деньги. Всѣ похищенныя деньги возвращены въ казну, большею частію изъ имѣній прикосновенныхъ къ сему дѣлу. Похититель Мурашевъ съ прочими виновными получилъ достойное наказаніе.

Характеристика Иркутской полиціи, которую мы читаемъ въ отчетѣ, тѣмъ цѣннѣе, что принадлежитъ перу начальника края, отъ котораго мы не можемъ ждать сгущенія красокъ. Нужно отмѣтить, что введеніе порядка и безопасности въ Иркутскѣ Пестель приписывалъ себѣ: «самый городъ старался я строгимъ полицейскимъ порядкомъ содержать въ спокойствіи и

безопасности, ибо когда я туда прибылъ, то вечеромъ, какъ только темно становилось, никто не осмѣливался, особенно изъ женскаго пола, явиться одинъ на улицѣ. Не только ссыльные солдаты безпокоили и грабили прохожихъ, но иногда вламывались ночью въ дома. Въ короткое время введъ я спокойствіе и порядокъ.» [1])

Упраздненіе комиссарствъ и прикомандированіе частныхъ комиссаровъ въ земскіе суды.

По послѣднему Высочайше конфирмованному въ 1805 г. на Иркутскую губернію штату, во всѣхъ земскихъ судахъ положены одни токмо сельскіе и иновѣрческіе засѣдатели, при одномъ въ каждомъ судѣ, земскомъ исправникѣ. Чиновникъ сей по обширности уѣздовъ, разсѣянности жителей и множеству случаевъ, требующихъ мѣстнаго изслѣдованія — большею частью долженъ былъ находиться въ отлучкѣ отъ земскаго суда, а въ земскомъ судѣ оставались одни только сельскіе и иновѣрческіе засѣдатели, люди безграмотные и дѣла никакого не знающіе: почему всѣ дѣла каждаго земскаго суда лежали на одномъ секретарѣ онаго, который не въ состояніи былъ самъ справляться во всемъ, отчего въ теченіи дѣлъ по земскимъ судамъ происходила чрезвычайная медленность и члены оныхъ подвергались безпрестанному оштрафованію; съ другой стороны, частные комиссары, находясь въ отдаленности и, такъ сказать, за глазами отъ начальства, не только были безполезны, но крайне отяготительны и вредны для сельскихъ обществъ; одни безпрестанные разъѣзды ихъ по уѣзду безъ всякой надобности, также разъѣзды ихъ семействъ, казаковъ и пр.—въ семъ никакъ ущитать и ограничить ихъ было невозможно. Содержаніе комиссарскихъ домовъ, содержаніе ихъ канцелярій и пр. составляли такую народную тягость, которая если-бъ привести все въ вѣрный счетъ, едва ли не превзошла бы всѣхъ прочихъ повинностей.—Итакъ, учрежденіе комиссарствъ не имѣло совсѣмъ пользы, которой можно ожидать тогда токмо, ежели бъ въ комиссарскія должности опредѣляемы были люди честнѣйшихъ и примѣрныхъ правилъ.

---

[1]) Гмелинъ въ 1735 г., наоборотъ, отзывался объ Иркутской полиціи довольно одобрительно. «Городъ имѣетъ свою полицію, и въ этомъ отношеніи довольно благоустроенъ. Всѣ главныя улицы усажены надолбами, имѣются ночные сторожа. Кромѣ того, ночью дѣлаютъ обходъ полицейскіе служители, которые сажаютъ подъ арестъ всѣхъ, ведущихъ себя на улицѣ непристойно, и наблюдаютъ за подозрительными домами». Reise, II, 164.

Такимъ образомъ, дабы земскіе суды привести въ лучшее состояніе и дать болѣе способовъ къ успѣшнѣйшему дѣйствованію и производству дѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить жителей отъ содержанія на ихъ щетъ комиссаровъ—съ утвержденія г. Сибирскаго генералъ-губернатора, всѣ частные комиссары переведены въ земскіе суды—вродѣ дворянскихъ засѣдателей съ тѣмъ же жалованьемъ, какое получали они по мѣсту частныхъ комиссаровъ—вмѣстѣ съ ними поступили въ земскіе суды всѣ письменныя по комиссарствамъ дѣла и сумма положенная на расходы.

Изъ сего исключены однако жъ тѣ комиссарства, кои, по отдаленности или особеннымъ способамъ мѣстнаго управленія, должно было оставить въ настоящемъ ихъ положеніи. Послѣдствіе сего распоряженія оправдало пользу онаго, ибо дѣла по земскимъ судамъ пришли совсѣмъ другой и лучшій ходъ; безполезные и безпрестанные разъѣзды комиссаровъ прекращены, поелику земскіе суды обязаны подробнымъ отчетомъ губернскому правительству въ случаѣ каждой командировки кого либо въ уѣздъ; сельскія общества ощутительно облегчены пресѣченіемъ всѣхъ расходовъ, коихъ стоило имъ содержаніе комиссаровъ, занимавшихся болѣе собственными пользами, а не службою.

Вмѣстѣ съ сею реформою въ должности дворянскихъ засѣдателей избраны лучшіе и способнѣйшіе люди, какихъ только здѣсь найти возможно: настоящая дѣйствительность земской полиціи доказывается тѣмъ, что, при всемъ множествѣ необыкновенныхъ происшествій или злодѣйствъ отъ чрезвычайнаго стѣсненія ссыльныхъ, нѣтъ почти ни одного, по которому не были-бъ обнаружены преступники».

Нужно напомнить, что въ 1803 г. въ губерніяхъ Иркутской и Тобольской было уменьшено число уѣздовъ, и они были раздѣлены на нѣсколько комиссарствъ. «Комиссары должны были отвѣтствовать за благосостояніе ввѣренныхъ имъ волостей, представлять въ разборъ маловажныхъ тяжбъ и споровъ дѣйствіе земскаго суда, а въ важныхъ относиться къ суду, пребывающему въ городѣ». [1])

Для насъ очень цѣнна безпощадная характеристика, которую даетъ комиссарамъ Трескинъ; приходится только усумниться въ благодѣтельности предпринятыхъ имъ мѣропріятій, которыя, по его словамъ, имѣли будто бы такія благотворныя послѣдствія.

---

[2]) Автобіографія Пестеля, Русскій Архивъ, 1875, 378.

[1]) Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири, Иркутскъ, 1883, стр. 356.

Свящ. Бор. Герасимовъ.

Матеріалы къ пребыванію Ѳ. М. Достоевскаго въ Семипалатинскѣ.

Въ числѣ Семипалатинскихъ знакомыхъ Ѳ. М. Достоевскаго былъ засѣдатель по корчемной части—нѣкто Исаевъ. Это былъ неисправимый алкоголикъ, причинявшій много страданій своей женѣ Маріѣ Дмитріевнѣ. Переведенный на службу въ г. Кузнецкъ, Томской губ., Исаевъ вскорѣ тамъ умеръ.

Марья Дмитріевна Исаева въ жизни Ѳ. М. Достоевскаго сыграла большую роль. Знаменитый писатель чувствовалъ къ ней глубокое сердечное влеченіе, которое, послѣ смерти Исаева, закончилось бракомъ.

Взявъ отпускъ у военнаго начальства, Достоевскій выѣхалъ изъ Семипалатинска въ Кузнецкъ, гдѣ и повѣнчался съ Исаевой 6 февраля 1857 года.

Въ архивѣ Кузнецкой Одигитріевской церкви сохранились слѣдующіе документы объ этомъ бракѣ: 1) разрѣшеніе командира 7 Сибирскаго линейнаго баталіона.—гдѣ Ѳ. М. Достоевскій служилъ рядовымъ, унтеръ-офицеромъ и прапорщикомъ, —подполковника Бѣлихова, отъ 1 февраля 1857 г. за № 167. на вступленіе въ бракъ прапорщика Достоевскаго съ вдовой Исаевой; и 2) брачный обыскъ, отъ 6 февраля 1857 г. за № 17. произведенный причтомъ Кузнецкой Одигитріевской церкви.

Эти документы, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, Семипалатинскимъ Подъотдѣломъ Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. недавно извлечены въ копіяхъ изъ архива Кузнецкой церкви и хранятся въ музеѣ Подъотдѣла. Въ виду того, что эти документы до сихъ поръ нигдѣ не были опубликованы, печатаемъ ихъ на страницахъ «Сибирской Лѣтописи». *)

Два—три слова о поручителяхъ Катанаевѣ и Вергуновѣ.

Поручитель по невѣстѣ—Катанаевъ былъ Кузнецкій окружный исправникъ. М. Д. Исаева въ домѣ Катанаевыхъ была своимъ человѣкомъ.

Поручитель по женихѣ—Вергуновъ состоялъ учителемъ Кузнецкаго уѣзднаго училища. Онъ часто бывалъ въ семьѣ Исаевыхъ, гдѣ занимался съ ихъ дѣтьми, а Марья Дмитріевна учила его французскому языку. Общество Вергунова было пріятно для Исаевой. Въ письмахъ ея къ Ѳ. М. Достоевскому въ Семипалатинскъ все чаще и чаще стала по-

*) Орѳографія подлинника.

минаться фамилія Вергунова. Это обстоятельство внесло большую тревогу въ жизнь Достоевскаго. Наконецъ, Ѳедоръ Михайловичъ выѣхалъ въ Кузнецкъ и всѣ тревоги кончились бракомъ его съ Исаевой. Вергуновъ потомъ пріѣзжалъ въ Семипалатинскъ, но Достоевскій отнесся подозрительно къ его пріѣзду...

Командира
7-го Сибирскаго линейнаго
баталіона
№ 167.
1-го февраля 1857 года.
г. Семипалатинскъ.

Градо-Кузнецкой Одигидріевской церкви священно-церковно служителямъ.

«Прапорщикъ ввѣреннаго мнѣ баталіона Достоевскій сговорилъ за себя въ законное супружество проживающую въ г. Кузнецкѣ жену умершаго засѣдателя по корчемной части коллежскаго секретаря Александра Исаева. Марію Дмитріевну, имѣющую отъ роду 29 лѣтъ; почему покорнѣйше прошу священно—церковно—служителей, ежели со стороны невѣсты не будетъ предстоять законныхъ препятствій, то Г. Достоевскаго свенчать, отъ роду онъ имѣетъ 34 года холость, какъ онъ, такъ и невѣста вѣроисповѣданія православнаго, Г. Достоевскій у исповѣди и Св. Причастія ежегодно бываль, при чемъ прилагаю подписку невѣсты и свидѣтельство о смерти мужа ея, по свѣнчаніи же не оставить меня увѣдомить. Подполковникъ Г. Бѣлеховъ».

Обыскъ брачный № 17.

«1857-го года февраля 6-го дня. По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА города Кузнецка Одигитріевской церкви священнослужители производили обыскъ о желающихъ вступить въ бракъ и оказалось слѣдующее.

1) Женихъ. Служащій въ Сибирскомъ линейномъ баталіонѣ № 7 прапорщикъ Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій православнаго вѣроисповѣданія жительствуетъ въ городѣ Семипалатинскѣ въ приходѣ Богородской церкви.

2) Невѣста Марія Дмитріевна жена умершаго засѣдателя служащаго по корчемной части коллежскаго секретаря Александра Исаева, православнаго вѣроисповѣданія жительствовала донынѣ въ городѣ Кузнецкѣ въ приходѣ сей Одигитріевской церкви.

3) Возрастъ къ супружеству имѣютъ совершенный, и именно женихъ тридцати четырехъ лѣтъ, а невѣста двадцати девяти лѣтъ, и оба находятся въ здравомъ умѣ.

4) Родства между ними духовнаго, или плотскаго родства и свойства, возбраняющаго по Установленію Св. Церкви бракъ, никакого нѣтъ.

5) Женихъ холостъ, а невѣста вдова послѣ перваго брака.

6) Къ бракосочетанію приступаютъ они по своему взаимному согласію и желанію, а не по принужденію, какъ женихъ такъ и невѣста родителей въ живыхъ не имѣютъ.

7) По троекратному оглашенію, сдѣланному въ означенной церкви, препятствій къ сему браку никакого никѣмъ не объявлено.

8) Для удостовѣренія безпрепятственности сего брака представляются письменные документы: дозволеніе жениху отъ командира Сибирскаго линейнаго баталіона № 7 отъ 1 февраля сего года за № 167-мъ.

9) Посему бракосочетаніе означенныхъ лицъ предположено совершить въ вышеупомянутой Одигитріевской церкви сего мѣсяца февраля 6-го дня. въ узаконенное время, при посторонихъ свидѣтеляхъ.

10) Что все показанное здѣсь о женихѣ и невѣстѣ справедливо, въ томъ удостовѣряютъ своею подписью, какъ они сами, такъ и по каждомъ поручитель, съ тѣмъ, что если что окажется ложнымъ, то подписавшіеся повинны за то суду по правиламъ церковнымъ и по законамъ гражданскимъ. Женихъ, служащій въ Сибирскомъ линейномъ № 7 баталіонѣ, прапорщикъ Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій. Невѣста вдова коллежская секретарша Марія Дмитріевна Исаева. Поручатель по невѣстѣ Коллежскій Асессоръ Иванъ Мироновъ Катанаевъ. Поручатель по женихѣ чиновникъ таможеннаго вѣдомства Петръ Сапожниковъ. Поручатель по женихѣ чиновникъ Кузнецкаго училища учитель Николай Вергуновъ. По невѣстѣ поручатель волости Нелюбинской государственный крестьянинъ Михаилъ Димитріевичъ Демитревъ-же. Обыскъ производили сей же церкви Священникъ Евгеній Тюменцевъ. Діаконъ Петръ Лашковъ, Дьячекъ Петръ Углянскій, Пономарь Иванъ Слободскій».

А. Линьковъ.

О непорядкахъ въ Иркутскомъ географическомъ музеѣ.

(Отвѣтъ И. И. Серебренникову).

Въ №-рѣ 259 газеты «Сибирь», отъ 29 минувшаго ноября, напечатано письмо правителя дѣлъ географическаго отдѣла И. И. Серебренникова. Письмо это интересное, и на немъ слѣдуетъ остановиться поподробнѣе. Для лучшей ориентаціи читателя письмо г. Серебренникова приводится здѣсь цѣликомъ.

За послѣдніе годы въ нѣкоторой части мѣстной періодической печати время отъ времени появляются замѣтки о «непорядкахъ» въ музеѣ восточно-сибирскаго отдѣла географическаго общества. Не такъ давно такого рода замѣтки появились въ двухъ мѣстныхъ журналахъ «Сибирская Лѣтопись» (№ 1 и 2) и «Багульникъ» (№ 3). Не касаясь вопроса о томъ, съ какою цѣлью печатаются эти замѣтки, и преслѣдуютъ ли при этомъ авторы таковыхъ общественные или личные интересы,— пытаемся лишь объективно разобраться въ дѣйствительномъ положеніи дѣла.

Обычное построеніе названныхъ замѣтокъ таково: 1) въ музеѣ географическаго общества царятъ непорядки; 2) за непорядки эти должны нести отвѣтственность руководители отдѣла; 3) всѣ эти «официальные сибиреѣды» недостойны занимаемаго ими мѣста. У читателя остается впечатлѣніе, что раньше въ музеѣ отдѣла все обстояло благополучно, и только при нынѣшнихъ руководителяхъ его все пришло въ запустѣніе. Такъ ли это обстоитъ на самомъ дѣлѣ—попробуемъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

Теперешній музей возникъ, на мѣсто прежняго, тотчасъ же послѣ извѣстнаго иркутскаго пожара 1879 года. Съ этого года и по настоящее время консерваторами музея состояло много лицъ. Въ числѣ таковыхъ укажемъ, между прочимъ, какъ на наиболѣе извѣстныхъ Иркутску, на И. Д. Черскаго, Н. И. Витковскаго, В. Б. Шостаковича, А. М. Станиловскаго и М. П. Овчинникова.

Если обратиться къ прошлому музея, то нельзя будетъ сказать, чтобы даже при комъ-либо изъ названныхъ консерваторовъ музейное дѣло находилось на должной высотѣ. Можно будетъ констатировать, что, положимъ, М. П. Овчинниковъ ревностнѣе относилъ свои обязанности и былъ болѣе преданъ дѣлу, чѣмъ А. М. Станиловскій, или наоборотъ. И только, ни тотъ, ни другой, ни третій не ввели въ музейное дѣло опредѣленной и, главное, нужной системы регистраціи поступающихъ въ музей предметовъ. Коллекціи заносились въ инвентарную книгу съ весьма краткими помѣтками, часто даже безъ обозначенія мѣста нахожденія этихъ коллекцій; при этомъ одна коллекція вся заносилась подъ общимъ инвентарнымъ номеромъ, въ другой — заносился подъ особымъ инвентарнымъ номеромъ каждый предметъ коллекціи. Не было введено системы составленія подробной регистраціонной описи каждаго изъ предметовъ поступающей въ музей коллекціи. Если, далѣе, принять во вниманіе, что не было введено опредѣленной системы и въ дѣло этикетированія предметовъ, то нетрудно будетъ понять, почему въ музейное дѣло отдѣла вносился непорядокъ, который, естественно, росъ съ теченіемъ времени. Немало неудобствъ для музея представляло и то обстоятельство, что отдѣлъ въ теченіи своего существованія всегда неизмѣнно стремился осуществлять задачи, помимо научныхъ, и чисто просвѣтительныя. Вмѣсто того, чтобы хранить коллекціи такъ, чтобы къ нимъ могли имѣть доступъ только ученые спеціалисты, ихъ вытаскивали изъ витринъ при объяснительныхъ чтеніяхъ и лекціяхъ и пускали иногда гулять по рукамъ слушателей, отчего коллекціи не могли, конечно, не терпѣть извѣстнаго ущерба. Затѣмъ нельзя не отмѣтить и слѣдующаго обстоятельства. Въ прежнее время отдѣлъ весьма предупредительно относился къ просьбамъ ученыхъ спеціалистовъ о высылкѣ имъ коллекцій для опредѣленія. Худого въ этомъ, конечно, ничего не было бы, если бы г. г. ученые возвращали въ отдѣлъ посланные имъ предметы; но это не всегда бывало. Посылались коллекціи и на выставки, время отъ времени устраивавшіяся въ Европейской Россіи, и отсюда, если онѣ воз-

вращались, то не всегда въ должномъ порядкѣ, а иногда и въ большомъ безпорядкѣ.

Въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, напр., отдѣломъ были посланы нѣкоторыя археологическія коллекціи въ Москву, на конгрессъ по доисторической археологіи. Коллекціи эти возвращены были въ состояніи полной хаотичности. По этому поводу тогдашній правитель дѣлъ отдѣла Д. А. Клеменцъ въ письмѣ къ И. Т. Савенкову писалъ:

«По вопросу о коллекціяхъ скажу, что москвичамъ не стоитъ давать ничего, они варвары! Присылаютъ, напримѣръ, коллекціи съ конгресса— и въ какомъ видѣ? Ужасъ! А замѣтьте, Сукачевъ самъ просилъ Анучина и Ивановскаго поберечь ихъ, не жалѣть денегъ на укупорку. Сибирскія разстоянія тутъ не при чемъ! Получаемъ же мы цѣлыми стеклянные термометры, когда они по-людски укупорены. А тутъ тонкія костяныя украшенія изъ кабаньяго зуба затисканы въ одинъ ящикъ съ каменными топорами фунта по четыре вѣсомъ, и все переложено бумажкой!?» (Взято изъ архива отдѣла). Такъ сумѣлъ возвратить отдѣлу интересныя коллекціи археологическій конгрессъ! А лѣтъ 14 назадъ одинъ изъ ученыхъ, напр., не возвратилъ совсѣмъ отдѣлу восьми череповъ, взятыхъ имъ изъ музея для опредѣленія. Повиненъ ли въ подобныхъ фактахъ отдѣлъ? Намъ кажется, что виновата здѣсь больше всего наша россійская халатность, наша небрежное отношеніе къ чужому предмету вообще. Помимо того, что у насъ отсутствуетъ аккуратность и педантичность, мы не обладаемъ и средствами. Мы, русскіе, очень бѣдны. Средства научныхъ учрежденій, особенно провинціальныхъ, настолько скудны, что они не могутъ держать нужнаго штата работниковъ. Было время, когда и восточно-сибирскій отдѣлъ и. р. г. об-ва принужденъ былъ отдавать для вечеровъ и собраній на прокатъ стулья изъ своего лекціоннаго зала, зарабатывая на этомъ до 40 рублей въ годъ, и когда нѣкоторые расходы онъ покрывалъ путемъ подписки среди своихъ членовъ. Отсутствіе средствъ мѣшало раньше, мѣшаетъ и теперь отдѣлу расширить зданіе музея и лучше расположить свои коллекціи, въ силу чего музей превращается почти

—что въ складочное мѣсто—не будемъ отрицать этого.

Проектъ расширенія музея въ недавніе годы былъ составленъ, и было послано, куда слѣдуетъ, ходатайство объ ассигнованіи необходимыхъ для этого расширенія средствъ. Наступила война, и этого ассигнованія отдѣлу, вѣроятно, уже не придется получить долгіе годы.

Мы соглашаемся, что непорядки въ музеѣ отдѣла есть; не будемъ указывать, что въ замѣткахъ «Багульника» и «Сибирской Лѣтописи» есть отъ истины, и что отъ недоразумѣнія. Укажемъ только на случаи, имѣвшіе мѣсто въ настоящемъ году, на то, какъ они были въ дѣйствительности, и какъ они были освѣщены въ печати критиками отдѣла изъ «Багульника» и «Сибирской Лѣтописи». Висѣлъ на одной изъ витринъ музея щитъ съ археологическою коллекціей. Временно, щитъ этотъ былъ снятъ и помѣщенъ въ другое мѣсто, оставаясь въ полной сохранности и полномъ порядкѣ. Въ освѣщеніи «Сиб. Лѣтописи» эта коллекція оказалась лежащею «въ безпорядкѣ», за печкою, около лѣстницы... «Багульникъ» пишетъ: г-жа Пруссакъ попыталась произвести раскопки музейскаго «хлама, и ею было обнаружено... свыше 300 рукописей XVII вѣка (въ музеѣ были увѣрены, что онѣ сгорѣли), приказы царя Іоанна Алексѣевича иркутскому воеводѣ и пр. и пр».

Рукописи эти были извѣстны музею, лежали въ порядкѣ въ рукописномъ отдѣленіи этого музея, и г-жа Пруссакъ, пріѣхавши изъ Петрограда въ Иркутскъ, просила у администраціи отдѣла разрѣшенія осмотрѣть это отдѣленіе, что было ей дозволено. Никакого «обнаруженія» тутъ не было: до г-жи Пруссакъ нѣкоторыя изъ этихъ рукописей, съ разрѣшенія комитета, брали на прочтеніе преподаватель промышленнаго училища г-нъ Пятницкій и нѣкоторыя другія лица.

Указываетъ далѣе журналъ «Багульникъ», что г-жа Павлова лѣтомъ сего года не допскалась въ музеѣ одного черепа барана. Указаніе это также остается на совѣсти журнала, такъ какъ г-жа Павлова съ просьбою показать ей эти черепа къ администраціи музея не обращалась.

Непорядки въ музеѣ имѣются, но они, какъ уже было сказано выше, заключаются не въ томъ, какъ пытаются это указать названные журналы. Непорядки эти явились давнымъ давно, и существовали въ такихъ же размѣрахъ, какъ, наприм., при прежнемъ консерваторѣ М. П. Овчинниковѣ, такъ и до него и послѣ него. Внѣшній порядокъ завести не трудно: можно вымести изъ шкафовъ всякій соръ и пыль, можно умѣло размѣстить коллекціи, но это нисколько не измѣнитъ существа дѣла, разъ пріемъ коллекцій и ихъ храненіе не будутъ подчинены режиму какой-либо системы.

Мало посвященные въ дѣла отдѣла читатели могутъ спросить: да что же дѣлаетъ отдѣлъ, если безпорядокъ въ его музеѣ существуетъ давнымъ давно, существовалъ ранѣе и не устраненъ до сихъ поръ?

На это отвѣтимъ слѣдующимъ. Не забывайте, что музей это только одно изъ учрежденій отдѣла. Помимо музея, отдѣлъ имѣетъ большую библіотеку, приведенную за послѣдніе годы въ полный порядокъ только потому, что отдѣломъ было приглашено платное лицо—библіотекарь; имѣетъ отдѣлъ и свой книжный складъ, продолжаетъ издательскую дѣятельность, снаряжаетъ экспедиціи и экскурсіи, устраиваетъ лекціи и доклады,—словомъ, поскольку онъ можетъ и въ силахъ, ведетъ научную работу. Эта работа порою оживлялась, порою затихала, въ зависимости отъ притока людей, но никогда не прерывалась, и она-то составила отдѣлу сравнительную извѣстность и имя. Эта работа зачастую шла въ разрѣзъ съ интересами музея. Тѣ средства, которыя, быть можетъ, слѣдовало бы по справедливости ассигновать на то или иное упорядоченіе музейскаго имущества, расходовались на экспедиціи, экскурсіи или издательскую дѣятельность. Жаль было истратить триста рублей на новыя витрины, разъ на эти средства представлялось возможнымъ организовать экскурсію, въ особенности если на лицо былъ предлагающій свои услуги ученый спеціалистъ. А между тѣмъ, каждая новая экспедиція неизмѣнно доставляла въ музей отдѣла все новыя и новыя коллекціи, для которыхъ опять-таки требовались витрины. Кромѣ того, какъ

раньше, такъ и теперь содержаніе музея, его администраціи и рабочихъ ложилось и ложится тяжелымъ бременемъ на бюджетъ отдѣла, поглощая почти 70% денежныхъ пособій отдѣлу изъ средствъ государства, города Иркутска и мѣстныхъ земскихъ сборовъ.

Нужно, конечно, привести музей отдѣла въ порядокъ, и теперешній распорядительный комитетъ отдѣла поставилъ себѣ это задачей. Имъ полученъ (пока еще не полный) инструкціонный матеріалъ изъ столицъ, и уже постановлено: всѣмъ вновь поступающимъ коллекціямъ составлять регистраціонныя описи и постепенно распространить эту опись и на прежнія коллекціи, попутно занося каждый предметъ на особую карточку. Если принять во вниманіе громадность работы и ея чрезвычайную кропотливость, то представляется цѣлесообразнымъ учредить для этого при отдѣлѣ спеціальную должность регистратора, оставивъ на обязанности консерватора храненіе коллекцій, ихъ размѣщеніе и хозяйственныя заботы по музею.

На это потребуются средства, и большія, которыхъ въ распоряженіи отдѣла совершенно не имѣется. Вспомнимъ далѣе, что почти всѣ коллекціи музея еще научно не описаны.

А между тѣмъ, одно научное описаніе той или иной значительной коллекціи можетъ уже составить почтенную задачу для ученаго. Минусинскій музей только тогда и получилъ громкую извѣстность, когда Д. А. Клеменцъ составилъ иллюстрированное описаніе его знаменитыхъ бронзовыхъ коллекцій. Эта работа явилась въ то же время однимъ изъ самыхъ видныхъ научныхъ трудовъ Клеменца. Подробное описаніе спеціалистомъ этнографическихъ или археологическихъ коллекцій нашего музея, несомнѣнно, также бы доставило этому музею заслуженную извѣстность.

На изданіе такихъ описаній нужны опять-таки большія средства, которыя ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть выкроены изъ скромнаго бюджета отдѣла.

Правитель дѣлъ *И. Серебренниковъ*.

Таково письмо г. Серебренникова. Разберемся въ немъ.

Прежде всего, считаю пріятнымъ долгомъ отмѣтить *самый фактъ* появленія подобнаго письма. Про недостатки Иркутскаго географическаго отдѣла много было писано и въ мѣстныхъ газетахъ, и въ «Сибирской Жизни» (напр. № 109 за 1914 г.) и въ «Сибирской Лѣтописи». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдѣлъ выступалъ съ опроверженіями, правда, носившими характеръ канцелярскихъ отписокъ, но большею частью онъ молчалъ. Или для огражденія своего достоинства изобрѣталъ такіе способы, которымъ во всякомъ случаѣ не мѣсто въ ученомъ учрежденіи. Я говорю о той скандальной исторіи, когда распорядительный комитетъ географическаго отдѣла обсуждалъ вопросъ о возбужденіи передъ Иркутскимъ генералъ-губернаторомъ Л. М. Князевымъ жалобы на меня за одну изъ непріятныхъ для отдѣла статей, въ цѣляхъ административнаго воздѣйствія. Все это было раньше, хотя совсѣмъ недавно; оставимъ старое, благо новое лучше. Повторяю, я съ удовольствіемъ привѣтствую начало иныхъ отношеній географическаго отдѣла къ печати. Жаль только, въ письмѣ нѣтъ указаній, что оно исходитъ отъ всего распорядительнаго комитета, а не лично отъ одного правителя дѣлъ—И. И. Серебренникова, такъ сказать, за его личный страхъ и рискъ.

Остановлюсь теперь на *личномъ элементѣ* статей и замѣтокъ, въ которыхъ передавалось о непорядкахъ въ географическомъ музеѣ.

«Не касаясь вопроса о томъ,—говоритъ г. Серебренниковъ,—съ какою цѣлью печатаются эти замѣтки, и преслѣдуютъ ли при этомъ авторы таковыхъ общественные или личные интересы,—пытаемся лишь объективно разобраться въ дѣйствительномъ положеніи дѣла».

Этой фразой г. Серебренниковъ навелъ вполнѣ опредѣленную густую тѣнь на авторовъ, писавшихъ о недочетахъ географическаго отдѣла Правда, это сдѣлано въ достаточно *стыдливой* формѣ, но вѣдь въ опроверженіяхъ и нападкахъ на вѣтеръ словъ не бросаютъ; говоритъ только о томъ, что способно «убить противника на разстояніи».

И. И. Серебренниковъ—человѣкъ серьезный, но, къ сожалѣнію, прибѣгаетъ къ такимъ методамъ опроверженій, которые отнюдь не могутъ быть названы серьезными. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ ссылкой на личный интересъ можно кого нибудь убѣдить въ томъ, чтобы считалъ несуществующими разные безпорядки, имѣвшіе мѣсто въ географическомъ отдѣлѣ. Конечно, нѣтъ.

Съ другой стороны. Допустимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по неумолимому требованію обстоятельствъ, приходится прибѣгать къ экивокамъ на личный интересъ. Спрашивается, имѣлъ ли какое нибудь право г. Серебренниковъ оперировать съ личнымъ интересомъ въ условіяхъ настоящаго дѣла. Мнѣ кажется, нѣтъ, и вотъ почему.

Прежде всего, съ формальной точки зрѣнія. Въ этомъ отношеніи г. Серебренниковъ не правъ уже по одному тому, что упустилъ изъ виду логическій законъ достаточнаго основанія, такъ какъ не привелъ никакихъ доказательствъ для своего, я бы сказалъ, нѣсколько смѣлаго кивка.

Я скажу больше. Г. Серебренниковъ и не могъ привести этихъ доказательствъ, такъ такъ ихъ нѣтъ. Кому—кому, а г. Серебренникову въ особенности извѣстно, что рѣшительно никто изъ авторовъ статей о непорядкахъ въ географическомъ отдѣлѣ не мечтаетъ о курульныхъ креслахъ въ этомъ ученомъ учрежденіи...

Теперь посмотримъ на личный интересъ по существу. Пусть г. Серебренниковъ правъ, у всѣхъ насъ авторовъ есть —разумѣется, у каждаго свой—какой нибудь личный интересъ отмѣчать въ своихъ статьяхъ отрицательныя явленія въ жизни географическаго отдѣла. Ну, что же, отъ этого измѣнится суть дѣла или нѣтъ? Конечно, нѣтъ. Безпорядки всегда останутся безпорядками. Личный интересъ авторовъ тутъ не при чемъ. Если бы въ географическомъ отдѣлѣ жизнь текла нормально, если бы не было недостойныхъ ученаго учрежденія явленій, то могу завѣрить г. Серебренникова, что ничьи и никакіе личные интересы не вызвали бы ряда статей съ неблагопріятными для географическаго отдѣла свѣдѣніями.

Я совершенно не допускаю мысли, чтобы всего этого не понималъ г. Серебренниковъ и, надо полагать, что ссылка его на личные интересы не что иное, какъ *досадная оплошность* полемическаго пера.

Въ своемъ письмѣ въ газету «Сибирь» г. Серебренниковъ имѣетъ въ виду опровергнуть слѣдующія три положенія своихъ оппонентовъ: «1) въ музеѣ географическаго общества царятъ непорядки; 2) за непорядки эти должны нести отвѣтственность руководители отдѣла; 3) всѣ эти «оффиціальные сибиревѣды» недостойны занимаемаго мѣста».

Разсмотримъ эти опроверженія.

Отвергаетъ ли г. Серебренниковъ существованіе въ музеѣ непорядковъ? Нѣтъ, онъ ихъ *признаетъ*: «мы соглашаемся, что непорядки въ музеѣ отдѣла есть»; «непорядки въ музеѣ

имѣются»: «нужно, конечно, привести музей въ порядокъ»; «у насъ отсутствуетъ аккуратность и педантичность». Все это собственныя слова г. Серебренникова.

А «Сибирская Лѣтопись» только и писала объ этихъ непорядкахъ. Значитъ, она просто констатировала факты.

Только въ одномъ случаѣ г. Серебренниковъ пытается доказать, что «Сибирская Лѣтопись» не совсѣмъ точно передала свѣдѣнія. Это относительно небрежнаго храненія археологическихъ коллекцій. Но защитникъ здѣсь не правъ, несмотря на то, что категорически утверждаетъ «о полной сохранности» и «полномъ порядкѣ» коллекцій. Г. Серебренниковъ упустилъ изъ виду, что подобнымъ «полнымъ порядкомъ» весьма опредѣленно *возмущался* археологъ Б. Э. Петри, и возмущался не какъ нибудь втихомолку, а при публикѣ, при посторонихъ лицахъ. Скажите, г. Серебренниковъ, развѣ археологъ можетъ возмущаться при видѣ «полной сохранности» и «полнаго порядка» интересующихъ его коллекцій...

Еще двухъ фактовъ касается г. Серебренниковъ въ своемъ письмѣ. Факты эти сообщены журн. «Багульникомъ». Рѣчь идетъ о небрежномъ храненіи палеонтологическихъ коллекцій и рукописей.

Я не знакомъ съ «рукописнымъ» отдѣломъ музея, объ этомъ можетъ разсказать авторъ статьи въ «Багульникѣ».

Что же касается бараньихъ череповъ, которыми интересовалась докторъ зоологіи М. В. Павлова, то дѣло было именно такъ, какъ объ этомъ сообщено въ «Сибирской Лѣтописи» (стран. 246).

Въ справедливости сообщенія г. Серебренниковъ можетъ вполнѣ убѣдиться, если обратится за справками къ очевидцамъ событія и особенно къ самой г-жѣ Павловой.

Маленькая деталь.

Исторію съ пропажей бараньихъ череповъ г. Серебренниковъ опровергаетъ слѣдующей характерной фразой: «указаніе это также остается на совѣсти журнала («Багульника»), такъ какъ г-жа Павлова съ просьбою показать ей эти черепа къ администраціи музея не обращалась».

Что это другое, какъ не пустая бюрократическая отписка, снабженная для большей убѣдительности ссылкой на совѣсть!?

Совѣсть—совѣстью, а факты—фактами. Вообще, съ совѣстью необходимо деликатнѣе обращаться. На этой почвѣ, съ одинаковымъ правомъ, я могъ бы, напр., предложить такой вопросъ: у кого больше совѣсти—у тѣхъ ли, кто вскрываетъ непорядки музея, или у тѣхъ, кто, подъ покровомъ канцелярской отписки, тщательно ихъ замазываетъ.....

По словамъ г. Серебренникова выходитъ, что М. В. Павлова сдѣлала большую ошибку тѣмъ, что начала изученіе бараньихъ череповъ въ музеѣ не въ административномъ порядкѣ; тогда бы, очевидно, всѣ черепа оказались въ «полной сохранности» и «полномъ порядкѣ».

Къ сожалѣнію, г. Серебренниковъ и здѣсь не правъ. О «пропавшихъ» черепахъ наводились справки у консерватора музея И. Н. Богородскаго, но тотъ никакихъ «разъясненій» не въ состояніи былъ дать.

Итакъ, непорядки въ музеѣ географическаго общества есть и пока ничѣмъ не опровергнуты сообщенія «Сибирской Лѣтописи» объ этихъ непорядкахъ.

Дальше г. Серебренниковъ подробно останавливается на выясненіи того положенія, что за непорядки музея не должны нести отвѣтственности руководители географическаго отдѣла. Свои оправданія г. Серебренниковъ базируетъ на слѣдующихъ основаніяхъ.

Во-первыхъ, непорядки въ музеѣ — явленіе, такъ сказать *традиціонное*. Со дня сотворенія нынѣшняго музея, послѣ пожара 1879 года, при всѣхъ консерваторахъ, «музейное дѣло не находилось на должной высотѣ»; «непорядки явились давнымъ давно». Изъ этихъ посылокъ г. Серебренниковъ, въ силу присущей ему осторожности, не дѣлаетъ яркаго вывода, но цѣль посылокъ очевидна: подготовить читателя къ снисходительному отношенію къ руководителямъ музея, въ которомъ такое обиліе непорядковъ. Дескать, чуть не 40 лѣтъ шли непорядки въ музеѣ, нельзя же во всемъ этомъ винить нынѣшнихъ руководителей географическаго отдѣла; за грѣхи отцовъ не должны наказываться дѣти.

Пусть такъ. Но позвольте спросить: ну, а вы, дѣти, исправив, вы не увеличиваете непорядковъ въ музеѣ? Я согласился бы съ доводами г. Серебренникова, если бы онъ прямо, безъ всякихъ иносказаній, заявилъ такъ: да, въ музеѣ есть непорядки, но всѣ они возникли въ старое, прежнее время, при чемъ нынѣшніе руководители, по мѣрѣ своихъ силъ и знаній, трудятся надъ приведеніемъ музея въ порядокъ. Къ сожалѣнію, вотъ этого то никто изъ дѣятелей музея и не можетъ заявить, такъ какъ противоположные факты на лицо, и ихъ не мало. Часть этихъ фактовъ опубликована въ «Сибирской Лѣтописи» и «Багульникѣ», часть еще ждетъ своего опубликованія.

Я понимаю, что ссылка г. Серебренникова на старые грѣхи — одинъ изъ выгодныхъ полемическихъ пріемовъ, но

нельзя забывать, что подобный пріемъ никогда не влечетъ за собой *полнаго* оправдательнаго приговора, а только даетъ виновному то или другое *снисхожденіе*.

Во-вторыхъ, г. Серебренниковъ оправдываетъ руководителей географическаго отдѣла за музейскіе непорядки тѣмъ, что эти лица *были заняты другой работой*: «помимо музея отдѣлъ имѣетъ большую библіотеку, приведенную за послѣдніе годы въ полный порядокъ только потому, что отдѣломъ было приглашено платное лицо—библіотекарь; имѣетъ отдѣлъ и свой книжный складъ, продолжаетъ издательскую дѣятельность, снаряжаетъ экспедиціи и экскурсіи, устраиваетъ лекціи и доклады».

Всѣ эти добродѣтельныя ламентаціи представляютъ изъ себя не что иное, какъ пушистую канцелярскую отписку. Только чуть-чуть вниманія къ словамъ г. Серебренникова.

Руководителями отдѣла являются: предсѣдатель, правитель дѣлъ и 10 членовъ распорядительнаго комитета; сюда же слѣдуетъ отнести и консерватора музея. Кто же изъ этихъ лицъ принимаетъ ближайшее участіе въ той массѣ дѣлъ, о которыхъ говоритъ г. Серебренниковъ и которыя мѣшаютъ заняться благоустройствомъ музея? Посмотримъ.

Упорядоченіе библіотеки сдѣлано *пасынымъ лицомъ*, которое, кстати сказать, завѣдуетъ и книжнымъ складомъ: продажу книгъ со склада производятъ сторожа и консерваторъ музея; экспедиціи и экскурсіи совершаются во всякомъ случаѣ *не нынѣшними руководителями отдѣла*; лекціи и доклады бываютъ только изрѣдка и читаются также *посторонними* людьми. Единственно, чего нельзя отрицать, это редактированія «Извѣстій» отдѣла однимъ изъ членовъ распорядительнаго комитета; но и это не такая дѣятельность, при которой не оставалось бы времени хоть сколько—нибудь поработать въ безпорядочномъ музеѣ. А остальные руководители?

Повторяю, ссылка г. Серебренникова на переобремененность ученой работой руководителей географическаго отдѣла есть только бюрократическая отписка, принаряженная въ ученую тогу со многими складками.

Въ третьихъ, по словамъ г. Серебренникова, въ музейскихъ непорядкахъ виноваты не руководители отдѣла, а *отсутствіе значительныхъ денежныхъ суммъ*.

Никто, конечно, не станетъ спорить, что «деньги великое дѣло, въ деньгахъ и сила и власть». Но знаменитый Минусинскій музей имѣетъ гораздо меньшій годовой бюджетъ, и однако ведетъ свое дѣло исправно: тамъ невольно обращаютъ

на себя вниманіе опрятность, сохранность и правильное расположеніе экспонатовъ. Это потому, что въ Минусинскомъ музеѣ къ дѣлу приложены любящія руки Н. М. Мартьянова и Н. И. Тронина. Въ Иркутскомъ музеѣ этихъ любящихъ рукъ не видно... Кто же виноватъ? Конечно, руководители.

Съ другой стороны, географическій отдѣлъ не такъ ужъ бѣденъ, чтобы не наскрести нѣсколькихъ сотъ рублей на дѣло упорядоченія музея. Нашелъ же отдѣлъ деньги на экспедицію А. В. Львова, человѣка пользующагося въ ученомъ отношеніи совершенно опредѣленной репутаціей. Или вотъ бросилъ также распорядительный комитетъ сотню—двѣ на составленіе путеводителя по музею: какъ извѣстно, это начинаніе—весьма почтенное по существу—окончилось мыльнымъ пузыремъ: и каталогъ и деньги улетучились... А все отъ того, что дѣло было организовано изъ рукъ вонъ плохо.

Нѣтъ, музейскіе непорядки коренятся не въ одномъ лишь скромномъ бюджетѣ, какимъ довольствуется географическій отдѣлъ, а въ чемъ то еще другомъ, и это другое, несомнѣнно, лежитъ въ руководителяхъ музея. Тутъ нужна любовь, а не канцелярскія отписки о недостаткѣ денегъ. Н. М. Мартьяновъ, аптекарскій провизоръ, мелкій служащій, обремененный семьей, можно сказать, изъ грошей создалъ великое дѣло.

Въ четвертыхъ, въ музейскихъ непорядкахъ г. Серебренниковъ обвиняетъ «больше всего нашу россійскую халатность». Это старый пріемъ всяческихъ оправданій, но не убѣдительный.

Послѣдній пунктъ, который опровергаетъ г. Серебренниковъ, формулированъ имъ такъ: «всѣ эти «оффиціальные сибиревѣды» недостойны занимаемаго ими мѣста».

По внѣшнимъ побужденіямъ причинамъ. Иванъ Иннокентіевичъ не касается заслугъ руководителей географическаго отдѣла: это было бы не совсѣмъ скромно. Но разъ доказана невиновность «оффиціальныхъ сибиревѣдовъ» въ музейскихъ непорядкахъ, то ясное дѣло, что вѣтъ основанія считать ихъ недостойными занимаемаго ими мѣста. По крайней мѣрѣ, я такъ понимаю мысль автора.

Что сказать по поводу этой части опроверженія г. Серебренникова?

Прежде всего, почитаю долгомъ заявить, что ни я, ни сотрудники «Сибирской Лѣтописи» никогда не ставили и не рѣшали вопроса: достойны или недостойны руководители гео-

графическаго отдѣла занимаемыхъ ими мѣстъ. Это дѣло ихъ собственнаго разумѣнія и довѣрія избирателей.

Но мы считали и считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ указывать на непорядки какъ въ географическомъ отдѣлѣ, такъ и въ другихъ общественныхъ организаціяхъ, дѣятельность которыхъ соприкасается съ задачами «Сибирской Лѣтописи», — указывать, конечно, въ цѣляхъ устраненія ненормальныхъ явленій, а не лицъ.

Возьмемъ для примѣра Р. С. Пророкова. Онъ давно работаетъ въ отдѣлѣ: ну, и пусть продолжаетъ свою дѣятельность —дай, Богъ!—съ успѣхомъ. Но мы не можемъ одобрить, когда его «ученый престижъ» попадаетъ на страницы юмористическихъ листковъ. Въ №-рѣ 4 „Иркутскаго Жала", отъ 29 августа 1915 года, напечатана замѣтка подъ заглавіемъ: «Среди Иркутскихъ ученыхъ». Въ ней, между прочимъ, говорится:

> Среди звѣздочетовъ Иркутской обсерваторіи географическаго общества—инцидентъ.
>
> Завѣдующій астрономіей г. Пророковъ публикаціями назначилъ затменіе солнца въ Иркутскѣ на 29 іюля.
>
> Но солнце категорически отказалось исполнить распоряженіе г. Пророкова и—какъ на зло—29 іюля свѣтило, что называется во-всю...
>
> Публика пошла съ претензіями къ демонстратору Евсенину... послѣдній къ Пророкову.
>
> Оказалось, что публикація сдѣлана для того, чтобы «завлекать въ обсерваторію публику, а то она мало ходитъ».
>
> Г. Евсенинъ заявилъ въ газетахъ, что публикація о затменіяхъ онъ не давалъ и ушелъ въ отставку...

Вотъ съ такими фактами мы не миримся: это обидная профанація науки.

Или возьмемъ другой примѣръ. Консерваторомъ музея теперь состоитъ Н. Н. Богородскій. Получаетъ онъ грошевое вознагражденіе: по иниціативѣ печальной памяти извѣстной «кампаніи», права его настолько урѣзаны, что изъ отвѣтственнаго и виднаго должностного лица онъ превращенъ чуть ли не въ стариннаго сторожа. Мы говоримъ, что это ненор-

мально; что, въ интересахъ дѣла, необходимо возстановить консерваторскую должность на прежнихъ основаніяхъ. Съ другой стороны, мы вполнѣ опредѣленно говорим о весьма крупныхъ недостаткахъ г. Богородскаго, какъ консерватора. У него вообще не замѣтно любовнаго отношенія къ музейскимъ сокровищамъ; затѣмъ, онъ прямо такъ не понимаетъ научнаго значенія нѣкоторыхъ коллекцій и даже не скрываетъ своего ироническаго отношенія къ нимъ, напр. къ остаткамъ каменнаго вѣка и къ этнографическимъ экспонатамъ.

Все это ни для кого не секретъ; «Сибирская Лѣтопись» только регистрируетъ прискорбные факты и обращаетъ на нихъ общественное вниманіе. И больше ничего. А достойны ли недостойны руководители географическаго отдѣла занимаемыхъ ими мѣстъ—это для «Сибирской Лѣтописи» дѣло второстепенное. Въ частности, тотъ же г. Богородскій пусть продолжаетъ въ музеѣ свое благодѣтельное и мирное житіе, лишь бы только въ порученномъ ему дѣлѣ искрилась его хозяйская заботливость...

В. Ватинъ.

Администрація и попытки насажденія крѣпостничества въ Сибири.

Какъ извѣстно, къ первой половинѣ XIX вѣка относится рядъ попытокъ насадить въ Сибири крѣпостное право. Заинтересованные въ этомъ круги въ лицѣ сибирскаго чиновничества не разъ ходатайствовали передъ высшей властью объ отдачѣ имъ земель и людей въ Сибири. Но власть не рѣшалась идти имъ на встрѣчу, главнымъ образомъ, изъ соображеній полицейскаго характера. Какъ писалъ министръ государственныхъ имуществъ Киселевъ въ представленной имъ Государю въ 1838 г. докладной запискѣ, «Сибирь отъ времени до времени болѣе и болѣе населяется преступными людьми, безземельными, развратными, и неблагонамѣренными. Слѣдовательно, распространять въ такомъ краѣ населеніе крѣпостныхъ крестьянъ,—говоритъ онъ далѣе,—значило бы увеличивать поводъ къ опасеніямъ, если не совсѣмъ достовѣрнымъ, то по крайней мѣрѣ вѣроятнымъ».

Поэтому, несмотря на многочисленныя ходатайства чиновниковъ о надѣленіи ихъ землей и крестьянами, проектъ министра государственныхъ имуществъ о переселеніи государственныхъ крестьянъ въ Сибирь потерпѣлъ фіаско, а относительно помѣщичьихъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ министра явилась помѣтка его слѣдующаго содержанія: «Его Величество изволилъ замѣтить, что ни въ какомъ случаѣ поселеніе помѣщичьихъ крестьянъ допущено въ Сибири быть не можетъ».

Потерпѣли фіаско и дальнѣйшія попытки въ томъ же направленіи. Не малую роль сыграли въ данномъ случаѣ и порожденныя толками о прикрѣпленіи къ землѣ волненія Сибирскихъ крестьянъ въ Курганскомъ округѣ Тобольской губерніи въ 1843 г. и въ Енисейской губерніи въ 1844 г. [1])

Неудивительно поэтому, если позднѣйшіе проекты насажденія крѣпостничества въ Сибири вызывали къ себѣ такое же отрицательное отношеніе со стороны высшей власти. Осталась безъ послѣдствій всеподданнѣйшая докладная записка ревизовавшаго Сибирь генералъ-адъютанта Анненкова 2-го, въ

---

[1]) К. П. Михайловъ. Крѣпостничество въ Сибири. Страницы изъ исторіи инородческой и крестьянской неволи) въ Сибирскомъ Сборникѣ 1886, книга 1, 107. О волненіяхъ помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи см. Н. Й. Игнатовичъ. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. 2-е изд. Москва, 1910.

которой онъ, между прочимъ, предлагалъ образовать въ Сибири «высшее или дворянское сословіе посредствомъ раздачи земель за службу и продажи ихъ въ частную собственность, съ разрѣшеніемъ водворять на нихъ крестьянъ на правахъ обязанныхъ». [2])

Сюда же относится и любопытная бумага, найденная нами въ дѣлахъ Минусинскаго словеснаго суда. 10 ноября 1852 г. помѣщенъ указъ изъ Енисейскаго губернскаго правленія Минусинскому словесному суду.

«По сношенію г. генералъ-губернатора Восточной Сибири съ министромъ государственныхъ имуществъ о мѣрахъ къ ограниченію въ Сибири вталѣнія крѣпостными людьми, его высокопревосходительствомъ по этому предмету получено отъ г. товарища министра внутреннихъ дѣлъ отношеніе отъ 28 августа о томъ, что Высочайше утвержденнымъ 12 августа 1830 г. положеніемъ комитета г.г. министровъ... рѣшительно воспрещено селить крѣпостныхъ людей въ Сибири. Его высокопревосходительство, давая о семъ знать г. начальнику губерніи, изволилъ предписать принять надлежащія мѣры и наблюсти о недопущеніи водворенія крѣпостныхъ людей въ Енисейской губерніи. Въ указѣ правительствующаго сената отъ 27 октября 1839 изъяснено, что Государь Императоръ въ 11 день минувшаго сентября Высочайше повелѣть соизволилъ разрѣшить въ Сибирскихъ губерніяхъ отводъ земель по Всемилостивѣйшему пожалованію для учрежденія фабричныхъ и промышленныхъ заведеній съ тѣмъ, чтобы, согласно Высочайше утвержденному 12 августа 1830 г. положенію комитета министровъ, на земляхъ сихъ не были водворяемы люди крѣпостного состоянія».

---

[2]) Михайловъ, ор. с., 114.

Отвѣтъ г. Колосову.

Въ послѣдней книжкѣ «Сибирскихъ Записокъ» г. Колосовъ расшифровалъ свои темные намеки на меня и выяснилъ, какъ нужно понимать порокъ «Сибирскаго Архива».

Оказывается, за все время своей редакторской и педагогической дѣятельности я совершилъ *одинъ* грѣхъ, совершилъ его слишкомъ *полтора года* тому назадъ.

Въ свое время г. Колосовъ объ этомъ грѣхѣ молчалъ; тогда, очевидно, не *въ его интересахъ* было ограждать общественную нравственность въ лицѣ читателей и сотрудниковъ «Сибирскаго Архива».

Мой грѣхъ—а, слѣдовательно, и порокъ «Сибирскаго Архива»—заключается въ томъ, что я напечаталъ въ №-рѣ 4—5 этого журнала за 1915 годъ статью о 25—лѣтней учебно-педагогической дѣятельности главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири Г. П. Василенко.

Это мое непосредственное начальство и въ 1915 году и въ настоящее время. Г. Колосову, конечно, извѣстно это обстоятельство и, если бы онъ отнесся къ нему съ должнымъ вниманіемъ, то, можетъ быть, понять бы, что въ данномъ исключительномъ случаѣ я имѣю право разсчитывать на нѣкоторую съ его стороны деликатность.

По поводу своего грѣха могу сдѣлать *кое-какія* объясненія.

Упомянутая статья написана не мной и даже не сотрудникомъ «Сибирскаго Архива»; въ этой статьѣ я никакихъ редакторскихъ поправокъ, а тѣмъ болѣе добавленій не дѣлалъ.

Отмѣтить четвертьвѣковую дѣятельность Г. П. Василенко считалъ своимъ долгомъ. Это безусловно выдающійся работникъ въ области народнаго образованія Восточной Сибири. Вотъ цифры, а не слова.

Ко времени вступленія Г. П. Василенко въ должность главнаго инспектора училищъ въ Восточно-Сибирскомъ учебномъ округѣ было всего 998 учебныхъ заведеній; къ 1 января 1916 года число учебныхъ заведеній возросло до 1960, т. е. почти удвоилось въ теченіи какихъ нибудь 8 лѣтъ; въ среднемъ ежегодно прибавлялось по 120. 25 учебныхъ заведеній. Какъ извѣстно, учебныя заведенія открываются не по щучьему велѣнію: для этого необходимы особые труды и хлопоты, тѣмъ болѣе, что для составленія планомѣрной системы постепеннаго развитія въ краѣ школьныхъ сѣтей совершенно не было подготовленнаго матеріала. Въ связи съ

увеличеніемъ числа школъ росло и канцелярское дѣло. Въ 1907 году (за годъ до вступленія Г. П. Василенко въ занимаемую имъ нынѣ должность) всѣхъ исходящихъ бумагъ изъ канцеляріи главнаго инспектора было 4256, а въ 1915 году 14734. Между тѣмъ, силы канцеляріи тѣ же самыя, установленныя штатами еще 1867 года.

Г. Колосову и «Сибири» (№ 274) особенно не нравится, что Г. П. Василенко были сдѣланы привѣтствія отъ «союза русскаго народа» и «отдѣла русскаго собранія» и что, дескать, «никакія общественныя организаціи г. Иркутска не приняли участія въ чествованіи 25-лѣтія его служебной дѣятельности».

Прежде всего, необходимо сказать, что юбилей Г. П. Василенко—явленіе случайное, частнаго характера. Какъ извѣстно, на празднованіе юбилеевъ должностныхъ лицъ необходимо испрашивать разрѣшеніе подлежащаго начальства, въ данномъ случаѣ министерства народнаго просвѣщенія. Такъ и предполагалось сдѣлать: къ Г. П. Василенко обратилась группа лицъ съ просьбой дозволить имъ возбудить ходатайство объ официальномъ разрѣшеніи празднованія юбилея 25-лѣтней его учебно-педагогической дѣятельности. Но г. Василенко убѣдительнымъ образомъ отклонилъ эту просьбу. При такихъ условіяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи, чтобы въ чествованіи Г. П. Василенко приняло значительное количество лицъ, учрежденій и общественныхъ организацій. Даже нѣкоторыя изъ учебныхъ заведеній округа ничего не знали объ юбилеѣ.

И тѣмъ не менѣе г. Колосовъ и «Сибирь» не правы; изъ Иркутскихъ общественныхъ организацій Г. П. Василенко привѣтствовали: городское управленіе, общество врачей, а также родительскій комитетъ и попечительный совѣтъ 1-ой женской гимназіи.

Кромѣ того, Г. П. Василенко получены были поздравленія отъ общественныхъ управленій Ачинска, Бодайбо, Минусинска, Верхнеудинска, Троицкосавска и др.

Еще ранѣе Ачинская городская дума избрала Г. П. Василенко *почетнымъ гражданиномъ* города Ачинска.

Что же касается привѣтствій г. Василенко отъ правыхъ организацій г. Иркутска, то необходимо еще имѣть въ виду, что эти организаціи содержатъ въ городѣ свои учебныя заведенія, находящіяся въ вѣдѣніи учебнаго округа.

* *
*

Г. Колосовъ не удержался отъ искушенія поставить въ связь съ юбилейной статьей о г. Василенко мою служебную карьеру.

Здѣсь онъ ошибается. Извиняюсь передъ читателемъ за то, что *вынужденно* долженъ сказать о происхожденіи своего директорства.

Директорская должность впервые была мнѣ предложена въ 1911 году не начальствомъ моимъ, а Канскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ. Именно, лѣтомъ этого года было открыто въ Канскѣ городское реальное училище: городскимъ головой г. Бобровымъ мнѣ и было присланно телеграфное и письменное предложеніе занять должность директора этого училища. Я отказался, вслѣдствіе незнакомства съ постановкой учебнаго дѣла въ реальныхъ училищахъ. Должень сказать, что ни съ г. Бобровымъ, ни съ кѣмъ либо изъ гласныхъ Канской городской думы я не былъ знакомъ лично.

Черезъ два года мнѣ была предложена—уже начальствомъ моимъ—должность инспектора народныхъ училищъ: я отказался по тѣмъ же мотивамъ, что и отъ Канска.

Въ Минусинскъ я попалъ, такъ сказать, случайно. Туда предназначенъ былъ И. И. Ждановъ, но онъ устроился директоромъ учительскаго института въ Николаевѣ. Только тогда я получилъ предложеніе директорства во вновь открываемой въ Минусинскѣ учительской семинаріи. При этомъ мнѣ было указано, что Минусинскій край, богатый историческими памятниками, будетъ вполнѣ подходящимъ мѣстомъ для меня, какъ редактора историческаго журнала. Въ Минусинскѣ я прослужилъ три года.

Въ іюнѣ 1915 года я былъ вызванъ телеграммой начальства въ Иркутскъ.

Прежде всего, по пріѣздѣ въ Иркутскъ, я представился попечителю учебнаго округа ген.-губернатору Л. М. Князеву, который сообщилъ мнѣ, что для «пользы службы» онъ рѣшилъ перевести меня изъ Минусинска директоромъ Иркутскаго учительскаго института.

Я, разумѣется, поблагодарилъ ген.-губернатора за любезное вниманіе, но въ то же время представилъ нѣсколько соображеній, по которымъ переводъ въ Иркутскъ считалъ не подходящимъ для себя. Именно.

Служба въ учительскихъ институтахъ, а особенно въ Иркутскомъ, не изъ заманчивыхъ. Содержаніе незначительное—по старымъ штатамъ,*) а работы масса: взрослая ауди-

*) Въ настоящее время директоръ института получаетъ въ годъ 3000 рублей, пенсія 900 рублей; директора реальныхъ училищъ и гимназій—по 4950 рублей, пенсія 2000 рублей. Преподаватели институтовъ получаютъ всего 1800 рублей. пенсія 600 рублей; преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній имѣютъ: минимумъ—до 2000 рублей. максимумъ—свыше 4000 рублей, пенсія 1800 рублей.

торія, въ рядахъ которой бываютъ и окончившіе среднюю школу, предъявляетъ къ педагогамъ повышенныя требованія; лекціонная система заставляетъ серьезно готовиться къ каждому уроку; наконецъ, пробные уроки съ конспектами, руководствомъ и конференціями даютъ не мало работы, которой не знаютъ гимназіи и реальныя училища.**)

Недаромъ въ послѣднее время замѣчается повальное бѣгство изъ институтовъ педагоговъ и директоровъ. Въ №-рѣ 218 «Сибирской Жизни» за 1916 годъ (9 октября) было напечатано интересное письмо директора Томскаго учительскаго института г. Успенскаго, въ которомъ онъ говоритъ: «удивительно не то, что трудно теперь стало искать лицъ, желающихъ служить въ институтахъ; наоборотъ, достойно удивленія то, что находятся еще лица, продолжающія въ наше время служить въ институтахъ. Честь имъ и хвала»!

Я четыре года (1909—1913) служилъ преподавателемъ въ Иркутскомъ учительскомъ институтѣ и отлично зналъ объ условіяхъ службы здѣсь.

Помимо этихъ, такъ сказать, общихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, у меня были личныя затрудненія, заставлявшія отказаться отъ перевода.

Во-первыхъ, мнѣ безконечно было жаль оставить Минусинскую семинарію, которую я оборудовалъ отъ гвоздя до физическаго кабинета.

Затѣмъ, пугала и матеріальная сторона. Я сейчасъ состою директоромъ института и предсѣдателемъ педагогическаго совѣта 1-й женской гимназіи, т. е. на моихъ плечахъ два учебныхъ заведенія и по обоимъ изъ нихъ получаю на 100 рублей въ мѣсяцъ меньше, чѣмъ въ Минусинскѣ, гдѣ у меня была только одна учительская семинарія.

Потомъ меня очень смущало наемное помѣщеніе Иркутскаго института. Надобно видѣть эти деревянныя зданія, построенныя для частныхъ квартиръ, а теперь приспособленныя подъ учебное заведеніе, чтобы понять мою тревогу. Правда, я зналъ, что учебнымъ начальствомъ уже начато дѣло о постройкѣ собственнаго зданія подъ институтъ, но, зная, что эти ходатайства, въ виду обилія ихъ, медленно удовлетворяются, я, черезъ три дня по вступленіи въ должность

**) «Необходимо принять во вниманіе еще и то важное обстоятельство, - пишетъ г. Успенскій,—что на должности преподавателей института требуются люди уже солиднаго предварительнаго педагогическаго опыта и повышенныхъ дарованій и знаній, такъ какъ служба въ институтѣ отвѣтственнѣе и сложнѣе службы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ» («Сибирская Жизнь», 1916 г., № 218).

директора института, съ согласія учебнаго округа, отправился (конечно, на свой счетъ, безъ всякихъ субсидій) въ Петроградъ хлопотать объ ускореніи дѣла по постройкѣ института.

Наконецъ, были и другія мелкія препятствія.

Л. М. Князевъ выслушалъ меня и, затѣмъ, въ теченіи не менѣе, какъ часа времени, убѣждалъ меня не отказываться отъ перевода въ Иркутскъ. Я не устоялъ.

Вотъ, г. Колосовъ, какъ «дошелъ я до жизни такой».

* * *

Г. Колосовъ не можетъ признать меня законно существующимъ редакторомъ, между прочимъ, потому, что я не сподобился мученическаго вѣнца, вродѣ профессоровъ Соболева и Малиновскаго, редактировавшихъ газету «Сибирская жизнь» и за это потерпѣвшихъ.

На это я долженъ сказать, что въ мои редакторскія задачи никогда не входило стремленіе добиться—добиться во что бы то ни стало—славы потерпѣвшаго отъ начальства. Я позволяю себѣ дерзость думать, что тюрьма, централъ, Акатуй и т. д. не являются незыблемой гарантіей ума, дѣловитости и честности. Иначе не было бы ренегатовъ и Азефовъ.

Впрочемъ, за 5 лѣтъ своей редакторской дѣятельности кое-что получилъ и я. О *словесныхъ указаніяхъ* я умалчиваю. Изъ письменныхъ памятниковъ у меня имѣются два распоряженія: одно Иркутскаго ген.-губернатора отъ 14 декабря 1913 года за № 11384, и другое—главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири отъ 19 декабря того же года за № 11914. Въ одномъ изъ этихъ распоряженій имѣется слѣдующая фраза: «указываю вамъ, М. Г., на будущее время безусловно избѣгать такого литературнаго матеріала, помѣщеніе котораго могло бы повлечь за собой не только привлеченіе васъ къ отвѣтственности по закону, но даже и наложеніе на васъ административнаго замѣчанія или взысканія».

Вотъ, г. Колосовъ, въ какихъ условіяхъ я «благоденствую»,—какъ вы изволили выразиться.

* * *

Г. Колосовъ не одинъ разъ подчеркиваетъ мою мысль объ уголовномъ преслѣдованіи его, считая такую форму борьбы предосудительной.

Я ничего порочащаго не вижу въ обращеніи къ коронному суду, чтобы защитить свою личную честь. Въ особенности, когда приходится имѣть дѣло съ такими обвинителями, какъ г. Колосовъ, который *трусливо* уклонился отъ третейскаго суда и съ излишней скромностью умолчалъ о мотивахъ

своего поступка.

А вѣдь будь третейскій судъ—не пришлось бы г. Колосову такъ неумно изворачиваться. Затѣмъ, постановленіе суда общественной совѣсти сразу бы положило конецъ всякимъ недоразумѣніямъ по затронутому вопросу. Очевидно, это не входило въ разсчеты г. Колосова; и конечно, въ данномъ случаѣ онъ руководился не моими интересами, а *своими*, съ которыми совсѣмъ не совпадали перспективы третейскаго суда.

* *
*

Во избѣжаніе всякихъ кривотолковъ, считаю необходимымъ выяснить задачи „Сибирской Лѣтописи".

Журналъ основанъ въ 1911 году для разработки, главнымъ образомъ, вопросовъ историческаго характера, почему и названъ былъ „Сибирскимъ Архивомъ". Наряду съ исторіей удѣлялось нѣкоторое вниманіе и этнографіи.

Политики въ журналѣ никакой; на этомъ основаніи редакція никогда не спрашивала у сотрудниковъ, каковы у нихъ паспорта. Здѣсь могъ работать всякій, кому были дороги интересы прошлаго Сибири. Такъ обстоитъ дѣло и теперь. И дѣйствительно, въ журналѣ работаютъ писатели разнообразныхъ политическихъ направленій.

Въ частности, по вопросу областничества у редакціи нѣтъ какой нибудь опредѣленной тенденціи; здѣсь помѣщаются статьи и противъ областничества, не положено запрета на статьи и въ защиту его. Правда, пока въ журналѣ не печаталось областническихъ статей, но это не потому происходитъ, что редакція отказываетъ въ напечатаніи ихъ, а просто потому, что до сихъ поръ такихъ статей не поступало. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ въ Сибири большинство газетъ областническаго направленія и, слѣдовательно, областникамъ нѣтъ надобности обращаться къ услугамъ «Сибирской Лѣтописи». Другое дѣло съ противообластнической прессой; здѣсь большое оскудѣніе. Единственный органъ который рѣшительно выступаетъ противъ областничества, это—«Утро Сибири», издающееся въ Томскѣ и редактируемое В. Е. Волжаниновымъ.

«Сибирская Лѣтопись» не считаетъ возможнымъ уклоняться отъ обсужденія областническихъ вопросовъ, такъ какъ то или иное разрѣшеніе ихъ коренымъ образомъ затрагиваетъ интересы Сибири. Къ тому же, въ областничествѣ пока не все ясно; если его культурныя задачи не вызываютъ спора, то политическая платформа далеко не выявлена. Напр., не такъ еще давно дебатировался вопросъ: кто област-

ники—кадеты, или демократы. Затѣмъ, областники довольно туманно говорятъ о своихъ конечныхъ цѣляхъ, о классовыхъ взаимоотношеніяхъ и др. На почвѣ политической неопредѣленности областничества и происходитъ то явленіе, что къ областничеству причисляютъ себя даже такія теченія политической мысли, которыя по своимъ лозунгамъ далеко шире интересовъ «уѣздной колокольни».

* * *

Въ заключеніе считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ по поводу полемическихъ пріемовъ г. Колосова.

До послѣдняго выпада г. Колосова противъ меня, я почему то допускалъ возможность, что имѣю дѣло съ человѣкомъ интеллигентнымъ, который считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ объективно и съ необходимымъ уваженіемъ относиться къ человѣческой личности. Теперь же все больше и больше выясняется, что въ лицѣ г. Колосова мы имѣемъ особый видъ литератора, который, вслѣдствіе своей партійной замкнутости, отличается извѣстной узостью взглядовъ и страшной нетерпимостью ко всѣмъ, кто не съ нимъ.

Эта нетерпимость и неуваженіе къ личности доходятъ даже до смѣшного. Напр., въ своихъ выпадахъ г. Колосовъ называетъ меня, то директоромъ Иркутскаго учительскаго института, то директоромъ Иркутской учительской семинаріи, гдѣ я никогда не служилъ, то, наконецъ, директоромъ Минусинской духовной семинаріи, а въ Минусинскѣ такой семинаріи даже совсѣмъ нѣтъ. Видимо, г. Колосовъ пишетъ по рецепту: «задняя убо забывая, въ передняя же простирался».

Для г. Колосова существуетъ только одно изъ двухъ: или *все*, или *ничего*. Напр., либералъ въ глазахъ г. Колосова непремѣнно соединяется съ «мѣщанскимъ лицомъ пріемъ» и «большимъ барышемъ».

При своей партійной нетерпимости, г. Колосовъ обладаетъ еще въ достаточной мѣрѣ самомнѣніемъ. Онъ воображаетъ себя не больше, ни меньше какъ «литературнымъ генераломъ»,*) который призванъ только „распекать“ несогласныхъ съ нимъ лицъ, который для выясненія истины не можетъ унизиться до третейскаго суда съ какимъ то редакторомъ «Сибирской Лѣтописи».... Пор-роть, а не судиться! — вотъ что ярко просвѣчиваетъ въ полемическихъ пріемахъ г. Колосова.

---

*) «Литературность» г. Колосова особая; въ одной только маленькой газетной статьѣ встрѣчаются такія жемчужины: «чуть что», «основа всѣхъ основъ», «оптимизмъ отчаянія», «кто это не считаетъ азбукой соціальной науки», «какъ бы, однако, это ни было скоро, сейчасъ то что же намъ дѣлать».

Странная манера: набрасываться на перваго встрѣчнаго, не разобравшись толково въ лицахъ и обстоятельствахъ.

Минувшимъ лѣтомъ г. Колосовъ полемизировалъ съ Дм. Илимскимъ по вопросу «О лозунгахъ переживаемаго момента». По поводу этой полемики самъ г. Колосовъ пишетъ въ „Сибирской Жизни“ (№ 176):

«Мой коллега по «Сибирской Жизни» Дм. Илимскій почувствовалъ себя больше всего задѣтымъ тѣми частями моей замѣтки о немъ, въ которыхъ я говорю о «политическихъ примитивахъ» и о «нео-народничествѣ», причисляя къ послѣднему направленію и его самого. Онъ очень возмущенно говоритъ о манерѣ наклеивать на всѣхъ *аптекарскіе ярлики и грозитъ даже прекратить со мной всякую полемику, разъ я не умѣю корректно обращаться съ противниками*».

Курсивъ мой. Какъ видитъ читатель, г. Колосовъ уже давненько извѣстенъ за некорректнаго публициста, даже по отношенію, къ своему «уважаемому коллегѣ».

Не такъ давно тотъ же г. Колосовъ, не разобравшись въ фактахъ, набросился на своего бывшаго профессора М. Рейснера, котораго «сопоставилъ» съ проф. Гредескуломъ, обозвалъ «радикально—либеральнымъ» дѣятелемъ съ «мѣщанскимъ лицемѣріемъ» и даже «доносчикомъ».

Прфф. Рейснеръ письмомъ въ редакцію газеты «Сибирь» (№ 281) почтительно отклонилъ всѣ эти любезныя предложенія г. Колосова, добавивъ:

«*И тѣхъ словъ, которыя приписываетъ г. Колосовъ* тогдашней моей докладной запискѣ, поданной тринадцать лѣтъ тому назадъ, *въ ней не имѣется*».*)

Я могъ бы еще указать многихъ писателей и дѣятелей, надъ которыми этотъ «народникъ», г. Колосовъ, буквально глумился. Но думаю довольно и приведенныхъ фактовъ, чтобы составить опредѣленное мнѣніе относительно цѣнности полемическихъ пріемовъ г. Колосова.

А. Линьковъ.

---

*)По поводу этого отвѣта въ № рѣ 2 газеты „Сибирь“ за 1917 годъ г. Колосовъ помѣстилъ «Нѣсколько словъ проф. М. А. Рейснеру».

Отвѣтъ начинается обычнымъ для г. Колосова пренебрежительнымъ генеральскимъ заявленіемъ: „не имѣя возможности и не желая полемизировать съ проф. М. А. Рейснеромъ“ и т. д. Гдѣ ужъ тамъ унижаться передъ какимъ то профессоромъ...

«Не имѣя возможности полемизировать съ проф. М. А. Рейснеромъ»—этому я охотно вѣрю: противъ истины трудно возражать

Вмѣсто полемики, г. Колосовъ «счелъ нужнымъ внести нѣсколько поправокъ».

Характерны эти «поправки»: онѣ туманны, ничего не поправляютъ, а только свидѣтельствуютъ о достаточно скользкой изворотливости г. Колосова, когда онъ попадается въ некрасивое положеніе.

Замѣтки:

Памяти Н. М. Мартьянова. 30 ноября 1916 исполнилось 12 лѣтъ со дня смерти основателя Минусинскаго музея Николая Михайловича Мартьянова. Вотъ краткія біографическія данныя, приведенныя въ № 139 мѣстной газеты **«Трудъ»**, посвященномъ памяти покойнаго.

«30 ноября 1904 г. въ 5 час. утра скончался въ Минусинскѣ Н. М. Мартьяновъ. Родился онъ въ 1844 г. 15 іюля въ Минской губ.

Родители его, люди совершенно необезпеченные, съ трудомъ дали ему возможность пройти 3 класса Минской гимназіи, изъ которой, Николай Михайловичъ принужденъ былъ поступить ученикомъ въ Минскую аптеку.

Такимъ образомъ, уже съ 12 лѣтъ началась для него трудовая жизнь.

Затѣмъ, онъ попадаетъ въ Петроградъ, гдѣ въ 1866 г. сдаетъ экзаменъ на аптекарскаго ученика.

Въ окрестностяхъ столицы онъ собралъ шесть коллекцій минераловъ, которыя продалъ за 150 руб. и съ этими деньгами отправился въ Москву.

Посѣщая университетъ въ теченіи 1870-1872 г.г., онъ подготовился къ экзамену на провизора. Въ 1873 г. Николай Михайловичъ получаетъ приглашеніе на службу въ Казань въ аптеку Грахе.

Работа въ аптекѣ не удовлетворяетъ Николая Михайловича; его влекло къ себѣ естествознаніе, почему онъ становится дѣятельнымъ членомъ общества естествознанія при Казанскомъ университетѣ.

Но его болѣе привлекалъ малоизслѣдованный востокъ, главнымъ образомъ, Амуръ.

Вотъ почему на предложеніе Минусинскаго врача А. В. Малинина организовать въ Минусинскѣ и завѣдовать его аптекой, Николай Михайловичъ охотно отозвался—и въ 1874 г. онъ уже въ Минусинскѣ.

Такимъ образомъ, Николай Михайловичъ въ Минусинскѣ прожилъ 30 лѣтъ, умеръ на 60 году своей жизни, половину которой—самую продуктивную—отдалъ Минусинскому краю.

Такова несложная, краткая біографія этого замѣчательнаго человѣка.

Какой простой кажется эта жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ величественна и красива она въ конечномъ итогѣ.

Николай Михайловичъ всѣ свои силы отдалъ служенію наукѣ и культурной работѣ для края, гдѣ онъ жилъ.

Всѣ знавшіе его отличаютъ его необыкновенную безкорыстность.

Вся дѣятельность его была лишена личнаго матеріальнаго интереса; напротивъ, изъ своихъ скромныхъ средствъ провизора того времени онъ много удѣлялъ какъ на музей, такъ и на помощь тѣмъ, кто въ помощи его нуждался.

Ежедневно въ 4-5 час. утра Николай Михайловичъ былъ уже за работой для музея. Къ 8 час. утра ему нужно было быть въ аптекѣ, гдѣ онъ цѣлый день работалъ, а если выпадала свободная минута, онъ посвящалъ ее музею, равно какъ и всѣ вечера до глубокой ночи.

Отдыха, свободныхъ выходныхъ дней, чѣмъ пользуются теперь фармацевты, для Николая Михайловича не существовало, работа для музея была отдыхомъ для него... и такъ прошла вся его жизнь

Въ концѣ сентября 1904 г. Николая Михайловича на рукахъ внесли во второй этажъ музея, гдѣ онъ давалъ нѣкоторыя указанія и распоряженія, а черезъ 2 мѣсяца его уже не стало. Около умершаго Николая Михайловича на столѣ нашли четвертушку бумаги, на которомъ слабымъ, до невозможности неразборчивымъ почеркомъ написаны его послѣднія мысли и желанія, посвященныя музею . . . на этомъ полусловѣ закончились мысль, дѣятельность и жизнь этого столь скромнаго и столь большого человѣка»!

И. Ч.

Скромный дѣятель. Созданіе такого огромнаго учрежденія, каковымъ является въ настоящее время Мартьяновскій музей въ Минусинскѣ, не могло, конечно, быть дѣломъ рукъ одного лица. Огромную заслугу покойнаго Н. М. Мартьянова составляетъ умѣнье выбирать себѣ достойныхъ сотрудниковъ, не только изъ ссыльныхъ, находившихся въ то время въ Минусинскѣ (Кропоткинъ, Клеменцъ, Конь и пр.), но и изъ мѣстныхъ жителей. Однимъ изъ такихъ неза-

мѣстныхъ, безкорыстныхъ тружениковъ является Николай Ивановичъ Тропинъ, который при жизни Н. М. Мартьянова былъ его ближайшимъ помощникомъ и сотрудникомъ, и по смерти основателя—состоитъ хранителемъ музея. Въ 1917 г. исполняется 25-лѣтіе дѣятельности Николая Ивановича и, нужно думать, Минусинское общество достойнымъ образомъ оцѣнитъ его неутомимую и плодотворную дѣятельность и горячую преданность музею.

Ж. Ч.

Начало поселеній иностранцевъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Первыми частными землевладѣльцами въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, кромѣ крестьянъ, явились иностранцы, успѣвавшіе выговаривать себѣ различныя льготы. Вотъ одно изъ прошеній такого иностранца.

«Его превосходительству генералу Фуругельму. *) губернатору Восточной Сибири и пр. и пр.

Ваше превосходительство, желая навсегда поселиться въ южномъ Приамурскомъ краѣ, я осмѣливаюсь, передавая вашему превосходительству сіе прошеніе, обратить вашего превосходительства вниманіе на слѣдующіе пункты:

1) Что я испрашиваю разрѣшенія выбрать подходящій участокъ или участокъ земли для земледѣльческихъ или хозяйственныхъ цѣлей съ тѣмъ, чтобы мнѣ дозволено было въ то же время занять оные и впослѣдствіи по заявленію получить надлежащія крѣпости на таковую, или таковыя земли либо ею владѣніе на нѣсколько лѣтъ за установленную правительствомъ плату, или въ полную собственность посредствомъ продажи, если послѣднее будетъ для меня болѣе подходящимъ.

2) Чтобы, въ случаѣ моего владѣнія такою землею, мнѣ разрѣшено было привезти изъ Европы или др. странъ потребныя для разработки той земли рабочія руки съ правомъ разрабатывать землю за мой счетъ, или отдавать ее въ арендное содержаніе разомъ, или послѣ тѣмъ переселенцамъ, которыхъ я могу привезти.

3) Чтобы мнѣ было разрѣшено на той землѣ рубить и употреблять лѣсъ для постройки зданій и пр. и устраивать лѣсопильни, если обстоятельства того потребуютъ.

4) Чтобы мнѣ было дозволено свободное пользованіе прорѣзающихъ мою землю водъ и плаваніе по онымъ.

---

*) Контръ-адмиралъ Фуругельмъ—главный командиръ портовъ Тихаго Океана и военный губернаторъ Приморской области конца 1860-хъ и начало 1870 хъ годовъ.

5) Чтобъ не былъ допускаемъ насильственный проѣздъ чрезъ мои владѣнія безъ моего согласія, исключая случаевъ правительственныхъ надобностей.

6) Чтобы мнѣ дозволенъ былъ вывозъ моихъ произведеній либо въ другія части русскихъ владѣній, или иныя мѣста.

7) Чтобы мнѣ предоставлено было, въ случаѣ открытія на земляхъ, поступившихъ въ мою собственность, коней драгоцѣнныхъ матеріаловъ, каменнаго угля и право преимущества разрабатывать оныя по заявленію, соображаясь всегда съ правилами и постановленіями, правительствомъ для такихъ случаевъ предписанными.

8) Чтобы, независимо отъ моей просьбы о выборѣ земли для земледѣльческихъ и хозяйственныхъ цѣлей, мнѣ было бы разрѣшено искать золото и, въ случаѣ открытія, разрабатывать оное.

9) И, наконецъ, я прошу дозволенія разрабатывать оставленный старый золотой пріискъ, извѣстный подъ названіемъ Плиты, около Посьета, съ тѣмъ чтобы начать работы немедленно посредствомъ китайцевъ, пока время еще допускаетъ приступить къ подобному предпріятію и, въ случаѣ ваше превосходительство согласны на исполненіе моей просьбы, я обязуюсь въ точности исполнять всѣ условія, которыя правительство заблагоразсудитъ предписать. Я имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Томасъ Верноко».

Розыскъ въ Сибири украденныхъ статуй изъ Мадридскаго музея. Въ 1886 году въ Мадридскомъ археологическомъ музеѣ было похищено 14 бронзовыхъ статуй, очень цѣнныхъ по древности и художественному исполненію.

По просьбѣ испанскаго посланника въ Петроградѣ, какое министерство внутреннихъ дѣлъ принялось за розыскъ пропавшихъ статуй по всѣмъ уголкамъ великой Россіи. Искали вездѣ, даже тамъ, куда воронъ костей не носитъ...

Горный исправникъ частныхъ золотыхъ промысловъ Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ предписываетъ (17 іюля 1889 года за № 374) администраціи Бирюсинскихъ золотыхъ пріисковъ «сдѣлать личный и сторонній опросъ служащимъ и рабочимъ, не находится ли у нихъ перечисленныхъ въ семь статуй», т. е. Аполлона, Бахуса, Діаны, Сатира, Ніобой и т. д.

И. Евсенинъ.

Стоимость удара кнутомъ въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка. Это интересное дѣло. Старина—матушка часто даетъ намъ примѣры удивительно радикальныхъ мѣръ для пресѣ-

менія тѣхъ или другихъ непорядковъ жизни.

Въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка семьяне Булановъ, Петровъ и другіе, судившіеся по дѣлу объ убійствѣ крестьянина Успова, были незаконно наказаны кнутомъ, вслѣдствіе неправильнаго судебнаго приговора.

Дѣло приняло характеръ громкаго судебнаго скандала, и дошло до свѣдѣнія императора Николая I. Государь на этомъ дѣлѣ положилъ слѣдующую рѣшительную резолюцію: «взыскивать впредь по двѣсти рублей за каждый ударъ, невинно данный».

Распоряженіе императора было сообщено, какъ руководящій законъ, всѣмъ судебнымъ и гражданско-административнымъ учрежденіямъ; въ 1835 году оно докатилось и до Нижнеудинскаго земскаго суда, изъ архива котораго оно и заимствовано мной.

Я. Ходукинъ.

Маркъ Волоховъ. Въ нѣкоторыхъ сибирскихъ газетахъ было сообщено, что, съ назначеніемъ меня на должность директора Иркутскаго учительскаго института, въ учебномъ планѣ института произведены нѣкоторыя измѣненія. Между прочимъ, было указано, что теперь въ институтѣ введены обязательныя лабораторныя занятія по естествовѣдѣнію, включая сюда, конечно, и физику. «А то было, кончаетъ юноша институтъ и не умѣетъ произвести опыта». По этому поводу Маркъ Волоховъ въ «Иркутской Жизни» (№ 304) разразился слѣдующимъ, не лишеннымъ интереса, размышленіемъ.

Подумать только:

Кончаетъ въ Иркутскомъ институтѣ юноша и ничего не умѣетъ дѣлать...

И некому во всемъ округѣ направить его на истинную дорогу.

Я не удивляюсь тому, что Маркъ Волоховъ круглый невѣжда въ вопросахъ преподаванія естествовѣдѣнія и физики, такъ какъ грамотѣ онъ учился маловато, а педагогическаго опыта совсѣмъ не имѣетъ. Нельзя же съ такихъ людей многаго спрашивать.

Но я пріятно удивленъ тѣмъ, что онъ, помимо должности *легкаго* фельетониста въ «Иркутской жизни», исполняетъ еще обязанности *докладчика по начальству*. Исполняетъ мастерски; развѣ это не великолѣпно сказано:

И некому во всемъ округѣ направить его на истинную дорогу.

А. Линьковъ.

Табакоразведеніе въ Братской волости Нижнеудинскаго округа, въ 1870 году. Какъ извѣстно, табакоразведеніе въ Сибири началось съ декабристовъ, изъ коихъ въ этомъ отношеніи особенную извѣстность пріобрѣлъ Петръ Фаленбергъ. Отъ декабристовъ переняли табакоразведеніе и сибиряки, тѣмъ болѣе, что дѣло не особенно мудреное.

По даннымъ архива Нижнеудинскаго полицейскаго правленія, въ 1870 году въ Братской волости табакомъ засѣвалось 8 десятинъ 1027 кв. саж. Табакъ -«самый простой сортъ, называемый самосадкою».

«Никакихъ иныхъ способовъ къ обработкѣ жители, государственные крестьяне, не знаютъ, какъ только табачныя сѣмена, наподобіе капустныхъ сѣмянъ, сѣютъ въ разсадники: по появленіи первыхъ листочковъ, разсаживаютъ въ приготовленныя посредствомъ копанья заступами гряды, а по созрѣніи, листы снизываютъ на нитки, провяливаютъ ихъ, преимущественно подъ тѣнью; потомъ связываютъ въ папушки, складываютъ ихъ въ кучи или посуду, и табакъ готовъ къ употребленію».

Съ засѣянной площади въ 1870 году было снято табаку 168 пуд. 10 фунтовъ, изъ коихъ 112 пудовъ употреблено самими разводителями, а 56 пуд. 10 фун. продано односельчанамъ по цѣнѣ отъ 5 до 6 рублей за пудъ.

И. Евсенинъ.

Наши историки. 3 декабря 1916 года въ Иркутскомъ городскомъ театрѣ была поставлена драма въ 5 дѣйствіяхъ А. С. Суворина: «Царь Димитрій Самозванецъ и царевна Ксенія».

Постановка этой пьесы, въ смыслѣ соотвѣтствія исторической дѣйствительности, была изъ рукъ вонъ плоха.

Царевну Ксенію играла г-жа Княжевичъ, грубый голосъ которой способенъ «убить на разстояніи» и ничуть не соотвѣтствовалъ мягкому серебристому голосу Ксеніи Борисовны.

Царицу Марину Юрьевну играла г-жа Каминская, которая ростомъ не уступаетъ царю Димитрію Самозванцу. Между тѣмъ, изъ исторіи извѣстно, что Марина Мнишекъ была такъ мала ростомъ, что въ моментъ переворота 17 мая 1606 года она отъ испуга спряталась въ складкахъ платья фрейлины Казариновой.

Царь Димитрій въ изображеніи г. Двинскаго вышелъ красавцемъ, жгучимъ брюнетомъ, а подлинный Димитрій Самозванецъ былъ рыжій, съ громадной бородавкой надъ носомъ.

Такія «ошибки» съ историческими пьесами въ Иркутскомъ театрѣ въ сезонѣ 1916—17 года не рѣдкость. Конечно, необходимо требовать отъ артистовъ историческаго знанія изображаемыхъ ими лицъ, но... когда имъ заниматься исторіей!

Другое дѣло критика.

Впрочемъ, и по этой части въ Иркутскѣ съ исторіей дѣло обстоитъ болѣе или менѣе плохо.

Для примѣра возьмемъ театральнаго критика Исаака Г., онъ же руководитель газеты «Сибирь».

Въ своей рецензіи («Сибирь», № 265) по поводу постановки «Царя Димитрія» онъ нашелъ «хорошей» г-жу Каминскую и упрекнулъ г. Двинскаго за то, что онъ изображалъ не самозванца, «а, пожалуй, подлиннаго сына царя». Очевидно, Исаакъ Г. никогда слыхомъ — не слыхивалъ, что А. С. Суворинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ историковъ, которые признаютъ Димитрія Самозванца подлиннымъ сыномъ царя Ивана IV.

«Зачѣмъ же вы, г. Исаакъ Г., [illegible]... гнуть дуги? Не ваше это дѣло. [illegible]. Обойдемся какъ нибудь безъ [illegible]

Вѣдь обходились же столько лѣтъ. Ну, и впредь обойдемся». (Сравн. «Сибирь», № 284).

199605

СОДЕРЖАНІЕ.

«Сибирскаго Архива» за 1916 годъ.

Первая книжка: *В. А. Ватинъ.* Сойоны въ началѣ 40-хъ г. г. прошлаго столѣтія; страница 1.—*А. Линьковъ.* Хлопоты коллежскаго регистратора Геблера и купеческаго сына Суханова объ отводѣ подъ пріиска земель Качинскихъ татаръ; стр. 8.—*К. Рычковъ.* Оборотень (изъ тунгузской жизни); 15.—*Н. Е. Черныхъ.*—Моя родословная и событія въ жизни. (Изъ хроники иркутской патріархальной семьи); 20.—Библіографія: *Ив. Евсенинъ.* Н. А. Лопатинъ «Лѣто среди орочей и гольдовъ»; 14.—Замѣтки: *Св. Б. Герасимовъ.* Къ вопросу о подлинной рукописи поэмы Лермонтова «Демонъ»; 37.—*Кузнецовъ—Красноярскій.* Изъ расход. книги г. Томска 1630 1631 гг.; 38.—Въ старину гуляли дѣды (по архивн. даннымъ); 41.—*М. Овчинниковъ.* Бурятская легенда о лебедѣ; 41.—*Я. Ходукинъ.*—Дѣло объ откушеніи носа крестьян. Богомоловымъ у матери своей (по архивнымъ даннымъ Нижнеудинскаго земскаго суда); 43.—Плачъ рыжаго (стихотвореніе); 47.

Вторая книжка: *Н. Чужакъ.* Сибирское художество и сибирское областничество; 49.—*Кузнецовъ—Красноярскій.* Изъ сибирской старины; 68.—*М. Овчинниковъ.* Матеріалы по отреченной сибирской литературѣ; 74.—*Ив. Евсенинъ.* Библіографическая замѣтка о шаманствѣ. (В И. Анучинъ. Очеркъ шаманства у Енисейскихъ остяковъ); 79.—Замѣтки: *А. Фарафонтовъ.* Изъ бурятскихъ загадокъ; 67.—*Б. І.* Изъ алтайскихъ поговорокъ; 73.—Мелочи изъ жизни Качинскихъ татаръ (по архивнымъ даннымъ); 78.—Фотографія (наводненіе въ Н-Удинскѣ въ іюнѣ 1912 г.); 83. *Н., Е. Олейниковъ.* Изъ повѣрій Усть-Янскихъ якутовъ о Котельномъ островѣ; 84.—*В. А. Ватинъ.* О гражданской зрѣлости Сибири въ 1875 году; 85.—*Его-же* М. В. Буташевичъ—Петрашевскій въ Минусинскѣ; 88.—*Я. Бирюковъ.* Какъ создаются легенды на Алтаѣ; 90.—*Я. Ходукинъ.* Химики (по архивнымъ даннымъ); 93.—*Кузнецовъ—Красноярскій.* Реклама въ Сибири «рижскаго бальзама»; 94.

Третья—четвертая книжка: *В. А. Ватинъ.* Восточная Сибирь въ началѣ XIX вѣка; 97.—*Маркъ Азадовскій.*—Пѣснь о переселеніи на Амуръ; 157.—*В. Загорскій* По Тункинскому краю (путевыя впечатлѣнія). 173. Замѣтки: *В. В-нъ.* Духовенство и паства; 172.—*М. Овчинниковъ.* Чирьевые заговоры (Иркутск. губ.); 187.—*Кузнецовъ—Красноярскій.* Отрывокъ изъ дѣла объ убійствѣ якута Батина въ 1720 году; 188.—*К. Лаврентьевъ.* Памяти кн. Вяземскаго; 189.—*Ив. Чибизовъ.* Указъ о размежеваніи томскихъ и красноярскихъ инородцевъ; 190.—*М. Овчинниковъ.* Сказаніе о 12 лихорадкахъ; 191.—*Его-же.* Заговоры (отъ змѣй, «присушить» любимаго человѣка, отъ крови); 192.—

Пятая книжка: *В. Ватинъ.* Матеріалы для исторіи золотопромышленности въ Сибири; 193.—*Н. Е. Олейниковъ.* Къ исторіи распространенія христіанства въ Якутской области; 203.—*Б. Г.* Изъ жизни Ѳ. М. Достоевскаго въ Семипалатинскѣ; 207.—*К. Рычковъ.* Великій духъ огня (изъ жизни тунгусовъ; 212.—*Маркъ Азадовскій* Изъ дѣятельности крестьянъ-собирателей (цѣны на хлѣбъ въ Верхоленскомъ уѣздѣ за 20 лѣтъ); 216.—*В. А. Ватинъ.* Къ вопросу объ именахъ Минусинскихъ инородцевъ; 219.—*М. Семеновъ—Горинъ.* Алтайскій народный судъ; 222.—*Е. Гонсовичъ.* Мелочи изъ жизни стариннаго Амурскаго духовенства; 229.—*Кузнецовъ—Красноярскій.* Дѣло о плѣнникѣ Людвигѣ Синицкомъ. 235. Замѣтки: *И. Я. Чибизовъ.* Тоже статистика; 209.—Изъ Минусинскихъ пословицъ; 211.—*А. Л.* Этнографическія брызги (Минусинскіе татары). 215.—*М. Овчинниковъ.* Заговоръ для „присушки“ дѣвицы или парня. 218.—*Его-же.* Заговоръ отъ лихорадки. 239. Отъ редактора—издателя „Сибирскаго Архива“. 240.

Съ іюньской книжки программа «Сибирскаго Архива» расширена введеніемъ отдѣловъ сибирской культуры и общественности, благодаря чему самый журналъ переименованъ въ

«Сибирскую Лѣтопись».

Шестая—седьмая—восьмая книжка: *Проф. П. Лященко.* Къ исторіи насажденія частной земельной собственности въ Сибири; 241. *И. Т. Савенковъ.* О памятникахъ, оставленныхъ на р. Енисеѣ человѣкомъ—современникомъ мамонта (продолженіе слѣдуетъ); 247.—*К. Дубровскій.* Изъ китайскихъ мотивовъ. Стихотв.; 257.—*М. П. Овчинниковъ.* Изъ моихъ народовольческихъ воспоминаній; 258.—*Варвара Статьева.* По Ленѣ (Путевыя впечатлѣнія); 287.—*А. Пруссакъ.* Замѣтка о Тункинскомъ острогѣ; 303.—*В. Н. Соколовъ.* Экономическія перспективы Забайкалья; 305.—*Н. Чужакъ.* Литературныя замѣтки; 325. *А. Линьковъ.* Открытое письмо гг. Крутовскому и Колосову; 345.—*В. А. Ватинъ.* Изъ исторіи евреевъ въ Сибири; 342.—*А. Линьковъ.* Тагарское озеро, какъ лечебный курортъ; 348.—*Л. Орловъ.* По сибирскимъ архивамъ; 365—*Библіографія: Н. Ч.* „Сѣверныя Зори", сборникъ; 368.—*В. Григорьевъ.* «Иркутскіе вечера», альманахъ; 369.—*В. Г.* „Словарь сибирскихъ писателей, поэтовъ и ученыхъ"; 369.—*С. Б.* П. Н. Колядо—„Изъ ленскихъ впечатлѣній». 371. *Ст.*—Кооперативные журналы Сибири; 372. Замѣтки: Небрежное храненіе коллекцій въ Иркутскомъ музеѣ географическаго общества; 246.—В. В. Федоровъ (некрологическая замѣтка). 256.—*Л.* Къ открытію университета въ Иркутскѣ; 302.—*А. Линьковъ* И. П. Кузнецовъ-Красноярскій (некрологъ); 324.—Изъ консисторскихъ нравовъ недавняго прошлаго; 337.

Девятая—десятая книжка: *П. Драверть.* Улаханъ Оронъ на Вилюѣ (Стихотв.); 379.—*Мих. Плотниковъ.* Шаманъ (изъ жизни вогуловъ); 380.—*А. Оборинъ.* Въ сердцѣ тайги (Стихотв.); 387.—*Н. Романовъ.* Періодическая печать г. Иркутска; 389.—*М. П. Овчинниковъ* Изъ моихъ народовольческихъ воспоминаній; 449.—*Н. Мокьевъ.* Къ исторіи университетскаго вопроса въ Иркутскѣ; 458.—*Леонидъ Орловъ.* Дѣло о народномъ недовольствѣ въ Братской волости и Николаевскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ въ 1887 г.; 473.—*А. Линьковъ.* Красноярскіе Катоны—гг. Крутовскій и Колосовъ; 475.—*Иванъ Евсенинъ* Письмо въ редакцію „Сибирской Лѣтописи"(Инцидентъ «Сибирскаго Архива» съ «Сибирскими записками"); 476.—*В. Ватинъ.* Памяти Василія Ивановича Семевскаго; 485.—*Библіографія: В. А. Ватинъ.* Д. Каррутерсъ «Невѣдомая Монголія». Т. I; 486.—*Н. Ч.* „Сибирскій пересмѣшникъ", альманахъ; 491.—*В. Ватинъ.* А. Г. Шлихтеръ. Экономическ. полож. крестьянъ Туруханскаго края. Т. I; 491.—Замѣтки: Уходъ изъ «Сибир. Запис." В. А. Ватина; 479—Небрежное храненіе коллекцій въ Иркутскомъ музеѣ географическаго общества; 479.—Изъ исторіи городскихъ финансовъ Сибири, 480.—Оригинальная форма брачнаго развода; 482.—*Иванъ Евсенинъ.*—Буряты о карагассахъ; 482.—А. В. Львовъ и М. М. Холодковскій (Къ характеристикѣ ихъ дѣятельности); 483.—*И. Евсенинъ.* Изъ бурятскихъ примѣтъ; 483.

Одиннадцатая—двѣнадцатая книжка: *А. В. Адріановъ* Реликвія села Ермаковскаго; 497.—*А. И. Савельевъ.* Засѣдатель М. А. Морошкинъ; 501.—*А. Линьковъ.* Къ исторіи брака въ Сибири (По архивнымъ даннымъ); 508.—*М. П. Овчинниковъ.* Изъ моихъ народовольческихъ воспоминаній; 516.—. *А. Ватинъ* Восточная Сибирь въ началѣ XIX вѣка. 528.—*Свящ. Борисъ Герасимовъ.* Матеріалы къ пребыванію Ѳ. М. Достоевскаго въ Семипалатинскѣ; 567.—*А. Линьковъ.* О непорядкахъ въ Иркутскомъ географическомъ музеѣ (Отвѣтъ И. И. Серебренникову); 570.—*В. А. Ватинъ.* Администрація и попытки насажденія крѣпостничества въ Сибири; 584.—*А. Линьковъ* Отвѣтъ Колосову; 586.—Замѣтки: Памяти Н. М. Мартьянова; 594.—Начало поселеній иностранцевъ въ Южно-Уссурійскомъ Краѣ; 596.—Розыскъ въ Сибири украденныхъ статуй изъ Мадридскаго музея; 597.—Стоимость удара кнутомъ въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка; 597.—Маркъ Волоховъ; 598.—Табакоразведеніе въ Братской волости Нижнеудинскаго округа въ 1887 году; 599.—Наши историки; 599.